

3(2-Руч)5

Г 76

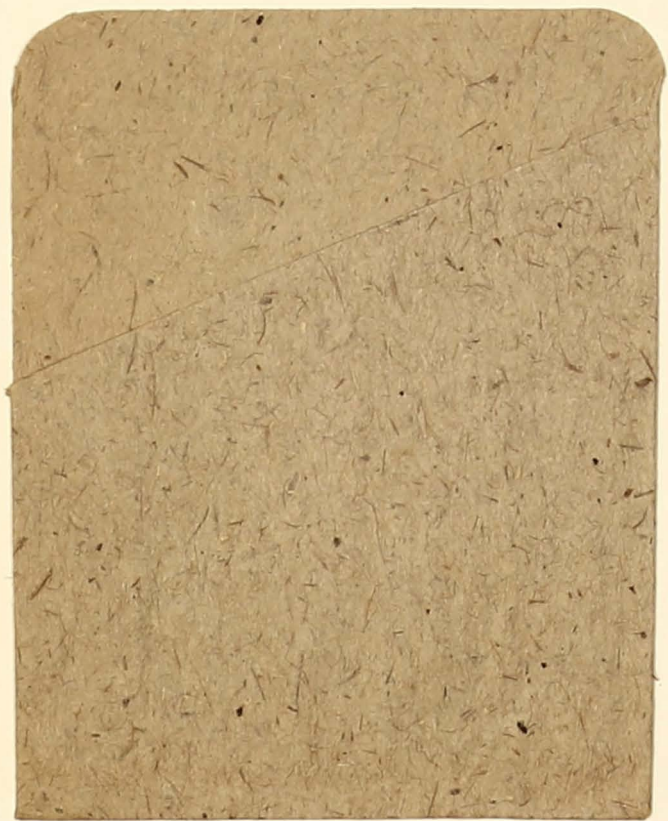

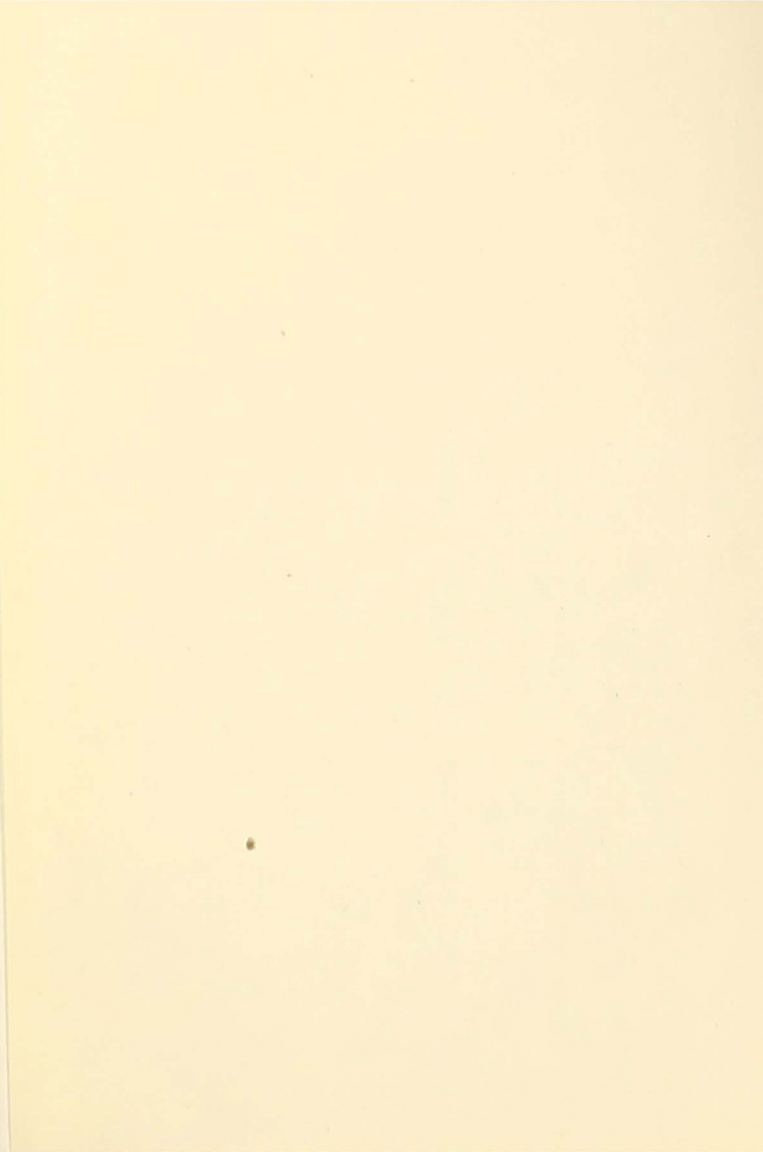
200 лет

Морес Трофилов

Симбирские дни Пушкина

83.3/2=РУС)5

Т 76

ЖОРЕС ТРОФИМОВ

Симбирские дни ПУШКИНА

Исследования и находки

Красноярскому
областной научной библиотеке
им. П. И. Ершова
с любовью и благодарностью
вкладываясь в развитие
культуры
и искусства

Ульяновск

1999

Ульяновская областная
библиотека

Дворец культуры и имени

1.2.2000.

1032 120

ББК 85.334.3 (2Р — Рус.) 5—8

Т 76

Трофимов Ж. А.

Т 76 Симбирские дни Пушкина: Исследования и находки. — Ульяновск: ГУП “Облтипография “Печатный двор”, 1999 г. — 144 с.

Книга издана в соответствии с постановлением главы администрации Ульяновской области от 19.06.93 г. № 205 “Об областной программе книгоиздания”. Позиция № 191.

ISBN 5—7572—0033—2

ББК 85.334.3 (2Р — Рус.) 5—8

© ГУП “Областная типография
“Печатный двор”, 1999.

© Трофимов Ж. А., 1999.

СИМБИРСКИЕ ДНИ ПУШКИНА

Мифы и реальность

Минуло 165 лет с той сентябрьской поры 1833 года, когда Александр Сергеевич совершил поездку по Поволжью и Южному Уралу, чтобы своими глазами увидеть места, где шестьдесят лет назад бушевала крестьянская война во главе с "мужицким царем". Одновременно поэт надеялся сверить все то, что прочел из опубликованного о Пугачеве и что сам почерпнул в Петербурге из множества архивных "мертвых документов", со "словами еще живых, но уже престарелых очевидцев", с последующей поверкой "их дряхлеющей памяти историческою критикою".¹ И сразу же после этого путешествия Пушкин намеревался уединиться в Болдине, чтобы под свежими впечатлениями приступить к завершению уже написанных им вчерне "Истории Пугачева" и "Капитанской дочки".

Путешествие это было самым длительным в жизни поэта (около полутора месяцев), самым дальним (почти 5 тысяч верст) и самым плодотворным для расцвета его второй музыки, покровительницы истории Клио. Примечательно, что наиболее продолжительным оно оказалось по Симбирскому краю. Так, если в Нижнем Новгороде Александр Сергеевич пробыл сутки с небольшим, в Казани — более двух суток, в Оренбурге и Уральске — по двое неполных, то пребывание в Симбирске, Языкове и поездки по губернии заняли в общей сложности почти девять суток.

Однако так уж случилось, что как раз симбирские дни Пушкина оказались менее изученными, нежели,

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т.8. Л., 1978, с. 275.

скажем, его пребывание в Нижнем Новгороде или Казани, не говоря уж об Оренбуржье, и не в последнюю очередь — оттого, как это указывал симбирянин А. И. Тургенев, что "знать наша не знает славы русской, олицетворенной в Пушкине". Иначе, чем можно объяснить, что в "Симбирских губернских ведомостях", издававшихся с 1 января 1838 года под контролем местной знати, на протяжении шести десятилетий (!) не появилось ни одной публикации, связанной с пребыванием великого поэта в нашем крае и его тесных отношениях с видными симбирянами? Если же учесть, что в 1864 году в Симбирске произошел грандиозный пожар, в пламени которого погибли почти все ведомственные архивы, то разработка пушкинской темы некоторым краеведам стала казаться почти невозможной.

Но дело, к счастью, оказалось не таким уж безнадежным: главные реликвии 1833 года — письма Александра Сергеевича — медленно, но все же становились достоянием просвещенной России. Так, в том же 1864 году историк П. И. Бартенев опубликовал в "Русском архиве" письмо Пушкина от 30 октября 1833 года к князю В. Ф. Одоевскому, в котором поэт сообщал, что в Симбирске видел "скромную отшельницу", о которой говорил с князем перед отъездом из Петербурга в Поволжье, и, как будто, "губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша", и дело ее, "кажется, кончено".¹

Казалось бы, наши краеведы должны были заняться этим сюжетом, имеющим прямое отношение к пребыванию Пушкина в нашем городе, но они предпочли взять на веру комментарий П. И. Бартенева о том, что поэт выполнял в Симбирске поручение Одоевского — "наведаться о его матери, вышедшей вторично замуж (за

¹ Пушкин. Письма. Т. III. М., 1935, с.111.

полицмейстера П. Д. Сеченова. — Ж. Т.) и терпевшей от мужа неверность".¹ И только в наши дни столичные исследователи установили, что "отшельницей" была не мать князя, а 22-летняя девушка-дворянка Варвара Ивановна Кравкова.²

Бесценный вклад в Пушкиниану внес Иван Сергеевич Тургенев, опубликовавший в январской книжке "Вестника Европы" за 1878 год 13 писем Александра Сергеевича, написанных летом и осенью 1833 года жене (до того хранившихся у младшей дочери поэта Натальи Александровны).

Эти сугубо личные послания в сочетании с ранее опубликованными письмами поэта к шефу жандармов и военному министру, приятелям и знакомым литераторам, значительно расширили познания исследователей как о ходе поездки Пушкина в 1833 году по Поволжью и Уралу, так и о ее предыстории.

Что касается наших местных краеведов, то с обнаружением Тургеневым писем поэта к жене от 12 и 14 сентября (из Языкова и Симбирска) наконец-то открывалась возможность воссоздания таких сюжетов, как первая встреча поэта с Симбирском, первая поездка в Языково и возвращение назад в город, неудачная попытка продолжить путешествие в Оренбург по правому берегу Волги и возвращение из Сенгиля в Симбирск и наконец расставание с ним при переправе в Заволжье. Нетрудно представить важность для наших краеведов и строк пушкинского письма от 2 октября, написанных жене из Болдина: "Проезжая мимо

¹ Пушкин. Письма. Т. III. М., 1935, с. 654.

² Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983, с. 184; Трофимов Ж. Дело, которым занимался поэт в Симбирске. — Ульяновский комсомолец, 1984, 3 июня.

Языкова, я к нему заехал, застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда".¹

Вслед за И. С. Тургеневым, своим новым маститым петербургским знакомым, очень весомую лепту в Пушкиниану внес поэт-симбирянин Дмитрий Николаевич Садовников. Осенью 1882 года, находясь в Петербурге, он получил из Симбирска от П. А. Языкова, племянника Николая Языкова, семейный архив — для написания биографического очерка о выдающемся поэте-земляке. Работая над ним, Садовников подготовил публикации "Отзывы современников о Пушкине (к материалам для его биографии)" и "Письма Пушкина к Н. М. Языкову". Дмитрий Николаевич словно предчувствовал первоочередную необходимость обнародования этих жемчужин языковского архива: первую из этих публикаций он успеет прочесть в начале декабря 1883 года в столичном "Историческом вестнике", а 19 (31) числа на 37-м году жизни сердце его перестанет биться. Вторая публикация Садовникова (незадолго до этого написавшего и слова своей бессмертной песни "Из-за острова на стрежень") появится в "Историческом вестнике" в мае 1884 года.

Первая публикация Садовникова, насыщенная важными выдержками из переписки Николая Языкова и его родных, впервые позволила исследователям представить во всей полноте их отношения с Пушкиным, познакомиться с их оценками новых произведений первого поэта России, важнейшими событиями литературной жизни столиц и наконец увидеть отражение в Симбирске трагической гибели "солнца русской поэзии". Но Дмитрий Николаевич не ограничился ролью публикатора, и отзывы современников о Пушкине он сопроводил комментариями, отражавшими новейшие достиже-

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 106.

ния пушкинистики. Так, процитировав письмо Николая Языкова к брату Александру в Симбирск, в котором выражалось недоумение отказом Пушкина от услуг профессора-хирурга И. Ф. Мойера, согласившегося приехать из Дерпта в Псков, чтобы сделать поэту операцию на ноге, Садовников поясняет читателям, что Александр Сергеевич в это время намеревался "бежать из России".¹ А сообщение Н. Языкова в письме в Симбирск от 7 марта 1828 года о том, что "Пушкин написал много нового, между прочим поэму "Стенька Разин", Садовников сопроводил пояснением, что "поэма" — это цикл "Песен о Стеньке Разине"².

Невозможно переоценить значение и публикации Садовниковым шести подлинных пушкинских писем к Николаю Языкову. В тексте одного из них он восстановил опущенные П. В. Анненковым слова Пушкина о том, что царь сам стал его цензором; в другом случае — исправил опisku Александра Сергеевича при указании даты (с 21 ноября на 21 декабря); к третьему письму дал пояснение, что оно "шло не по почте"; датировку четвертого дал по помете Н. М. Языкова на конверте, а с двумя письмами Дмитрий Садовников вообще впервые познакомил читателей.

После кончины Дмитрия Николаевича языковский архив вернулся в Симбирск. По инициативе председателя губернской ученой архивной комиссии СГУАК Владимира Николаевича Поливанова почти вся переписка Н. М. Языкова была передана Пушкинскому Дому при Российской академии наук.

Этот маститый краевед (связанный по линии жены родственными узами с Языковыми) внес и личный вклад в симбирскую Пушкиниану. В 1896 году он побы-

¹ Исторический вестник, 1883, № 12, с. 524.

² Там же, с. 526.

вал в родовом имении Языковых (принадлежавшем теперь владельцу суконной фабрики), тщательно осмотрел все, что в господской усадьбе напоминало о пребывании здесь Александра Сергеевича осенью 1833 года, и написал обстоятельный очерк "Село Языково", опубликованный в № 12 за 1896 год, он не потерял научного значения до наших дней. Столетие со дня рождения великого поэта В. Поливанов почтил очерком "А. С. Пушкин в Симбирске" (тоже в " Историческом вестнике", 1899, № 8), который, впрочем, правильнее было бы озаглавить "Пушкин и Симбирск", ибо основное место в нем занимает рассказ о близких связях Александра Сергеевича со славными уроженцами края — Н. М. Карамзиным, А. И. Тургеневым, Н. М. Языковым и И. И. Дмитриевым.

Опираясь на труды П. В. Анненкова, публикации пушкинских писем и языковский архив, В. Поливанов мог бы создать добротный документальный очерк "А. С. Пушкин в Симбирске". Но напряженная общественная работа на посту губернского предводителя дворянства не оставляла времени для кропотливого поискового исследовательского труда, да и по своей натуре он не тяготел к "сочинительству". Владимир Николаевич, как бы оправдываясь, заявил читателям "Исторического вестника": "Случайный приезд А. С. Пушкина в Симбирск в раннее осеннее время прошел, по-видимому, мало замеченным, и мы, к сожалению, не имеем привести здесь других указаний, кроме тех, о которых он сам сообщает в своих письмах. В числе наших сограждан, правда, живы еще некоторые, которые сохранили из своих детских воспоминаний симпатичный облик курчавого поэта, с ласкою относившегося к детям".

Кто-кто, а В. Н. Поливанов (его отец был одним из ближайших друзей М. Ю. Лермонтова), десятилетиями собиравший старинные экспонаты для своего музея в

родовом имении Акшуат, руководивший по должности председателя СГУАК созданием при ней музея и исторической выставки в октябре 1898 года, устраивавшейся в Доме дворянского собрания по случаю 250-летия Симбирска, лично знал всех сограждан", которые полвека спустя, а то и более, пытались припомнить какие-нибудь штрихи о пребывании Пушкина в Симбирске в далеком 1833 году. И хотя Поливанов не назвал имен этих старожилов, ясно, что в первую очередь он имел в виду князя В. И. Баюшева, автора "Записок о былом", публиковавшихся в 1883 году в "Московских ведомостях", в которых были такие строки: "Заезжал в Симбирск бессмертный поэт Пушкин, проездом в Оренбургскую губернию для собирания материалов к истории Пугачевского бунта; он останавливался у Петра Михайловича Языкова, у дома которого собирались городские жители, чтобы посмотреть на славного поэта. Гимназисты, по окончании классов, тоже собирались толпой, ожидая его выхода, и когда он вышел для прогулки по городу, то сказал им несколько слов, к сожалению, не оставшихся в моей памяти".¹

Каждый, кто читал письма Пушкина, знал, что поэт встречался с Петром Языковым не в Симбирске, а в селе Языково. Поэтому и Поливанов, и его ближайшие сотрудники по СГУАК П. Л. Мартынов — автор книги "Город Симбирск за 250 лет его существования" и М. Ф. Суперанский, написавший к юбилею города брошюру "Симбирск и его прошлое", проигнорировали указания Баюшева, что Пушкин якобы останавливался в доме Языковых на Спасской улице. Им было ясно, что престарелый князь, который в 1833 году был 14-летним гимназистом, перепутал дома: он и его товарищи толпились перед **домом губернатора**, где останавливался Пушкин...

¹ Московские ведомости, 1883, № 335, 3 декабря.

Иначе отнесся к этому сюжету баюшевских "Записок о былом" отставной 69-летний поручик В. П. Юрлов, многолетний сотрудник (штатный и нештатный) "Симбирских губернских ведомостей". В разгар юбилейной шумихи по случаю столетия со дня рождения поэта он 29 мая 1899 года выступил в родных "Губернских ведомостях" (в рубрике "фельетон") с публикацией "К воспоминаниям об А. С. Пушкине".

Забываясь "о полноте биографии" Александра Сергеевича, Юрлов вначале поделился своими "личными воспоминаниями": "Бывши еще семилетним мальчиком, я имел случай в конце 1836 года два раза видеть Пушкина в Петербурге: однажды в театре, а в другой раз в Летнем саду". А затем он перешел к изложению слышанного о поэте от Д. П. Ознобишина и В. А. Соллогуба. Первому приписал такое высказывание: "Все известные писатели того времени удивлялись той снисходительности к Пушкину, которую проявлял к нему сам государь император Николай I..." Но в действительности даже В. А. Жуковский с болью в сердце считал нужным написать Бенкендорфу в 1837 году о тягостях правительственной опеки над Пушкиным: "Ему нельзя было тронуться с места свободно, он лишен был наслаждения видеть Европу, ему нельзя было произвольно ездить по России, ему нельзя было своим друзьям и своему избранному обществу читать свои сочинения..." И уж кто-кто, а Д. П. Ознобишин, десятилетиями ощущавший на себе гнет цензуры, знал о драматической судьбе Александра Сергеевича.

Неприятие вызывает и приписываемое Юрловым писателю В. А. Соллогубу высказывание, будто Пушкин "несправедливо замечал как бы недостаток уважения к своей личности со стороны вельможных лиц" царского двора. На самом деле Соллогуб в своих воспоминаниях, опубликованных в 1865 году в "Русском архиве", под-

черкивал: "Пушкин находился в среде, над которой не мог не чувствовать своего превосходства, а между тем в то же время чувствовал себя почти постоянно униженным и по достатку, и по значению в аристократической среде".¹

Неудивительно, что как "личные воспоминания" Юрлова, так и его попытки под видом рассказов писателей приподнести плоды собственного воображения, либо анекдоты, почерпнутые из бульварной прессы, оказались не востребованными В. Н. Поливановым, М. Ф. Суперанским, П. Л. Мартыновым и другими серьезными краеведами. Не приняли они как беспочвенное и утверждение В. П. Юрлова о том, что по рассказам его отца, штабс-капитана П. И. Юрлова (скончавшегося в 1869 году), Пушкин во время пребывания в Симбирске якобы "обедал у брата поэта Н. М. Языкова — Александра Михайловича" в компании с губернским предводителем дворянства Бестужевым, ветераном Отечественной войны 1812 года Аржевитиновым, помещиком Столыпиным, Александром и Петром Ивановичами Юрловыми, а вечером все гости заехали "выпить шампанского" к Аполлону Ивановичу Юрлову, где поэт "по обыкновению поражал всех своим остроумием".

И только в 1913 году краевед Н. А. Державин ввел эти эпизоды о якобы веселом времяпрепровождении Пушкина в домах Языкова и Юрлова в свою статью "А. С. Пушкин в Симбирской губернии" (Нива, 1913, № 36, с. 716). Он же привел и "точную" дату мнимого застолья: 13 сентября 1833 года. Однако позже нашлись краеведы, которые назвали другую дату — 14 сентября, и власть имущие, принимая в 1937 году решение об установлении на языковском особняке мемориальной доски, предпочли текст без указания даты: "В этом доме

¹ *Соллогуб В. А. Воспоминания. М. — Л., 1931, с. 356.*

проездом из Петербурга в Оренбург останавливался великий народный поэт А. С. Пушкин".¹

А спустя еще 30 лет на основании утверждения В. Юрлова, будто Александр Языков (а не его брат Петр, как говорил князь В. Баюшев) давал обед в честь Александра Сергеевича, а также мнения Н. Державина, что застолье проходило 13 числа, на языковском особняке (Советская, № 16) появилась новая мемориальная доска с текстом: "В этом доме проездом из Петербурга в Оренбург 13 сентября 1833 года останавливался великий народный поэт А. С. Пушкин".

Грустно, конечно, что полностью надуманные "воспоминания" В. Юрлова (ниже это будет подробнейшим образом доказано) волевыми решениями увековечиваются памятными досками. Но это еще полбеды. Беда состоит в том, что основные усилия нескольких поколений краеведов бесполезно тратятся на изучение биографий участников придуманных застолий в домах Языкова и Юрлова. Между тем интереснейшая и сложная тема "Пушин в Симбирске" остается далеко не изученной.

Десятилетиями продолжаются споры о том, какого именно числа Александр Сергеевич приехал в Симбирск, где же он все-таки квартировал, как выглядели в то время Симбирск и село Языково, что это была за личность — губернатор А. М. Загряжский, в чем была суть дела "скромной отшельницы", которой интересовался Пушкин, почему поэт после одной встречи с П. М. Языковым заявил жене, что это "человек чрезвычайно замечательный", где находился "дом Карамзина", который запечатлел в своей дорожной тетради Пушкин, почему и когда именно неудачно завершилась его попытка проехать по правобережной дороге в Оренбург, в чем заключается значение пребывания поэта в Симбирске для его дальнейшей работы над "Историей Пугаче-

¹ Пушкинские места России. Путеводитель. М., 1984, с. 298.

ва" и "Капитанской дочки", каков вклад краеведов Симбирска-Ульяновска в Пушкиниану, как должным образом следовало бы увековечить пребывание великого поэта в нашем городе.

Большую часть этих вопросов я в той или иной мере (начиная с 1974 года) рассматривал в газетных статьях и очерках, а также в своих книгах "Родня по вдохновенью" (1993), "Симбирск и симбиряне" (1997) и "Поэт-симбирянин Николай Языков" (1998). В новой книге — "Симбирские дни Пушкина. Исследования и находки", приуроченной к 200-летию со дня рождения великого поэта, читатель познакомится с существенными дополнениями по обоснованию моей точки зрения на спорные проблемы, а также и с такими новыми сюжетами как "От Петербурга до Симбирска", "Симбирск 1833 года" и "Проверяя дряхлеющую память".

ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО СИМБИРСКА

В период празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина 26 мая 1899 года в "Симбирских губернских ведомостях" была опубликована заметка из уездного городка Симбирской губернии Алатыря с описанием прошедшего здесь чествования юбилея великого поэта. В ней, в частности, рассказывалось, что в местном коммерческом клубе чтецы и хор исполняли отрывки из "Бориса Годунова", "Русалки" и других произведений Александра Сергеевича. Далее в заметке говорилось, что внимание посетителей клубного зала приковывала большая символическая картина, которая

выглядела следующим образом: "На первом плане изображена богато украшенная легкими тканями колыбель, с гербом в правом углу нижегородского наместника времен Алексея Михайловича (1629—1676), прямое указание на происхождение поэта от старинного русского дворянского рода. Налево, у колыбели, в старинном кресле с вязанием в руках, — знаменитая няня Арина Родионовна — первая муза и первая фея великого поэта. В глубине, на светлом небесном фоне — туманные изображения фигур, взятых из лучших произведений Пушкина..." В примечании к заметке нижегородский наместник назван полностью по имени и отчеству: "Григорий Гаврилович Пушкин, предок А. С. Пушкина".

Александр Сергеевич знал о своих предках Гавриле Григорьевиче и Григории Гавриловиче Пушкиных, гордился ими и изобразил первого из них в трагедии "Борис Годунов"¹, а именем второго в мае 1835 года поэт с супругой назвали своего младшего сына.²

В Приволжском крае, кроме Григория Гавриловича, проживали и другие родственники и однофамильцы великого поэта. Так, из "Списка воевод, наместников и губернаторов Симбирского края", хранящегося в Ульяновском областном госархиве, видно, что в 1638—1639 годах алатырским воеводою был Иван Никитич Пушкин. А в "Материалах по истории Симбирского края XVII и XVIII вв." А. Н. Зерцалова (Симбирск, 1909) указано, что в 1685 году в Симбирске служил стольник Михаил Федорович Пушкин.

Слова "Волга" и "Симбирск" нередко звучали в московском доме Пушкиных, когда к родителям Саши навещались такие интересные гости, как симбиряне

¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984, с. 139.

² Вересаев В. Пушкин в жизни. Минск, 1986, с. 388.

Николай Михайлович Карамзин, Иван Иванович Дмитриев, Александр Иванович Тургенев. А уже в стенах Царскосельского лицея, когда Александр Пушкин пристрастился к отечественной истории, волжский край стал ассоциироваться у него и с именами Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Примечательно, что осенью 1824 года, когда Александра Сергеевича царским повелением перевели из южной ссылки под надзор полиции в родовое имение Михайловское на псковщине, он просит брата Льва прислать ему книгу "Жизнь Емельки Пугачева" (позже поэт назовет эту книгу, вышедшую в Москве в 1809 году под названием "Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Пугачева", "глупым романом"). А летом 1826 года (в начале личного знакомства с поэтом-волжанином Николаем Языковым) Пушкин создает "Песни о Степане Разине", которые, к сожалению, так и не увидят света. Объяснение этому мы находим в письме графа А. Х. Бенкендорфа к Пушкину, в котором он извещает об отказе Николая I дать разрешение на их публикацию таким образом: "Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева".¹

Благодаря основательному знакомству с документальными источниками Александр Сергеевич создает в 1829—1830 годах такие шедевры, как поэма "Полтава" и трагедия "Борис Годунов".

Рубежной вехой в исторических занятиях поэта стал июль 1831 года, когда, будучи уже женатым человеком, он на вопрос Николая I, почему не служит, с достоинством ответил, что готов, но, "кроме литературной службы", не знает никакой другой. Император с учетом этого заявления (через шефа жандармов А. Х. Бенкен-

¹ Вересаев В. Пушкин в жизни. Минск, 1986, с. 388.

дорфа) предложил Пушкину письменно изложить соображения о возможности совмещать коронную службу с творческими устремлениями.

Александр Сергеевич лаконично, но вполне определенно высказался о сокровенном: "Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III".¹

Это пожелание было учтено царем, и 14 ноября 1831 года Пушкин с чином коллежского секретаря был определен в Коллегию иностранных дел с жалованьем в 5000 рублей ассигнациями в год. Чин был дан меньший, чем полагался Александру Сергеевичу за службу прежних лет, а жалованье лишь было объявлено, и, как выразился Ю. М. Лотман, "милость" сию "реализовать забыли..."²

На первых порах поэт действительно занимался исследованием эпохи Петра I, но революции первой трети XIX века, разразившиеся в Западной Европе, антикрепостнические выступления крестьянства и военных поселян (особенно новгородских 1831 года) обострили внимание Пушкина к крестьянской войне 1773—1775 годов под руководством Емельяна Пугачева. Насколько напряженными и вместе с тем на редкость плодотворными были эти занятия, мастерски обрисовал в своей книге "Материалы для биографии А. С. Пушкина" наш земляк — литератор Павел Васильевич Анненков:

"С зимы 1832 года он стал посвящать все свое время работе в архивах, куда доступ был ему открыт еще в

¹ Пушкин. Письма. Т. III, М., 1935, с. 359.

² Лотман Ю. М. А. С. Пушкин, Л., 1982, с. 196.

1032 120
прошлом году... Он предавался новой работе своей с жаром, почти со страстью. Так протекла зима 1832 года ... Весной 1833 года он переехал на дачу, на Черную речку, и отправлялся пешком оттуда каждый день в архивы, возвращаясь таким же образом назад. Как только истощались его силы от усиленного физического и умственного труда, — продолжал Анненков, — он шел купаться, и этого средства уже достаточно было, чтоб снова возвратить ему бодрость и способности. При такой непрерывной и страстной деятельности не мудрено, что к осени 1833 года были у него готовы материалы для "Истории Пугачевского бунта", написана вчерне "Капитанская дочка", и в портфеле лежали почти совсем обделанные "Русалка" и "Дубровский"¹.

И только после завершения истовой исследовательской работы Пушкин как художник-реалист 22 июля 1833 года обратился к шефу жандармов Бенкендорфу со следующим письмом: "Обстоятельства вынуждают меня отправиться вскоре на 2 или 3 месяца в мое нижегородское имение (Болдино. — Ж. Т.). Я желал бы воспользоваться этим случаем, чтобы съездить в Оренбург или Казань, которых я еще не знаю. Я прошу его величество дозволить мне осмотреть архивы этих двух губерний". В ответ через неделю Александр Сергеевич получает письмо управляющего III отделением императорской канцелярии А. Н. Мордвинова, в котором излагалось желание Николая I узнать более подробно о причинах, побуждающих его оставить занятия в столице. На следующий же день поэт письменно пояснил:

"В продолжении двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями... Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы

¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984, с. 324.

отдохнуть от важнейших занятий и закончить книгу, давно мною начатую, и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду... Может быть государю угодно знать, — продолжал поэт, — какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии".

Решение Николая I, о котором Пушкин узнал из письма Мордвинова от 7 августа, содержало приятный сюрприз: отпуск для поездки в Казань и Оренбург разрешался аж на 4 месяца.¹ Поэт 11 числа подает прошение в Министерство и на следующий же день получает за подписью графа М. Ю. Виельгорского "Свидетельство", удостоверявшее, что "состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник Александр Пушкин уволен в отпуск на четыре месяца в Казанскую и Оренбургскую губернии."²

И вот настало утро четверга 17 августа, когда Александр Сергеевич, завершив обустройство жены и детей на даче в Черной речке, выехал из столицы в сторону Москвы в компании со старым приятелем-библиофилом Сергеем Александровичем Соболевским. Из Торжка, где друзья переночевали в трактире, поэт послал жене письмо с изложением начала своей "Одиссеи". Примечательны в нем строки, написанные после расставания с Соболевским, направившимся в свое поместье: "Ямщики закладывают коляску шестерней, страшая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону в луже, подобно Анрепу, буду писать тебе из Яропольца (имения тещи. — Ж. Т.) От тебя буду надеяться письма в **Синбирске**."³

¹ Пушкин. Письма. Т. III. Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М., 1935, с. 597.

² Там же, с. 95.

³ Там же, с. 96.

Интересно, что и следующее письмо, написанное 26 августа в Москве, тоже заканчивается упоминанием нашего города: "В Казани буду я около третьего. Оттоле еду в Симбирск (на сей раз название употреблено в современном написании. — Ж. Т.)"¹ На следующий день — день рождения Натальи Николаевны — Пушкин был в гостях у Петра Васильевича Киреевского, известного фольклориста, и поднял тост за здоровье своей супруги. Естественно, что Киреевские, крепко дружившие с Николаем Михайловичем Языковым, поведали Пушкину о его житье-бытье в Симбирском крае, об энтузиазме, с которым он собирает среди крестьян старинные песни, стихи и сказания.

Во время пребывания в Москве Александр Сергеевич избегал появления в свете и уклонялся от званых обедов. Отказавшись от приглашения почт-директора А. Я. Булгакова по случаю именин своей супруги, он пишет 27 августа Наталье Николаевне: "Я не поехал за неимением бального платья, и за небритие усов, которые отращаю в дорогу"². Хотя на следующий день все-таки пришлось обратиться к Булгакову с просьбой о выдаче ему "листа для зрителей", с которым легче было получать лошадей на почтовых станциях. И как только каретник закончил ремонт коляски, Пушкин, тепло напутствуемый своим старым товарищем Павлом Воиновичем Нащокиным, в сопровождении камердинера Гаврилы Калашникова покатил в Поволжье.

Увы, булгаковский "лист" не возымел должного действия... "Дорога хороша, — сообщал Александр Сергеевич жене 2 сентября из Нижнего Новгорода, — но под Москвой нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов и насили дотащился до Нижнего сегодня, т. е. в пятые сутки. Успел только съездить в баню... Еду на ярманку,

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 102

² Там же, с. 99.

которая свои последние штуки показывает, а завтра отправляюсь в Казань. Мой Ангел, — продолжал Александр Сергеевич, — кажется, я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги... А это еще хорошая сторона картины — что если у тебя опять нарывы, что если Машка (дочь. — Ж. Т.) больна? А другие, непредвиденные случаи. Пугачев не стоит этого. Того и гляди я на него плюну — и явлюсь к тебе. — Однако буду в Симбирске, и там ожидаю найти письмо от тебя"¹.

В этот же субботний день, 2 сентября, поэт нанес визит вежливости нижегородскому губернатору генерал-майору М. П. Бутурлину, который вместе со своей супругой оказал ему гостеприимный прием и уговорил отобедать у них в воскресенье. Александр Сергеевич принял приглашение и на следующий день, сразу же после трапезы у губернатора, тронулся в дальнейший путь, в Среднее Поволжье.

И кто бы мог подумать, что в его поведении и разговорах Бутурлин усмотрит что-то подозрительное и пошлет своему оренбургскому коллеге В. А. Перовскому письмо, в котором посоветует быть осторожнее со стольным гостем: "У нас недавно, — говорилось в нем, — проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но, должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами о Пугачевском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях..."²

Правда, уже после отъезда необычного гостя Бутурлин убедится, что в отношениях с ним следовало руководствоваться предписанием от... 20 сентября 1833 года столичного обер-полицмейстера, узнавшего, что А. С. Пушкин выбыл в свое нижегородское имение.

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 102.

² Русский архив, 1865, ст. 1213.

В опоздавшей бумаге говорилось о необходимости "секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением известного поэта, титулярного советника Пушкина", установленного решением Государственного Совета еще 19 августа 1828 года. Тогда как верный служака Бутурлин отправляет и казанскому, и оренбургскому губернаторам просьбы об установлении "секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением" Пушкина, в случае прибытия его в вверенные им губернии¹.

Но если Бутурлин умолчал о том, что поэт был его личным гостем, то В. А. Перовский на бутурлинском отношении начертал граждански смелую резолюцию: "Отвечать, что сие отношение получено через месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий".²

Историческими изысканиями — и ничем иным — занимался Александр Сергеевич и в Казани, где находился двое суток. Вот как он рассказывал об этом Наталье Николаевне в письме, написанном ранним утром 8 сентября: "Сей час еду в Синбирск, где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками, современниками моего Героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону. Погода стоит прекрасная, чтоб не сглазить только. Надеюсь до дождей объехать все, что предполагал видеть, и в конце сентября быть в деревне (Болдино. — Ж. Т.). Здорова ли ты? Здоровы ли все вы?.. Здесь Баратынский. —

¹ Русская старина. 1882, № 1, с. 225.

² Там же, 1883, т. 37, с. 78.

Вот он ко мне входит. До Симбирска. Я буду говорить тебе о Казани подробно — теперь некогда. — Цалую тебя".³

Александр Сергеевич, как видим, почти в каждом письме к жене, посланном во время путешествия, упоминает Симбирск (чаще — по-старинному: Синбирск) как город, где надеется получить от нее весточку. Но ни в Петербурге, ни в Нижнем Новгороде или Казани поэт никому из власть предержащих не называл Симбирск в качестве пункта предполагаемого посещения, хотя именно там предстояла самая длительная и важная остановка. Небезынтересна в связи с этим запись в деле канцелярии казанского губернатора "Об учреждении надзора за поведением известного поэта титулярного советника Пушкина", гласившая, что он "прибыл в Казань 6 сентября и выехал из оной в Оренбург 8-го числа того же месяца."¹ Так что вполне закономерно, что в Симбирске даже формально не было заведено дело о полицейском надзоре за его "поведением".

Чем же манил путешественника Симбирский край? Прежде всего Пушкин рассчитывал на то, что губернатор А. М. Загряжский как дальний родственник жены по-свойски приютит его у себя и окажет всяческую помощь в ознакомлении с местными архивами (ни в Нижнем, ни в Казани он их не видел) и общении со старожилами. Этот край занимал поэта и тем, что здесь некогда жили и трудились Пушкины — волжане, причастные к его родословию, и, конечно же, как отчизна уважаемых людей — братьев А. И. и Н. И. Тургеневых, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, И. П. Мятлева и Д. П. Ознобишина, и наконец здесь Александр Сергеевич горячо надеялся на встречу с Николаем Языковым, а если повезет, то, может быть, и поэт-партизан

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 102.

² Там же, с. 620.

Денис Давыдов окажется в Симбирске. Где-то в глубине души теплилась надежда, что у Языковых возможна встреча с суворовским ветераном генералом П. Н. Ивашевым, отцом декабриста Василия Ивашева, и случится из первых рук узнать подробности о томящихся в Сибири дорогих сердцу людях.

О предстоящем приезде Пушкина в Симбирск местное общество не ведало, кроме Загряжского, да и тот мог получить письмо из Петербурга от Натальи Николаевны только в самый канун появления здесь ее мужа. Ведь, несмотря на то, что даже в полицейских документах Александр Сергеевич фигурировал как "известный поэт", ни одна газета Петербурга или Москвы не известила читателей о необычайном путешествии автора романа "Евгений Онегин" и других нашумевших творений. В губернских же городах, исключая университетскую Казань, в 1833 году своей прессы еще не было.

Вот почему прибытие Пушкина с законной подорожной в руках не произвело особого впечатления на охрану Казанской заставы, через которую Александр Сергеевич въехал в город в закрытой коляске; прошло оно незамеченным и даже для чересчур любопытных обывателей.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Восемьдесят лет вопрос о дате прибытия Пушкина в Симбирск нашими краеведами вообще не рассматривался. Первым это сделал Н. А. Державин в упомянутой выше статье "А. С. Пушкин в Симбирской губернии", назвав днем приезда поэта 10 сентября. Нетрудно догадаться, что автор при этом руководствовался

теми строками письма А. С. Пушкина из Болдина к жене, датированного 12 сентября 1833 года, где говорится, что он прибыл в Симбирск "третьего дня". Ведь это устаревшее выражение означало "позавчера", то есть в данном случае — 10 сентября. Эта дата фигурирует в книге "Путеводитель по Пушкину" М. А. Цявловского (М., 1931) и у многих других авторов как столичных, так и ульяновских (К. А. Селиванов, А. Н. Блохинцев).

А вот видный пушкинист Л. Б. Модзалевский, опираясь на свидетельство писательницы А. А. Фукс, что Пушкин выехал из Казани 8 числа "на рассвете", называет днем его прибытия в Симбирск 9 сентября. При обосновании этой даты Модзалевский, во-первых, использовал письмо литератора И. А. Второва к своему сыну Николаю о том, что 9 сентября видел у симбирского губернатора А. С. Пушкина, приехавшего из Казани. А во-вторых, он вычислил, что от Нижнего до Симбирска поэт продвигался со средней скоростью 7—8 верст в час. А так как расстояние между Казанью и Симбирском составляло 201 версту, то поэт преодолел его за сутки с небольшим. Что касается выражения Александра Сергеевича в письме к жене от 12 числа, что он прибыл в Симбирск "третьего дня", то, по мнению Модзалевского, "поэт был, очевидно, не совсем точен".¹

Точку зрения Модзалевского уместно подтвердить такими неоспоримыми фактами. Иван Александрович Гончаров, следуя летом 1834 года в отчий край по окончании учебы в Московском университете, преодолел путь от Казани до Симбирска за сутки. И это несмотря на то, что будущий романист ехал на обычной почтовой повозке (дилижансе), да еще часть пути — во время сильнейшего ливня, когда лошади вязли в грязи.²

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 621, 628.

² Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. М., 1952, с. 277.

В погожий день и при деньгах время поездки можно было сократить. Так, из дневника великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II), совершавшего в 1837 году путешествие по России в сопровождении поэта В. А. Жуковского, флигель-адъютантов и других членов свиты, видно, что из Казани они выехали "поутру" 23 июня, обедали в Буинске, а в Симбирск прибыли в тот же день в половине одиннадцатого вечера.¹ Несложный подсчет показывает, что коляска наследника престола и десяток шарабанов его сановных спутников и прислуги путь от Казани до Симбирска преодолели за 16 часов.²

Понятно, что Пушкину на почтовых станциях не выделяли таких отборных рысаков, какие получал цесаревич, и он ехал медленнее, чем кортеж наследника престола. Но так же, безусловно, очевидно и то, что поэт, совершавший путешествие в собственной удобно устроенной коляске, для которой он брал не одну, а две тройки лошадей, преодолел путь от Казани до Симбирска, причем, в сухую погоду, не медленнее, чем будущий автор "Обломова", то есть примерно за сутки.

И наконец последний, неопровержимый аргумент в пользу этого вывода — официальный документ: "кондиции" (условия договора) нижегородской почтовой станции 1833 года, обязывавшие ямщиков перевозить "проезжающих по подорожной в летнее время не менее 10, в зимнее — 12, а в осеннее — 8 верст в час".³

Итак, зная о том, что Пушкин отправился из Казани ранним утром 8 сентября, можно смело утверждать, что он прибыл в Симбирск уже на следующий день, то есть 9 числа. Такое же мнение высказывал в 1949 году улья-

¹ Источник. М., 1997, № 3, с. 45.

² Русский архив. 1887, кн. 4. М., 1987, с. 54.

³ *Филатов Н. Ф.* Нижний Новгород пушкинской поры. 1833. Горький, 1983, с. 150.

новский историк Н. П. Гриценко, а также автор изданной в 1980 году в Казани книги "Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал" Ю. Л. Славянский. Эту точку зрения отстаиваю и я в своей книге"... Родня по вдохновенью". А происхождение даты "12 сентября" на письме Пушкина жене скорее всего таково: поэт набросал свое послание 11-го в Языкове, а число проставил на следующий день уже в Симбирске, при его отправке; или — сделал обычную описку, которые у него встречаются неоднократно.

Может быть, кому-то покажется, что спор о дате приезда Пушкина имеет чисто формальный смысл и нужен лишь фанатикам-краеоведам. Отнюдь нет. Точное определение числа имеет важное, принципиальное значение. Ведь если согласиться с утверждением К. Селиванова, высказанным в 1969 году в книге "Литературные места Ульяновской области", что в "Симбирск поэт приехал днем 10 сентября", а утром 11-го отправился в Языково, то что бы он успел сделать в течение одного неполного дня, кроме посещения бани, застольных бесед у губернатора и выполнения просьбы Одоевского? Это означало бы, что Пушкин покинул Симбирск, толком даже не ознакомившись с его достопримечательностями и не проявив интереса не только к пугачевским местам, но и элементарной любознательности путешественника. Но такое допущение в отношении поэта-исследователя, поглощенного архивными и иными разысканиями документов и материалов для "Истории Пугачева", "Капитанской дочки" и других произведений, находится в вопиющем противоречии с его собственным рассказом о деловом характере своего путешествия. А об этом ярко говорят строки из письма Пушкина к жене от 8 сентября, перед самым отъездом из Казани в Симбирск:

"Здесь я возился со стариками, современниками моего героя (Е. И. Пугачева. — Ж. Т.); объезжал окрестнос-

ти города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону. Погода стоит прекрасная... Надеюсь до дождей объездить все, что предполагал видеть, и в конце сентября быть в деревне (Болдино. — Ж. Т.)".¹

Вот с таким деловым настроением началось знакомство Александра Сергеевича с Симбирском в субботу 9 сентября, когда его коляска оказалась на северной, пожалуй, самой неприглядной окраине нашего города. В этом возвышенном предместье находились выгоны для скота, кирпичные "заводики", землянки и трущобы бедноты да скромное магометанское кладбище. Но общая панорама Симбирска, украшенная златоглавыми куполами православных храмов, казалась путнику внушительной.

Проезжая по Ново-Казанской улице (ныне ул. Гагарина), поэт проследовал мимо просторного мытного двора, предназначенного для торговли скотом, десятков торговых рядов Ярмарочной площади, трактиров, лабазов, лавок и погребов, которые, как и везде, отнюдь не ласкали взора столичного гостя. И только на Мясницкой (получившей потом название Дворцовой, а ныне — ул. К. Маркса) он увидел сравнительно приличные торговые и жилые здания. А отделивавшийся Гостиный двор, выходявший двумя полуциркульными корпусами на Большую Саратовскую (ныне Гончарова) улицу, и продолжение Мясницкой за перекрестком зримо говорили приезжему, что он попал не в какой-нибудь уездный городишко, а в губернский центр.

Когда коляска миновала высокие из красного кирпича стены Спасского женского монастыря, Александр Сергеевич подъехал к перекрестку Мясницкой и Спасской (ныне Советской) улиц. Здесь, наверное, произошла заминка: слева, наискосок, обращал на себя внимание белокаменный двухэтажный с балконами особ-

¹ Пушкин А. С. Т. 10, с. 346.

няк Языковых, а справа, в переулке, ведущем к волжскому косоугору, находилась резиденция губернатора Александра Михайловича Загряжского, двоюродного дяди Натальи Николаевны, у которого уже могли лежать долгожданные для Пушкина письма жены.

С этого момента события могли развиваться двояко: либо путник сначала устремился в дом друга-поэта, с которым летом 1826 года бок о бок больше месяца провел в Тригорском и Михайловском, у которого, кстати, можно было запросто привести себя в порядок после долгой и пыльной дороги. Но, посетив дом Языковых, он, к своему глубокому огорчению, узнал, что ни Николая, ни его братьев в городе нет. И тогда он направился к дому губернатора. Но могло быть и так: в нетерпении поскорее получить письмо от жены, Александр Сергеевич поехал сразу к Загряжскому.

В те времена Карамзинского сквера еще не существовало, и на его месте располагались помещичьи усадьбы, выходившие передними фасадами на Спасскую улицу. В северо-восточном углу участка высилась небольшая изящная каменная Никольская церковь, а правее нее, напротив здания мужской гимназии, стоял каменный двухэтажный дом губернатора, в котором он жил и работал, с обширным двором, садом, огородом и оранжереями¹.

Все в этой резиденции, начиная со швейцарской, убеждало посетителя, что он удостоился чести попасть в особо важное присутствие. Роскошный интерьер, важный вид жандарма, с которым тот, удостоверившись в правах приезжего из столицы быть принятым первым лицом губернии, направился к камердинеру с докладом. Впечатляла обширная со вкусом и щегольски убранная длинная зала, вся в зеркалах и картинах, через которую Пушкина ввели в кабинет хозяина.

¹ РЦИА, ф. 1488, оп. 3, 1805—1841, д. 127, л. 1.

Что это был за человек, с которым поэту пришлось близко общаться в Симбирске? Губернатор Загряжский (вопреки мнению некоторых современных историков и литераторов) был отнюдь не ординарной личностью. Во время нашествия Наполеона на Россию в 16-летнем возрасте он храбро сражался под Смоленском, Кульмом и Лейпцигом, удостоен был нескольких наград. За отличия с чином подпоручика был переведен в знаменитый лейб-гвардии Преображенский полк. Во время восстания декабристов капитан А. М. Загряжский был замечен в лояльности Николаю I и в январе 1826 года был переименован в коллежские советники и получил место чиновника (а не симбирского губернатора, как это утверждал в своих "Записках" жандармский полковник Э. И. Стогов) в Правительствующем Сенате, где служил три года. Затем два года Загряжский исполнял обязанности управляющего удельной конторой в Тамбове, затем — чиновника особых поручений канцелярии министра внутренних дел и только после этого удостоился чести стать симбирским губернатором¹.

Архивные документы говорят, что служба в городе на Волге складывалась для Александра Михайловича удачно. Уже в 1832 году он удостоивается царской благодарности "за успешное взыскание податей и недоимок" и "отлично усердную службу и благоразумные распоряжения при заготовке хлеба для винокуренного завода", а также награждения орденом св. Станислава II степени. При нем была учреждена симбирская епархия, открыты дворянский пансион при мужской гимназии и первое приходское училище для мальчиков, возобновилось строительство Гостиного двора, отделявались каменные флигеля для чертежной, типографии и архива.

¹ Трофимов Ж. Симбирск и симбиряне. Исторические и литературные поиски. У-к, 1998, с. 149.

Впечатление, производимое Загряжским и его аппаратами на гостя, можно представить по "Воспоминаниям" И. А. Гончарова, который писал: "У губернатора были красивые, правильные черты лица, живые карие глаза с черными бровями, прекрасно очерченный рот с тонкими губами. Взгляд беглый, зоркий, улыбка веселая, немного насмешливая. Стройные, красивые руки с длинными прозрачными ногтями... В черных волосах у него пробивалась преждевременная седина, как бывает у брюнетов. На этажерках, на столе стояли статуэтки, дамские портреты, разные элегантные безделушки. На стенах несколько картин и у одной — шкаф с книгами"¹. Знаменитый романист скупыми, но уверенными мазками обрисовал образ Загряжского. Выходец из старинного знатного рода, он получил лишь домашнее образование; бегло говорил по-французски, а русской речью владел прямо-таки мастерски. "Она свободно лилась у него, умно, блестяще, с искрами юмора, с неожиданными ловкими оборотами, остроумными сравнениями, антитезами... он был виртуоз-рассказчик. Он отлично пользовался — не приобретенными систематическим путем, а всяческими нахватанными знаниями почти во всем и обо всем"². Справедливость требует отметить также, что Александр Михайлович неплохо разбирался в литературе и музыке, искусстве, особенно в живописи, и коллекция картин в его кабинете была замечательной.

Если учесть, что по натуре губернатор был хлебосольным человеком, то можно представить радушие, с каким он принял известного столичного поэта, к тому же еще — мужа двоюродной племянницы! Надо полагать, что у поэта настроение сразу же стало приподнятым, как только Загряжский передал ему письмо от Натальи

¹ Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 томах, т. 7, с. 288.

² Там же, с. 296.

Николаевны. С удовольствием Александр Сергеевич познакомился и с супругой Загряжского, Каролиной Осиповой (по описанию И. А. Гончарова, женщиной худощавой, с поблекшими щеками и синими впалыми глазами, строгой нравственности), и их единственной дочкой Лизой.

Девочке шел только одиннадцатый год, но уже чувствовалось, что отцовская красота передалась ей в полной мере. Грაციозная осанка. На поклон отвечала ласково, немного краснея, с веселой белозубой улыбкой. Она недурно играла на фортепиано и, конечно, охотно брала уроки танцев. В связи с уроками в этот или на следующий день произошел эпизод, о котором впоследствии рассказала подруга Лизы Констанция Габленц (в замужестве Короткова):

"Однажды осенью 1833 г. (между 8 и 14 сентября) во время урока танцев по зале пронесся слух, что приехал сочинитель А. С. Пушкин; мы все заволновались от ожидания увидеть его. И вдруг входит в залу господин небольшого роста, в черном фраке (надо — "сюртуке". — Ж. Т.), курчавый шатен с бледным или, скорее, мулатским лицом... Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам поклоне сделали ему реверанс. Через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его танцевать с нами. Он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по несколько туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу"¹.

Эта жанровая сценка, воссозданная по памяти много лет спустя, впервые появилась в № 242 "Московских ведомостей" за 1901 год, а затем была перепечатана советским писателем В. Вересаевым в своем сборнике

¹ Вересаев В. Пушкин в жизни, с. 323.

"Пушкин в жизни" как одно из "подлинных свидетельств современников". А вот переданный К. Габленц слух о том, что Пушкин "сделал визит" к 80—83-летнему симбирянину—помещику Шувалову, который в юности был "пугачевским фореитором", В. Вересаев не включил в эту книгу. Точно так же отношусь и я к воспоминаниям подруги Лизы Загряжской: появление поэта на уроке танцев — правдоподобно, а "слух" о Шувалове — это уже легенда.

Танцуя с Лизой Загряжской, мог ли думать Александр Сергеевич, что через десять лет она, имея уже на руках аттестат об окончании курса учения в столичном Смольном институте благородных девиц, станет Пушкиной — женой его младшего брата Льва Сергеевича...

Вернемся, однако, к тому моменту, когда в кабинете губернатора поэт получил желанную весточку от жены из Петербурга, первую за 25 дней путешествия. Как водится, Александр Сергеевич сразу же поведал Загряжскому и его супруге о своих семейных делах и столичных новостях, получивших отражение в письме, а затем, хотя бы вкратце, обрисовал цели и ход своей поездки, впечатления, вынесенные от пребывания в Нижнем и Казани, и наконец конкретные задачи, которые хотелось бы решить в Симбирске за два—три дня. В свою очередь хозяева, имевшие в обеих столицах родственников и близких знакомых, расспрашивали гостя об их житье-бытье, событиях культурной жизни и его собственных литературных делах.

Гостя же, естественно, интересовало, как живет Загряжскому в Симбирске, что удалось сделать к лучшему за два года губернаторства, чем озабочено здешнее общество, как подвигается подписка на сооружение памятника Н. М. Карамзину, есть ли возможность познакомиться с госархивами и со старожилами.

Для Пушкина особый интерес представлял рассказ Загряжского о том, что он поддерживает дружеские отно-

шения со сподвижником А. В. Суворова, активнейшим участником Отечественной войны 1812 года генерал-майором П. Ивашевым (сын которого Василий, декабрист, томился в Сибири). Вместе с генералом Ивашевым и состоявшими с ним в родстве Языковыми, Хованскими и Бестужевыми Загряжский участвовал с самого начала в деле сооружения в Симбирске памятника Н. М. Карамзину, а сейчас возглавлял созданный собранием дворян комитет, который за несколько дней до приезда Пушкина одобрил проект памятника, и губернатор наверняка показал копию гостю-поэту.

Его автор губернский архитектор И. И. Лизогуб спроектировал оригинальный ансамбль из трех зданий, главное (центральное) из которых, как об этом говорилось в письме П. Н. Ивашева к сыну-декабристу, предназначено "для помещения библиотеки всех полезных знаний на русском языке для общественной пользы", а в центре главной залы помещался "мраморный бюст на пьедестале", заключающем все творения Карамзина¹.

Рассказывая о работе комитета, губернатор, конечно же, сказал поэту, что на августовском совещании дворян были и поэт Николай Языков, и его братья Петр и Александр, которые внесли 1250 рублей на сооружение памятника. Но сейчас они, естественно, находятся в своей летней резиденции — родовом селе Языкове, расположенном в 65 верстах западнее Симбирска, в направлении к Москве. Ближе всех Загряжский знал старшего из Языковых — Петра Михайловича, который в комитете играл особенно видную роль. Да и в Ундорах — имении П. Н. Ивашева — губернатору не раз доводилось беседовать со старшим Языковым — одним из авторитетнейших деятелей здешнего общества, известным в научных кругах России геологом.

¹ Трофимов Ж. А. Симбирский памятник Н. М. Карамзину. М., 1992, с. 9.

Беседа, проходившая в кабинете губернатора, получила продолжение в столовой, где стараниями домашнего повара стол был уставлен всевозможными яствами, напитками, фруктами и сладостями. Из посторонних лиц присутствовал Иван Алексеевич Второв, оказавшийся (проездом в Самару) в родном для него Симбирске. Пушкин встречался в Петербурге с этим одним из просвещеннейших людей России. У них было немало общих знакомых-литераторов, и им нашлось о чем поговорить.

Выполняя просьбу князя В. Ф. Одоевского, Александр Сергеевич с первых часов пребывания в Симбирске старался вникнуть в подробности дела, по которому его отчим обвинялся чуть ли не в похищении дочери помещика Варвары Кравковой, теперь же находящейся в стенах Спасского женского монастыря, ибо тень этого скандала падала и на доброе имя самого князя. Суть же дела, документы по которому находились в папке у губернатора, оказалась такова.

Осенью прошлого года саранский полицмейстер П. Д. Сеченов отправился к новому месту своего служения в Сызрань, чтобы занять там почетную должность городничего. По дороге он остановился в селе Репьевка у знакомого помещика Кравкова. Дочь последнего, Варвара, упростила Сеченова взять ее тайно с собой в Симбирск, где она хотела стать послушницей монастыря. Полицейстер отговаривал экспансивную девицу, но та, угрожая покончить с собой, настояла на своем. Не прошло и десяти часов после прибытия беглянки и ее покровителя в Симбирск, как туда прискакал разъяренный прапорщик Дмитрий Кравков и во всеуслышание обвинил Сеченова в похищении его сестры и "оскорблении чести рода".

Громким делом занялся сам Загрязский, который и определил В. Кравкову в симбирский Спасский женский монастырь. Для Сеченова же расследование приняло

угрожающий характер, ибо о скандальном происшествии в январе 1833 года стало известно министру внутренних дел. Защищаясь от нападок губернатора, Сеченов стал злоупотреблять именем своего пасынка, имевшего высокие связи в Петербурге. Различного рода кривотолки дошли до В. Ф. Одоевского, который выразил отчиму энергичный протест против использования его имени. Вместе с тем князь посоветовал ему "не ссориться с губернатором"¹.

Месяц сменялся месяцем, и, хотя нашлись смягчающие для Сеченова обстоятельства, "дело" его и к приезду Пушкина все еще формально не кончилось. Более того, как это заметил Александр Сергеевич, в его решении принимает участие и Каролина Осиповна, которая время от времени навещает в монастыре Варвару Кравкову, и та стала вхожей в ее дом. Тем не менее поэту показалось, что "губернатор гораздо усерднее покровительствует" беглянке, нежели губернаторша. Но это мнение сложится не в первый день пребывания в Симбирске.

Во время встречи, само собой разумеется, обсуждался такой важный для Пушкина вопрос, как возможность знакомства в губернском архивохранилище с документами о крестьянской войне 1770-х годов, но Александр Михайлович разочаровал гостя сообщением, что сильный пожар 1827 года полностью их истребил. Оставалась надежда на встречу со старожилами, осмотр пугачевских мест и достопримечательностей Симбирска.

Но для этого было явно недостаточно тех часов, которые имелись у Александра Сергеевича в первый день пребывания в нашем городе, проведенных в основном в доме губернатора, и он пробыл еще сутки, чтобы выполнить, по возможности, задуманное до поездки к другу-поэту в Языково. Оттуда придется еще вернуться в Симбирск, но только для того, чтобы отправиться дальше по оренбургскому маршруту.

¹ Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983, с. 187.

СИМБИРСК 1833 ГОДА

Еще в Петербурге, готовясь к поездке на восток страны, Александр Сергеевич освежил в памяти свои познания о Поволжье и Урале, а в коляске, рядом с погребцом со съестным и посудой, отвел место для сундучка с тетрадами, письменными принадлежностями и духовной пищей, главным образом, справочной литературой. В ее числе были "Почтовый дорожник" и "Месяцесловы" 1832—1833 годов, содержавшие краткие сведения о дорогах и почтовых станциях. Увы, уже на десятый день путешествия, из Москвы, Пушкин жалуется в письме к жене, что книги "перебились и перетерлись в сундучке".¹ Но сведения о городах, где предстояли остановки, особенно о Симбирске, в памяти поэта сохранились, и он в общих чертах представлял родину Тургеневых, Карамзина и Языкова.

Какие именно конкретные данные о Симбирске поэт мог почерпнуть из справочников, дает представление "Обозрение городов Российской империи в 1833 году". На тот момент в городе проживало 13168 человек (6409 мужского пола и 6759 — женского). Это не так уж и мало, если в Самаре, являвшейся тогда уездным городом Симбирской губернии, значилось 5648 жителей, а в Оренбурге — около 10000. Во второй графе таблицы "Обозрения" сообщалось, что в Симбирске вовсе не было купцов 1-й и 2-й гильдий, а 3-й значилось только 202 (тогда как в Самаре их было уже 320). Тем не менее замечу, что Сборная ярмарка, проходившая в Симбирске во время великого поста, славилась как одна из крупнейших: в год приезда Пушкина на ней побывало 25 тысяч покупателей, а в роли крупных торговцев выступали и дворяне — владельцы суконных фабрик, кон-

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 99.

ных заводов и больших имений, поставлявшие на рынок зерно, скот и другие продукты "сельской промышленности". Самым же крупным предпринимателем-миллионером Симбирска являлся отставной поручик-грек Дмитрий Егорович Бенардаки, осуществлявший как откупщик едва ли не самые крупные поставки казне зерна и спирта.¹ Примечательно, что в Симбирске с 1829 года действовал один из трех в Российской империи заводов сельскохозяйственных машин купца Андреева.

Хотя Симбирск только что вышел из Казанской епархии, тем не менее, как это видно из "Обозрения", он являлся крупным центром православия: здесь действовали Спасский женский и Покровский мужской монастыри, а также 15 храмов (14 — каменных), тогда как в Самаре их было втрое меньше.

Как и в других городах, в Симбирске подавляющее число жилых домов было деревянными. Их значилось 1439, а каменных — 44. В Самаре же того времени было 1880 деревянных и только 13 каменных.

В лучшую сторону отличался от своих соседей Симбирск по постановке светского образования: в 8 школах здесь занималось 962 мальчика и 13 девочек, тогда как в Самаре имелась лишь одна школа с 92 учащимися мальчиками. Лидировал Симбирск, по сравнению с той же Самарой, и по числу торговых лавок (236 против 200), трактирных заведений (8 против 7), питейных домов (19 против 5) и числу рабочих (61 против 30).²

Каждому приезжему бросалась в глаза в Симбирске довольно значительная численность лиц военного ведомства. Достаточно сказать, что расквартированный в городе батальон военных кантонистов насчитывал 1200

¹ Трофимов Ж. Откупщик Бенардаки // Ульяновская правда, 1998, 3 ноября.

² Иллюстрированное описание Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве. М., 1882, с. 228.

воспитанников, из которых около 300 мальчиков еврейской национальности обитали на казарменном положении в двухэтажном особняке, некогда принадлежавшем близкой к Пушкину семье Тургеневых, а остальные размещались по обывательским квартирам.¹ Но кроме кантонистов в Симбирске имелись военно-сиротское отделение, инвалидная и жандармская команды, комиссия военного суда и комиссариатская комиссия. А если учесть, что добрая половина местных дворян в молодости служила в армии и на флоте (обычно младшими офицерами), то недаром Симбирский край получил прозвище обители "отставных корнетов". Но Симбирск имел еще и славу дворянского города, где общественная и культурная жизнь определялась этим богатым "благородным" сословием. Оно занимало почти все классные должности во всех казенных учреждениях; их добротные и изящные дома и усадьбы располагались в лучшей части города — на Венце, Большой Саратовской, Московской и Покровской улицах; они имели свой клуб и библиотеку в Доме дворянского собрания; и только они имели гарантированную возможность помещать своих сыновей в единственную на губернию гимназию, а при желании — и в самые привилегированные учебные заведения обеих столиц, могли держать своих врачей, учителей, гувернеров, гувернанток и десятки дворовых крепостных.

Словом, Симбирск 1833 года — это не "захолустный городок", как представляется некоторым литераторам, а губернский центр, игравший видную роль в жизни России XVII—XVIII столетий и особенно после Отечественной войны 1812 года, когда сюда переехали десятки дворянских семей из западных и центральных губерний России.

¹ Обзорение городов Российской империи в 1833 году. СПб., 1834, с. 43.

Особенно шумным и веселым было препровождение времени у дворян по зимам, когда помещики не только Симбирской, но и соседних губерний из-за отдаленности от Москвы съезжались сюда под Рождество. Балы, обе-ды, катания следовали одни за другими, и иным хозяевам "недоставало дней в неделе", чтобы показать свое хлебосольство и затмить других размахом своих приемов. Деньги тратились без счета, а в азартной карточной или бильярдной игре проигрывались целые состояния.¹ И только с началом великого поста разгульная жизнь затихала, а весной помещики со своими домочадцами откочевывали в родовые деревни и наслаждались там благами природы и плодами труда крепостных до наступления морозов и установления санного пути.

Но в Симбирске 1883 года проживали и принадлежавшие к дворянскому сословию деятели, которыми он вправе был гордиться. Это, прежде всего, — известный Пушкину своими произведениями поэт Дмитрий Петрович Ознобишин. В свое время он служил в столице, но, вернувшись в отчий край, пристально следил за литературными новинками, вносил свою лепту в культурную жизнь Симбирска, а в родовом поместье внедрял передовые достижения в земледелии.

Под стать этому, по словам Н. М. Языкова, "поэту и полиглоту", был секунд-майор Александр Алексеевич Столыпин, родной брат бабушки М. Ю. Лермонтова, бывший адъютант Суворова и автор воспоминаний о нем, попечитель местной гимназии и один из инициаторов сооружения памятника Н. М. Карамзину.²

"Светилом симбирского общества", по словам мемуариста Д. Н. Свербеева, был Иван Семенович Аржевитинов, инвалид Отечественной войны 1812 года, за-

¹ Исторический вестник, 1907, № 8, с. 504.

² Трофимов Ж. Лермонтов и Симбирск // Россия молодая, 1998, № 8, с. 19—27.

лечивавший свои раны уже в Париже, племянник братьев Тургеневых, в котором "были все зачатки декабристов".¹

Украшением Симбирска был полковник Александр Алексеевич Крылов, награжденный в битве под Бородином золотой шпагой с надписью "За храбрость" и получивший второе ранение уже при взятии Парижа. С 1818 года по 1833 год А. А. Крылов (дед будущего знаменитого советского кораблестроителя академика А. Н. Крылова) — управляющий местной удельной конторой — принимал активное участие в культурной и общественной жизни города. Во время пребывания в Симбирске ссыльного вице-президента Петербургской академии художеств масона А. Ф. Лабзина Крылов оказывал ему материальную поддержку; входил он также в инициативную группу по сооружению памятника Н. М. Карамзину.² По утверждению его сына, А. А. Крылов в 1830 году не раз встречался с А. С. Пушкиным в Болдине и у его соседей Новосильцевых и Н. Н. Топорниной.³

В числе других отставных офицеров — заслуженных участников Отечественной войны 1812 года, проживавших в Симбирске, были такие колоритные фигуры, как братья Петр и Александр Ивановичи Юрловы, Алексей Сергеевич и Константин Михайлович Ушаковы, капитан 2-го ранга Степан Федорович Филатов, командовавший полком симбирского ополчения и отличившийся при взятии крепости Глогау на Одере. Среди ветеранов были и медики: один из них, хирург Павел Петрович Лейбгольд, "за усердие в перевязках и операциях раненых" под Бородином награжденный бриллиантовым перстнем, теперь служил врачебным инспектором симбирского губернского правления. В этом же правлении

¹ Свербеев Д. Н. Записки. Т. 1. М., 1899, с. 180.

² Трофимов Ж. Симбирск и симбиряне. У-к, 1997, с. 175.

³ Крылов А. Н. Воспоминания и очерки. М., 1949, с. 9.

состоял советником Василий Васильевич Гончаров, возглавлявший аптечную службу действующей армии России во время войны с Наполеоном. А в Александровской больнице врачевали Карл Рудольф (отец жены Н. А. Гончарова, старшего брата романиста) и Александр Гельшерт.¹

Однако неслуживое дворянство, подобно семьям Ивашевых и Языковых, осень 1833 года, которая выдалась тогда поистине золотой, еще проводило в своих имениях. Этот "мертвый" сезон был даже на руку Пушкину, ибо позволял без помех за считанные часы познакомиться с Симбирском. А началось это знакомство прямо с балкона губернаторского дома, с которого, по утверждению историка-симбирянина И. И. Пушкарева, в ясную погоду и "без помощи телескопа явственно различаются прелестные окрестности города, Киндяковская роща, жилище ее владельца и селения, лежащие на том берегу Волги".²

В полной же мере живописное расположение Симбирска и панорама бескрайних заволжских далей предстали перед поэтом с Венца. Отсюда, с бровки волжского косогора, перед путником (по описанию И. И. Пушкарева) открывалась такая живописная картина: "Склон горы покрыт садами, между коих проглядывают красивые домики, извиваются излучистые дорожки, ведущие к берегу. С закатом солнца наступает безмолвие, окрестности дремлют; огоньки внизу, на островах, то мелькнут, то исчезнут; потом даже слышно, как весла рыбака рассекают сонные волны, но когда раздается вдалеке заунывный напев "Вниз по матушке по Волге", сердце зрителя наполняется безотчетным восторгом".³

¹ ГАУО, ф. 477, оп. 1, д. 517, л. 38.

² Пушкарев И. Историко-географическое описание городов Симбирской губернии. СПб., 1837, с. 47.

³ Пушкарев И. Там же, с. 48.

В светлое время с симбирской горы зримо представляются могучие силы великой реки, несущей своенравным течением парусные суда, барки с дровами, длинные плоты с бревнами мимо созданных ею же песчаных мелей и островов. Пароходов тогда еще было мало, и главной тягловой силой были бурлаки, которые занимались также и погрузкой-выгрузкой на симбирских пристанях. Хотя основная торговля Симбирска велась уже в районе Гостиного двора, в центре города, однако внизу, в подгорной части, еще продолжала жить часть купцов со своими домочадцами и прислугой, работали харчевни и постоялые дворы, совершались службы в приходских церквях. На Венце, возвышавшемся почти на 70 сажен над волжской гладью, Пушкин наглядно представил себе неприступность некогда стоявших здесь стен кремля, которые не смогли взять штурмом в 1670 и 1671 годах отважные казачьи отряды С. Разина и Ф. Шелудяка. Но и полтора столетия спустя, в 1833 году, поэт убедился, что сообщение Симбирска с нижней волжской набережной было сопряжено с громадными трудностями: подъемы с пристаней на Венец были настолько крутыми, что цена за доставку бревна в центр города превышала его стоимость при покупке с плота. Да и бочку воды от Волги в город мало кто брался доставить даже за деньги. В копейку обходились перевозки рыбы, зерна, дынь и арбузов, камня и других строительных материалов.

Полюбовавшись с Венца видами, которые, по словам Н. М. Карамзина, "уступают в красоте немногим в Европе", Пушкин с обзорной площадки, находившейся напротив изящного белокаменного здания Присутственных мест (ныне оно занято сельхозакадемией), вышел на Соборную площадь. В центре ее возвышался величественный кафедральный Троицкий собор (одно из лучших творений архитектора, академика М. П. Ко-

ринфского), радовавший глаз петербургского жителя своим сходством с Исаакиевским. Сооружавшийся в память Отечественной войны 1812 года, он еще не вошел в число действующих из-за недостатка средств у дворянства. Поэтому верующие пользовались стоящим чуть севернее старинным Троицким собором (позднее он будет переименован в Николаевский). Действовала на Соборной площади и старинная гауптвахта, с парадным входом со стороны Венца. А на южной оконечности площади (между нынешним входом в Центральный парк им. Я. М. Свердлова и областной филармонией) стоял двухэтажный каменный дом, занимаемый "военно-сиротским отделением", ранее являвшийся отчим домом близкой Пушкину семьи Тургеневых... А чуть правее находился особняк Карповых (ныне здание госпиталя инвалидов и ветеранов войн), в котором дворянство через четыре года даст бал в честь цесаревича (будущего Александра II), прибывшего в Симбирск в сопровождении поэта В. А. Жуковского.

Западную часть Соборной площади занимали мужская гимназия и губернская почтовая контора, которой принадлежало и двухэтажное каменное здание (на этом месте сейчас расположен парадный вход драмтеатра), в подвалах которого содержался плененный Емельян Пугачев. Надо думать, что поэт испытал душевное волнение, вглядываясь в место заточения народного героя... Именно к этому месту относятся строки из его "Истории Пугачева": "Он посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и ногам, с железным обручем около поясницы, на цепи, привинченной к стене."¹

Думается, что сопровождавшие поэта (Загряжский или кто-то по его поручению) провели Пушкина в Троицкий переулок (ныне Краснознаменный), в котором стоял трехэтажный каменный дворец (на этом месте сей-

¹ Пушкин А. С., т. 7, с. 180.

час находится учебный корпус Ульяновского суворовского училища), не уступавший красотой отличным столичным зданиям. В этом дворце, принадлежавшем купцу-горнозаводчику И. С. Мясникову (Пустынникову), в 1767 году останавливалась Екатерина II, а через семь лет размещался со своим штабом граф И. И. Панин, возглавлявший войска, направленные императрицей для подавления пугачевского бунта. Чуть ниже дворца внимание путника привлекала Троицкая церковь, воздвигнутая главным образом на средства последней владелицы дома Пустынникова Н. К. Твердышевой.

Некогда великолепное здание дворца, в котором действовал первый в Симбирске крепостной театр Н. А. Дурасова (зятя Твердышевой), к моменту приезда Пушкина сильно обветшало. И это несмотря на то, что здесь теперь размещалось Дворянское собрание. Недаром Николай I через три года упрекнет симбирскую знать: "Стыдно симбирскому дворянству иметь такое помещение".¹ А в тот день, когда Александр Сергеевич разглядывал дворец, дворянство и не помышляло о новом месте для своих съездов и балов. Более того, перед былым домом Пустынникова намечалась установка памятника Н. М. Карамзину, и в глазах поэта это здание, естественно, приобретало особое значение. Двери Дворянского собрания были открыты для привилегированного сословия, и Пушкин мог осмотреть внутреннее убранство помещений, в частности, главную залу, украшенную портретами выдающихся земляков И. И. Дмитриева и Н. М. Карамзина. Через полтора десятилетия здания типографии, чертежной и архива, находившиеся восточнее резиденции губернатора, которые были видны из окон комнаты, отведенной Пушкину, будут снесены и на освобожденном месте по проекту симбирского зодчего — ака-

¹ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. С-к, 1898, с. 36.

демика И. А. Бенземана поднимется великолепное здание Дворянского собрания, на нижнем этаже которого в 1848 году начнет работать Карамзинская общественная библиотека.

Бывший же дворец Пустынникова перейдет губернской почтовой конторе, а во время грандиозного пожара 1864 года сгорит. Его остатки будут проданы городской думе, которая уступит это место под сооружение учебного корпуса военной гимназии (ныне в нем суворовское училище им. В. И. Ленина). Однако благодаря Пушкину, увековечившему в "Истории Пугачева" имя Пустынникова, память об исчезнувшем дворце осталась.

Имя Пустынникова поэт мог услышать и во время осмотра такой достопримечательности города, как Александровский сад, протянувшийся на юго-западной окраине (вдоль Сызранского выезда) почти на версту. До 1801 года он был собственностью этого купца-миллионера, а затем дворянство уговорило его продать сад по сходной цене под строительство здесь больницы "для неимущих"¹. Она была создана, и рядом с ней приютились еще городская, а также дома умалишенных и воспитательный.²

Основная же часть бывшего владения Пустынникова была занята фруктовыми деревьями и парком в английском стиле с великолепными липовыми аллеями. Именно здесь 6 сентября 1824 года власти принимали прибывшего в город Александра I в "нарочно устроенном вокзале". И теперь, ко времени приезда Пушкина, сад, за которым в честь царя закрепилось название "Александровский", имел статут "публичного" и славу "главного гульбища" Симбирска, в котором был сооружен летний театр.

¹ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет..., с. 73.

² Пушкирев И. Историко-статистическое воспитание..., с. 32.

А напротив восточной стороны Александровского сада, границей которого являлась Садовая (ныне Кирова) улица, простирался большой (на 4 десятины) фруктовый сад Ермоловых, родственников поэта Н. М. Языкова. Начинаясь на бровке волжского косогора, он спускался до широкой протоки Чувич (ныне район речного порта). В верхней части сада располагались деревянный дом с мезонином, различные хозяйственные постройки, а также теплицы и оранжереи. Сад, в котором росло "от 3 до 4 тысяч" яблонь и других плодовых деревьев, был очень ухожен. Отдыхающие, а в их числе бывали и Языковы, наслаждались здесь не только плодами, но и прекрасными видами на Волгу и живописные окрестности. Зимой здесь охотились на зайцев. Старожилы же рассказывали предание, что на месте этого сада произошла одна из самых ожесточенных схваток разинских казаков с правительственными войсками.¹

После прогулки по аллеям Александровского сада, по характеристике И. И. Пушкарева, "столь же длинным и тенистым, как аллеи петербургского Летнего сада", приезжие обычно направляются осматривать Покровский мужской монастырь. Как только путник входил сюда через ворота, устроенные в центре высокой каменной стены, его внимание привлекало кладбище "с мраморными и очень роскошными монументами". Спутники Пушкина, конечно же, обратили бы его внимание на оригинальный памятник знаменитому масону и вице-президенту Академии художеств А. Ф. Лабзину, скончавшемуся в ссылке 28 января 1825 года. Памятник этот выполнен из дикого камня, как бы из бревен. На укрепленной бронзовой табличке эпитафия, написанная поэтом М. А. Дмитриевым, говорила о трудной судьбе некогда блистательного вельможи: "Он запад дней своих страданьем освятил".

¹ Трофимов Ж. Макин сад // Ульяновская правда, 1997, 15 апреля.

Если Александр Сергеевич, продолжая обозрение города на коляске, возвращался к губернаторской резиденции по Московской улице, то здесь ему показали двухэтажный особняк Ермоловых, родственников знаменитого генерала, наместника Кавказа А. П. Ермолова, а также Николая Языкова (ныне в этом здании размещается областной военкомат). А когда поэт оказался на Спасской улице и увидел знакомый языковский особняк, то, хотя и знал, что хозяева находятся в своем поместье, все-таки мог выйти из коляски, чтобы окончательно удостовериться в этом. Языковых в городе не было. Оставалось осмотреть еще один дом, который Пушкин не мог не увидеть своими глазами. Это — особняк Карамзиных, в котором теперь размещалась резиденция вице-губернатора.

Находился он на северной окраине гребня волжского косогора, на так называемом Старом Венце, в каком-нибудь десятке минут ходьбы от дома Языковых. Когда поэт оказался у респектабельного двухэтажного особняка, обращенного передним фасадом с балконом к великой реке, то испытал незабываемо волнующие чувства от того, что ему посчастливилось побывать на историческом месте, связанном с автором "Истории государства Российского".¹

Отсюда была видна такая же прекрасная панорама Волги с протоками и островами, бескрайних далее левобережья и живописных окрестностей города, как и с площадки у здания присутственных мест. Но только, стоя у дома Карамзина, можно было увидеть здания Нового Венца, воздвигнутые на территории бывшего кремля, и сильную крутизну косогора, которая помогала защитникам рубленого города выдерживать мощные атаки разинцев. Наконец у дома Карамзина лучше всего были

¹ Трофимов Ж. Симбирск и симбиряне, с. 131.

видны прекрасные фруктовые сады Карташевых, Гончаровых и около трехсот других владельцев, раскинувшиеся по всему скату, которые потом сливались с садом Ермоловых и их соседей по южной окраине.

Эти сады, общей площадью в триста десятин, приносили владельцам от продажи яблок, груш, слив и различных ягод доход, превышавший прибыль от всех других "предметов промышленности симбирских обывателей". В город привозили с низовьев Волги лимоны, апельсины, виноград, арбузы и дыни, но яблок у себя выращивали столько, что отправляли их даже на столичные рынки.

От дома Карамзина к губернаторской резиденции Пушкин следовал по короткой и уютной Стрелецкой улице, на левой стороне которой стоял каменный двухэтажный особняк, над крышей которого возвышался небольшой купол, свидетельствовавший о наличии в нем домово́й церкви (впоследствии он станет архиепископской резиденцией). И кто бы ни сопровождал поэта, он, конечно, объяснил ему, что хозяином этого особняка является суворовский ветеран генерал Петр Никифорович Ивашев, отец декабриста... Последним объектом в конце обзорной поездки Александра Сергеевича была старинная небольшая и изящная Никольская церковь, которую обычно посещали особы царской фамилии.

Какое общее впечатление сложилось у Пушкина после этого о Симбирске? Ответом на этот вопрос в определенной мере может служить мнение сенатора Павла Сумарокова, высказанное им в своей книге "Прогулка по 12 губерниям России с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году" о Симбирске: "Расположен правильно, прекрасно, лучше всех прежних (Тулы, Воронежа, Тамбова, Пензы и др.). Лучшая улица,

Саратовская, шире всех улиц петербургских, кроме Адмиралтейской площади. Другие: Покровская и Московская не столь хороши, но хороши".

Опровергая расхожие мнения о глубокой глуши, которой якобы являлся Симбирск, сенатор пояснял, что благодаря Волге город имеет "легкие сообщения" не только с южными городами, но и с северными, в том числе и с Петербургом: "Можно с Невской пристани на барке, при попутном ветре, через две недели выйти здесь на берег. В Волге ловят стерлядей (десяток живых стерлядей, вершков семи, не дороже ассигнационного рубля), осетров, белугу, белую рыбицу и другие в большом количестве рыбы. Три парохода плавают от Астрахани до Нижнего... Сожалительно, что наносимые пески производят мели и острова".

После обеда у Загряжских, где хозяева, конечно же, постарались показать гостю богатства рыбного волжского края, губернаторская чета, то ли по своей инициативе, то ли по желанию Пушкина, привела его в находящийся поблизости Спасский женский монастырь, чтобы дать возможность увидеть Варвару Кравкову и из ее уст услышать о причине бегства от родителей.

Небезынтересно в связи с этим привести описание этого монастыря, данное историком И. И. Пушкаревым: "Высокие стены его образуют собою правильный параллелограмм, на углах которого утверждены круглые башенки с крестами на главах. В монастыре находится во имя Спасителя, празднуемого 6-го августа, две церкви, одна холодная, другая зимняя, отдельно, и обе очень обширные. Келии, большие каменные, расположены квадратами и отнесены к самой стене, отчего вокруг церквей осталось открытое место, род площади. Главные ворота, с железною извне решеткою, отворяются только во время крестных ходов".¹

¹ *Пушкарев И.* Историко-географическое описание городов Симбирской губернии, с. 45.

Но в калитку вход был открыт для всех верующих, желающих посетить здешние церкви. Так что появление Загряжских с гостем в монастыре никого не удивило, а монастырское начальство, естественно, гостеприимно отнеслось к появлению губернатора с гостем. После этого свидания с Кравковой у поэта и сложилось окончательное суждение, что дело, которое так беспокоило князя В. Ф. Одоевского, кажется, идет к благополучному завершению.

К исходу 10 сентября, второго дня пребывания в Симбирске, Александр Сергеевич мог считать выполненными все намеченные дела. Осталось только одно, заветное: встреча с поэтом Николаем Языковым, но для этого необходимо было совершить довольно длительную незапланированную поездку.

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ЯЗЫКОВО

*Тот, кто хочет понять поэта,
Должен отправиться в страну поэта.*

Гёте

Эти слова Гёте, проставленные Николаем Языковым в качестве эпиграфа на титульном листе первого тома своих "Стихотворений", вышедшего в Петербурге весной этого года, Пушкин, наверное, тоже невольно имел в виду, когда ранним утром 11 сентября отправился в своей коляске с камердинером Гаврилой из губернаторского дома в родовое имение Языковых, находившееся в 65 верстах западнее Симбирска.

Эта поездка — солидная петля в сторону от основного маршрута — увеличивала продолжительность всего

путешествия поэта по крайней мере на двое суток. Но не использовать представившийся редкостный случай побывать в обители "родни по вдохновенью" — Николая Языкова, который к тому же в последнее время серьезно хворал, Александр Сергеевич не мог. Предвкушая радость общения с одним из лучших лириков России в его родных пенатах, он надеялся познакомиться и с его новыми творениями, поделиться с ним своими сокровенными планами и, в конечном счете, укрепить их поэтический союз.

Московская улица, по которой Пушкин направлялся на западную окраину города, как и все другие улицы, была немощенной, но широкой, хорошо спланированной и застроенной приятного вида деревянными домами с мезонинами, антресолями, светелками, иногда даже с колоннами и фронтонами, но всегда с садами и огородами.

Плавнo спускаясь вниз по Московской, растянувшейся от Соборной площади до набережной Свияги почти на две версты, Александр Сергеевич еще раз обратил внимание на внушительного вида изящный двухэтажный особняк Ермоловых — родственников знаменитого генерала А. П. Ермолова и поэта Языкова, в нижней части улицы — на старинную Богоявленскую церковь, а на набережной Свияги — на водочный завод известного предпринимателя Дмитрия Бенардаки и больницу удельного ведомства.

Как только коляска поэта пересекла по деревянному мосту тихую и чистую Свиягу и миновала поемные луга, путешественник, наверное, остановил ямщика, чтобы с пригорка не спеша полюбоваться живописной панорамой Симбирска. Отсюда, с запада, губернский город, ограниченный с двух сторон Волгой и Свиягой, был виден на возвышенном плато, как на ладони, и легко угадывались идущие от центра улицы, Александр-

ровская больница, Покровский монастырь, не говоря уже о куполах как бы выстроившихся в шеренгу на горизонте златоглавых храмов — Троицкой церкви, Кафедрального, Вознесенского соборов, Германовского храма.

Московский тракт, обозначенный полосатыми верстовыми столбами, поддерживался в сносном состоянии, и в ясную солнечную погоду коляска Александра Сергеевича без помех проследовала через Сельдь и Баратаевку (хозяин села, известный масон и нумизмат князь Михаил Петрович Баратаев, в это время находился на родине своих предков — в Грузии). На почтовой станции Тетюшское (в 25 верстах от Симбирска), где происходила смена ямщиков и лошадей, можно было размяться и выпить чаю.

Необычайно жаркое лето и сухая осень пагубно отразились на посевах озимых, да и вообще на всем растительном царстве, и тем не менее все в новых краях привлекало взор любознательного путника: и вид "в багрец и золото одетых" дубрав и березняков, и зелень сосновых боров, и остатки земляных валов, некогда ограждавших здешние поселения от набегов кочевников, а главное — сельчане, отличающиеся от жителей северных губерний более высоким ростом, приветливостью и, хоть немного, но большим достатком. Если остановки на почтовых станциях — в Тетюшском и еще через 25 верст пути в торговом селе Тагае — прошли без больших задержек, то после восьми—деяти часов езды поэт доехал до села с симпатичным названием Прислониха. Отсюда уже рукой подать до села Языкова, раскинувшегося в узкой долине мелководной речки Урень. Но ямщик, не доезжая до села, свернул с Московского тракта вправо, направившись на взгорье мимо пруда, ограды парка, каменной церкви с колокольной, видневшейся еще со столбовой дороги, и, завернув налево, подкатил к въездным воротам барской усадьбы.

Как только Александр Сергеевич въехал на парадный двор, обнесенный решеткой на каменных столбах, коляска покатила по вязовой аллее, и перед его взором предстал фасад respectable двухэтажного деревянного барского особняка, на каменном фундаменте, украшенного портиком с четырьмя деревянными колоннами дорического ордера. С боков к основному зданию примыкали два флигеля, предназначенные, видимо, для гостей и обслуги. Все убедительно свидетельствовало о материальном достатке хозяев.

Это впечатление подтверждалось внутренним устройством и убранством дома. Из прихожей посетитель попадал в обширный и высокий зал, а оттуда в гостиную. Оба парадные помещения были оформлены художественной лепкой и хорошо освещались через стеклянную крышу. Стены гостиной украшали прекрасные портреты замечательных людей, главным образом, всемирно известных геологов и натуралистов, включая американца Франклина. Великолепно выглядела и коллекция гравюр рысистых и скаковых лошадей — память об отце поэта, купившем в свое время часть конного завода у екатерининского вельможи графа В. Г. Орлова. Мебель в доме была из красного дерева, домашней работы, добротная и изящная, в модном стиле ампира.

К великому огорчению Пушкина, и здесь, в имении, поэта Языкова не оказалось! А ведь за время путешествия ни с кем другим он так не желал встретиться, как с Николаем Михайловичем, которого не видел со времени своей женитьбы в феврале 1831 года. За прошедшие с тех пор полтора года Пушкин по-человечески соскучился по "родне по вдохновенью", особо лелея теплые воспоминания о совместно проведенном лете на Псковщине и питая чувства благодарности, и даже долга, за его великолепную поэму "Тригорское", за послания к Алексею Вульффу и его матушке, к няне Арине

Родионовне. И как взволновал Языков своим стихотворением "На смерть няни А. С. Пушкина"... Как хотелось поговорить с глазу на глаз (можно ли было доверять почти?) — обсудить тактику борьбы со шелкоперами коммерческого толка, планы совместных литературных предприятий. А каков сам Николай Михайлович теперь? Говорят, серьезно болен...

Застал здесь Александр Сергеевич старшего из троих братьев Языковых — Петра Михайловича, хозяйствовавшего в родовом имении, с которым самому прежде встречаться не доводилось, но о котором он слышал немало лестного от друга-поэта, а в Симбирске — от Загряжского. Но, видимо, Петр Михайлович все-таки следовал пословице, будто "незванный гость хуже татарина", и поначалу повел себя так, что столичному путешественнику показалось, что с ним даже не хотят говорить. Но вскоре, по словам самого Александра Сергеевича, хозяин с гостем "так обошелся, что через полчаса они сделались друзьями".¹

Почему Петр Михайлович на первых порах оказал Пушкину недостаточно дружелюбный прием? Объясняется это прежде всего природной застенчивостью, точнее, даже "дикостью", присущей всем Языковым, а ему — в особенности. "Увальнем и лежебокой", но "глубоким мыслителем про себя" называл Петра Михайловича его дальний родственник мемуарист Д. Н. Свербеев.² Брат-поэт Николай Михайлович не раз пытался "расколыхать", как он выражался, этого "постника и молчалиника", но, как ему казалось, безуспешно.

Эти и подобные образные характеристики старшего Языкова, не лишённые доли правды, содержат в себе и шутливые оттенки, порожденные как особенностями

¹ Искусство, 1928, кн. 1—2, с. 156—157.

² Свербеев Д. Н. Записки. 1799—1826. Т. I. СПб., 1891, с. 23.

характера самого Петра Михайловича, так и субъективными подходами. На самом же деле это была далеко не ординарная личность. Достаточно сказать, что старший брат поэта окончил с золотой медалью весьма престижный столичный Горный кадетский корпус, и только смерть отца вынудила его пожертвовать блестящей служебной и научной карьерой, чтобы взять на себя, по долгу старшего сына, руководство довольно большим недвижимым имением семьи. За прошедшие десять лет с тех пор, как он оставил Петербург и вернулся в Симбирск, благодаря его трудолюбию, знаниям и энергии имение превратилось в одно из лучших хозяйств губернии.

Петр Михайлович настолько основательно изучил весь процесс сельскохозяйственного производства, что был на равных с учеными агрономами, ветеринарами и механиками. О его глубоких познаниях и недюжинных способностях к изобретательству говорила, например, сконструированная им "машина для обдελывания овса". Осведомленность в медицине Петра Михайловича и лекарства, которыми он снабжал знакомых и крестьян, положительно сказались во время эпидемии холеры в 1831 году: в языковских деревнях смертность была гораздо меньшей, чем у соседей — "из числа более 300 больных умерло только 15".¹ Близко к сердцу принимал он и некоторые общественные дела, в частности, кампанию по сооружению памятника Н. М. Карамзину в Симбирске.

Пушкину все-таки повезло, что имение Языковых не пустовало, и он застал Петра Михайловича. Ведь тот всего лишь несколько дней назад вернулся сюда из Ундор, где гостил с женой и пятерыми своими детьми у тестя —

¹ Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. С-к, 1868, с. 236.

отставного генерала-майора П. Н. Ивашева¹. Отношения между супругами, во многом из-за своенравного характера Елизаветы Петровны, нередко были весьма напряженными, и возможно, что Петр Михайлович и из-за этого был не в духе, когда ему доложили о приезде Пушкина. Наконец, и это немаловажно, Петр Михайлович мог обижаться на Пушкина за то, что тот не откликнулся в печати на выход томика "Стихотворений" брата Николая.

Как бы то ни было, а Александр Сергеевич быстро завоевал расположение старшего Языкова, и между ними завязалась оживленная беседа. Конечно, сказались и уважение Петра Михайловича к личности первого поэта России, и чувство признательности к нему за то, что, пренебрегая тяготами езды, да и опасностями (шайки разбойников рыскали в округе), нашел возможность навестить собрата по поэзии. Не могла не вызывать уважения и необычная цель, ради которой Пушкин оказался в Симбирске и направлялся дальше, в Оренбург. Но холодок, с которым Петр Михайлович встретил неожиданного гостя, расстаял главным образом благодаря уму и обаянию Александра Сергеевича, сумевшего не заметить этого, его находчивости и тонкому, неистощимому юмору, создававшему непринужденную и теплую атмосферу.

Когда лед тронулся, Петр Михайлович — человек по своей природе незлобивый — в полной мере проявил гостеприимство и хлебосольство. В ходе завязавшейся за ужином беседы он поведал гостю, что Николай вместе с приехавшим из своего уфимского имения братом Александром гостит в селе Репьевка Сызранского уезда у их родной сестры да записывает крестьянские песни. И он, Петр, тоже собирает фольклор здесь, в симбирских селах.

¹ Российская национальная библиотека (РНБ), рукописный отдел, ф. 112 (Ивашевых), № 5784, л. 37.

Александра Сергеевича, немало занимавшегося записью устного народного творчества, заинтересовали детали дела, особенно коллекция Петра Михайловича песен и сказаний о Емельяне Пугачеве. И уж совсем сенсационным для поэта явилось сообщение Языкова о том, что у него имеется копия хроники шестимесячной осады Оренбурга повстанческими отрядами Пугачева — мемуары члена-корреспондента Петербургской академии наук П. И. Рычкова.

Александр Сергеевич, наверное, первым завел разговор о вышедших в свет "Стихотворениях" Николая Языкова. Он не сомневался, что Петр Михайлович знаком с его отзывами о прежних творениях Николая Михайловича, печатавшихся в журналах. Теперь Пушкин мог от чистого сердца выразить родному брату поэта глубокую приязнь ко всему, что рождено языковской музой. Возможно, что Александр Сергеевич повторил свое мнение, высказанное недавно Н. В. Гоголю после прочтения сборника творений Николая Михайловича: "Зачем он назвал их: "Стихотворения Языкова"! Их бы следовало назвать просто: "Хмель"! Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного; тут потребно буйство сил".¹

В ходе дружеской беседы, естественно, была затронута проблема жизни декабристов в сибирских острогах: ведь жена Петра Михайловича регулярно переписывалась с братом Василием Петровичем Ивашевым и невесткой Камиллой, оказывала им существенную материальную помощь и была в курсе новостей в жизни их ближайшего окружения — М. Н. Волконской, Н. А. Бестужева и других. Многое из того, о чем мог поведать гостю в тот вечер Языков, можно восстановить, так как переписка Ивашевых сохранилась. Но для Пушкина,

¹ Разговоры Пушкина. М., 1991, с. 187.

наверное, оказалось важным не только то, о чем рассказывал Петр Михайлович, но и то, с какими любовью и уважением он говорил о шурине-декабристе и его жене, добровольно последовавшей за любимым в Сибирь, с каким сердечным участием относился к их судьбе.

О чем бы еще ни шел разговор в этот вечер, — о вкладе ли Языковых в создание общественной библиотеки в память Н. М. Карамзина, стремлении ли Петра Михайловича создать губернский музей или усилиях по составлению фундаментальных коллекций минералов и окаменелостей — Пушкин все больше и больше проникался уважением к собеседнику, за то что он без всякой рисовки и надежд на общественную признательность по-своему творил добро и, будучи помещиком, сумел избежать пустоты провинциальной жизни, оставаясь интеллигентом в высоком значении этого слова. Вместе с тем старший Языков глубоко уважал "русский народный ум", назвав его, со свойственной его речи афористичностью, "самородным золотом, часто постигающим сущность дела скорее лиц, так называемого, высшего сословия".¹

В отличие от других помещиков-дилетантов, составляющих какие-нибудь домашние коллекции, Петр Михайлович был настоящим ученым и как естествоиспытатель-патриот стремился поставить свои научные исследования и открытия на службу обществу. Так, обнаружив в 1829 году в окрестностях села Ундоры богатые месторождения "смолистого сланца", он не раз вслух мечтал о времени, когда миллионы пудов этого горючего материала будут использоваться как топливо ("яркостью пламени оно превосходит березовые дрова") и в будущем "в приволжских городах Симбирской губернии будет существовать газовое освещение из собственного

¹ Трофимов Ж. Петр Михайлович Языков // Ульяновская правда, 1998. 21 июля.

материала нашей юрской породы". Но "это освещение, — философски заключал он, — требует просвещения".

До глубокой ночи затянулась беседа гостя с хлебосольным хозяином и интереснейшим рассказчиком, проходившая в кабинете Николая Языкова, где главным и бесценным богатством была библиотека, любовно составлявшаяся братьями, причем, в расчете не только на самих себя, но и всех родных, соседей, знакомых.

На ночлег Александра Сергеевича устроили в комнате на первом этаже (рядом с главным залом), предназначавшейся для почетных гостей. В. Н. Поливанов, осматривавший ее в 1896 году вместе с одним из потомков замечательного геолога, в своем очерке "Село Языково" рассказывал: "Комната эта средней величины, с одним большим окном в сад, обставлена мебелью красного дерева, черной деревянною кроватью и в углу типичным украшением камина в форме усеченной колонны... Пушкин, не застав... Николая Михайловича дома, вырезал ему алмазным перстнем на память на одном из стекол окна своей комнаты свое имя".¹

Неизвестно, когда именно Петр Михайлович пригласил Александра Сергеевича прогуляться по парку — в первый ли час после приезда, в ожидании обеда, или может быть на следующее утро, перед отъездом Пушкина, но без осмотра этого предмета гордости хозяев поэт, наверное, не уехал. А парк действительно был великолепен и ласкал взор гостя уже с балкона, что располагался под навесом портика с колоннами с противоположной парадному входу, юго-западной стороны дома. Пушкин, конечно, в полной мере мог оценить вкус отца поэта, Михаила Петровича, по указаниям которо-

¹ К столетию Николая Михайловича Языкова. С-к, 1903, с. 10.

го в начале XIX века обустроивалось родовое гнездо. Умело используя особенности рельефа, архитектор расположил барский дом в начале большого ската, так что он как бы господствовал над окружающей местностью. Цокольный этаж юго-западного фасада был настолько поднят, что окна в нем имели обычную высоту, и особняк по существу являлся трехэтажным. Вот с этой-то стороны дома, с балкона с точеными деревянными балясинами (как полагал А. Н. Блохинцев), были видны четыре террасных понижения, соединенных каменными лестницами, представлявшие собой партеры газонов с фонтаном, большой цветочной клумбой, огражденные с боков густыми зарослями сирени. Спуск заканчивался у большого пруда с тремя ключевыми источниками и двумя островами. Один из них украшала беседка, к которой с берега вел горбатый мостик. По берегам этого пруда и другого, тоже проточного, росли могучие вязы, тополя, клены, ветлы, березы и сосны, которые в сочетании с кустами сирени, жасмина, черемухи и рябины придавали рукотворному "нагорному саду" неповторимую красоту.

Здесь, в Языкове, Пушкин воочию убедился, насколько точно и ярко друг-поэт описывал окружавшую его с детства горячо любимую им малую родину:

И вот они, места мои родные...

Кругом леса и горы меловые;

По скатам их разбросано село;

Вот, божий храм, и барский дом, и нивы,

Луга, реки подгорные извивы

И двух прудов спокойное стекло.¹

Чувства глубокого удовлетворения от общения с Петром Михайловичем и знакомства с родовым гнездом

¹ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988, с. 248.

Языковых Пушкин выразил в письме к жене (которое он, по-видимому, начал в день приезда в Языково, а закончил утром 12 сентября): "Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора, а к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия.

Здесь я нашел старшего брата Языкова, **человека чрезвычайно замечательного**, которого готов полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина".¹

Это признание говорит о самой высокой оценке поэтом Петра Михайловича, ибо он поставил старшего Языкова рядом со своими давними ближайшими друзьями. Попытаемся понять, что было общего между ними и Петром Михайловичем.

Легко объяснимы добрые чувства, которые питал Александр Сергеевич к поэту и критику, профессору столичного университета Петру Александровичу Плетневу. Знакомство между ними состоялось еще в 1816 году в доме родителей Пушкина. Во время нахождения Александра Сергеевича в ссылке (в 1824—1826 годах) Плетнев брал на себя хлопоты по изданию "Евгения Онегина" и "Стихотворений Александра Пушкина". А с 1827 года Петр Александрович — ближайший друг и помощник Пушкина почти во всех издательских и литературных начинаниях. Наконец они бывали друг у друга дома и вели знакомство семьями. Петра Языкова с Петром Плетневым роднило немного, но очень важное: оба отличались безукоризненной честностью, бескорыстным служением науке, добрым, сочувственным отношением к пострадавшим по делу 14 декабря 1825 года, что для Пушкина, переживавшего за своих "друзей, товарищей", "заточенных во глубине сибирских руд", означало очень многое.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 10, с. 348. Выделено мной. — Ж. Т.

Нетрудно проследить и понять истоки добрых чувств Пушкина и к Павлу Воиновичу Нащокину, которого он знал еще по Царскому Селу, когда тот учился в тамошнем благородном пансионе с его младшим братом, Львом Сергеевичем Пушкиным. Дружеские отношения Александра Сергеевича с отставным гвардии поручиком Нащокиным продолжались до выдворения поэта из Петербурга и возобновились в Москве после возвращения его из михайловской ссылки. С начала 30-х годов поэт, приезжая из северной столицы в первопрестольную, иногда останавливался у Нащокина, делал займы у него. Естественно, что 17 февраля 1831 года Павел Воинович в числе немногих участвовал в мальчишнике, на котором были самые близкие друзья Пушкина. Об особом характере отношений между ним и Александром Сергеевичем говорит и то, что в июле 1833 года Нащокин специально прибыл в столицу, чтобы стать восприемником первенца Пушкина — Саши.¹ Поэт, в свою очередь, был крестным отцом дочери Павла Воиновича.

Что же импонировало поэту в Нащокине? Широкая осведомленность в литературе и искусстве и удивительный дар рассказчика, живость и острота ума, честность и благородство, к тому же — большая опытность в житейских делах, а также, говоря словами самого Пушкина, "удивительное добродушие и умная, терпеливая снисходительность". Образно выразился о Нащокине П. В. Анненков, назвав его человеком "из чистого золота, который не теряет ценность, куда бы ни попадал, где бы ни очутился. Редкие умели бы так сберечь человеческое достоинство, неизменную доброту сердца..."²

¹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989, с. 286.

² Анненков П. В. Литературные проекты Пушкина // Вестник Европы, 1888, № 7, с. 48.

Нетрудно заметить, что большей частью из присущих Нашокину благородных черт в той или иной мере обладал и Петр Михайлович. Поразительно другое: Пушкин после одного дня общения со старшим Языковым, как искусный кладоискатель, за внешним образом "увальня" и нелюдимостью сумел разглядеть в нем "чрезвычайно замечательного человека".

Непременно, желая увидаться с Николаем Михайловичем, Пушкин пообещал Петру Михайловичу в конце месяца на обратном пути из Оренбурга вновь завернуть в Языково, получив в ответ заверение, что к этому времени оба его брата будут здесь. Итак, утром 12 сентября, тепло распрощавшись с Петром Языковым, в добром расположении духа Пушкин выехал в Симбирск, куда добрался только к концу дня.

Казалось бы, после многочасовой тряски по пыльной дороге он имел право освежиться в баньке, спокойно посидеть в обществе гостеприимной семьи Загряжских за хорошим домашним обедом, совмещенным с ужином, переночевать в удобной постели, а утром, со свежими силами, продолжить путешествие. Но поэт сэкономил время и удержался от соблазна остаться до утра в доме губернатора. Как и обещал своей жене, этой же ночью (с 12 на 13 сентября) он распрощался с Александром Михайловичем и Каролиной Осиповной и отправился по правобережной дороге в Оренбург. Выехав на окраину города, Александр Сергеевич мог оглянуться, чтобы увидеть его и с этой, южной стороны. Но ночью можно было увидеть только тусклые огоньки уличных фонарей и немногих освещенных окон.

ПРОВЕРЯЯ ДРЯХЛЕЮЩУЮ ПАМЯТЬ

Что касается преданий, то если оные с одной стороны драгоценны и незаменимы, то с другой, я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой проверки и осмотрительности.

А. С. Пушкин

Вскоре после того, как коляска поэта выехала с южной окраины города, говоря его словами, на "большую дорогу", ее перебежал заяц, и Александр Сергеевич в сердцах суеверно чертыхнулся, пожалев даже, что не имеет возможности затравить косого. Но поначалу все обходилось без происшествий: смена ямщиков и лошадей на почтовых станциях Кременки и Тушна прошли терпимо, и Пушкин, утомленный поездками (да еще после сытного застолья у Загряжских), не один час находился в объятиях Морфея. Более или менее сносно проходил путь и до Сенгилея, а вот в этом уездном городке как будто оправдалась народная примета относительно зайца, перебегающего путнику дорогу... Когда на этой, "третьей станции" начали было закладывать лошадей, поэт заметил, что "нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался", и тогда пошумел, по его словам, "изо всей мочи". Когда же выяснилось, что по маршруту, которым он намеревался следовать далее от Сенгилея, на станциях "езде по шесть лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю", он решил возвратиться в Симбирск, чтобы оттуда путешествовать уже по другому пути.

Такая слабая оснащенность станций лошадьми и редкая частота движения почты на деле означали для Александра Сергеевича безотрадную перспективу ожидания

шестерки и ямщика чуть ли не на каждой станции в течение суток, а то и дольше. Взвесив все за и против, он, наверное, на тех же лошадях и с тем же ямщиком и отправился назад, в Симбирск. "Повезли меня обратно, — рассказывал он Наталье Николаевне в письме от 14 сентября, — я заснул — просыпаюсь утром — что же? Не отъехал я и пяти верст. Гора — лошади не везут — около меня человек 20 мужиков. Черт знает как бог помог — наконец взъехали мы, и я воротился в Симбирск... Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений".¹

Понять скверное настроение поэта не трудно. Ведь из трех суток, прошедших за период поездки в Языково и обратно, да неудачного вояжа до Сенгилея и назад, он провел в коляске чуть ли не половину времени и одолел по пыльным и тряским дорогам почти две с половиной сотни верст. Естественно, что утомленный и раздосадованный Александр Сергеевич по прибытии в город спешит в дом губернатора, чтобы избавиться от дорожной грязи, отобедать и обсудить с ним новый маршрут. У Загряжского он надеялся и получить очередную весточку от жены, но ее не оказалось.

Сложность ситуации, в которую попал Пушкин, обуславливалась тем, что, послушавшись чьего-то совета, он поехал по недавно, всего лишь с 6 июня 1833 года учрежденному правительством маршруту "экстра-почты" между Петербургом и Оренбургом.² Этот маршрут, проходивший после Симбирска на Самару, по правому берегу Волги, позволял поэту своими глазами увидеть Усолье, Жигули и другие живописные места, некогда служившие пристанищем Степану Разину и его удалым казакам. Но это новшество, введенное правительством,

¹ Пушкин А. С. Т. 10, с. 348.

² ГАУО, ф. 152, оп. 1, д. 2, л. 98.

слабо прививалось в жизни, ибо путь от столицы до Оренбурга через Самару оказался длиннее, чем прежний (через Казань и Бугульму) на сто с лишним верст и был небезопасен из-за шалостей разбойников на Самарской луке. И никто, даже губернатор, не мог сказать, как сложится дальнейшее путешествие Александра Сергеевича после того, как он в Симбирске переправится через Волгу и поедет в Оренбуржье по отмененному старому маршруту, проходящему севернее Самары, нанимая в селах вольных ямщиков. Словом, у поэта было немало забот по возвращении из Сенгилея.

Однако, как указывалось выше, с легкой руки Н. А. Державина в краеведческой литературе последних лет возобладало мнение, что сразу же по возвращении из Сенгилея в Симбирск Пушкин отправился не к Загряжским, а... на званый обед в особняк Языковых! Более того, версия эта была увековечена мемориальной доской с текстом: "В этом доме проездом из Петербурга в Оренбург 13 сентября 1833 года останавливался великий народный поэт А. С. Пушкин".¹ Ввиду того, что эта версия опирается только на публикацию В. П. Юрлова "К воспоминаниям об А. С. Пушкине", появившуюся 29 мая 1899 года в "Симбирских губернских ведомостях", то есть через 66 лет после пребывания Александра Сергеевича в нашем городе, поиск истины обязывает историка, подобно Пушкину, скрупулезно проверять "дряхлающую память" старожилов "историческою критикою".

Но прежде посмотрим, как это сделал казанский профессор-историк Н. П. Загоскин в своем очерке "А. С. Пушкин в Казани", напечатанном в те же юбилейные майские дни 1899 года в столичном "Историческом вестнике". Сопоставляя различного рода сведения и предания о пребывании великого поэта в Казани, профессор от-

¹ Это случилось в 1968 году.

дал предпочтение "Воспоминаниям" землячки — поэтессы А. А. Фукс. И главным образом потому, что из письма самого Пушкина известно, что он побывал в ее доме 7 сентября 1833 года, а потом вел с ней переписку до 1836 года. А, во-вторых, рассказы поэтессы и ее мужа — профессора К. Ф. Фукса заслуживали доверия еще и потому, что они были обнародованы в "Казанских губернских ведомостях" в 1844 году, когда в городе проживали Э. П. Перцов и другие старожилы, которые присутствовали в качестве гостей у четы Фукс на вечерней встрече с Пушкиным памятного 7 сентября и, следовательно, могли внести в них свои коррективы. Наконец Загоскин доверял "Воспоминаниям" А. А. Фукс и потому, что их публиковал в 1844 году такой строгий редактор, как Н. И. Второв.¹

И еще один пример критического подхода профессора к мемуаристам и своим предшественникам по теме "Пушкин в Казани". К столетию рождения поэта казанская городская дума намеревалась увековечить его славное имя мемориальной доской на доме собрата по перу Э. П. Перцова с указанием, что именно здесь и останавливался Александр Сергеевич в сентябре 1833 года. Однако это намерение не было осуществлено, ибо племянник Э. П. Перцова утверждал, что Пушкин квартировал тогда в гостинице. Н. Загоскин не согласился с этим: "Допустить почетного гостя останавливаться в номерах — шло бы в разрез с традициями гостеприимства того доброго старого времени". (А в Ульяновске и в 1999 году находятся краеведы, которые, ведая о родстве губернатора А. М. Загряжского с Натальей Пушкиной, а также о получении у него поэтом письма от жены, полагают, будто он останавливался в Симбирске в какой-нибудь гостинице).

¹ Исторический вестник, 1899, № 5, с. 606.

Весьма актуальным для краеведов явилось заключение Н. Загоскина в связи с неудачными попытками выявить новые достоверные сведения о пребывании поэта в 1833 году в Казани: "Пушкин, от природы не особенно общительный в среде малоизвестного ему общества, вряд ли выходил в бытность свою в Казани из тесных пределов непосредственного посещения им этого города и того тесного кружка казанцев, который встречал он здесь (Перцов, Баратынский, Фукс)".¹ Другими словами, профессор-историк вполне резонно подчеркнул, что Александр Сергеевич, вообще избегавший тесного общения с незнакомыми людьми, тем более не шел на это во время ответственной поездки 1833 года.

А теперь, с учетом опыта "исторической критики" Н. Загоскина, вчитаемся в "воспоминания" В. П. Юрлова, где он передает якобы со слов своего отца, штабс-капитана П. И. Юрлова, рассказ об участии великого поэта в веселых застольях: "Пушкин был недолго в Симбирске и обедал у брата поэта Н. М. Языкова Александра Михайловича. На этом обеде находились: бывший губернский предводитель дворянства Бестужев, старый и израненный ветеран 1812 года Аржевитинов, помещик Столыпин, А. П. и П. И. Юрловы. После обеда, — продолжал мемуарист, — все гости вечером заехали выпить шампанского к моему дяде Аполлону Ивановичу Юрлову... Здесь Пушкин, по обыкновению, поражал всех своим остроумием; к статуе Аполлона Бельведерского, стоявшей в кабинете, он произнес следующий экспромт:

Лук звенит, стрела трепещет,
И, виясь, издох Пифон,
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон.

Я хорошо помню, — заключает свой рассказ В. П. Юрлов, — что экспромт этот, очень часто, и громко

¹ Исторический вестник, 1899, № 5, с. 605.

смеялся, повторял мой дядя Аполлон Иванович, указывая при этом на статую своим гостям. Этот мой родственник был хорошо знаком с Пушкиным и со многими знаменитостями того времени".

После прочтения этого отрывка многое меня настораживало и порождало недоуменные вопросы. Почему В. Юрлов — активный сотрудник "Симбирских губернских ведомостей", опубликовавший в 1860—1890 годах десятки статей, заметок и стихотворений, столь важные для краеведов "воспоминания" о Пушкине, обнародовал аж 30 лет спустя после смерти своего отца, когда уже вообще не осталось свидетелей пребывания великого поэта в Симбирске? Почему за столетие ни один исследователь не смог подтвердить справедливость утверждения В. Юрлова, что его дядя Аполлон Иванович "был хорошо знаком с Пушкиным и со многими знаменитостями того времени?" Как мог В. Юрлов выдавать за симбирский "экспромт" стихи Пушкина, связанные со статуей Аполлона Бельведерского, если из сочинений поэта хорошо известно, что эта эпиграмма была написана в 1827 году в Москве на литератора А. Н. Муравьева? Как случилось, что Александр Языков, уже несколько лет проживавший в своем уфимском имении и бывавший у родных в Симбирске только наездами, вдруг оказался в особняке на Спасской улице в роли хозяина званого обеда в честь Пушкина? И мог ли он не пригласить губернатора Загряжского, у которого гостил поэт-путешественник?

Тщательная проверка "воспоминаний" В. Юрлова показала, что в одних случаях его подводила "дряхлающая память", в других — присущее ему стремление приукрасить свою биографию, а в третьих — слабая осведомленность в пушкиниане. Ведь если бы, скажем, В. Юрлов вник в содержание писем самого Александра Сергеевича, а также Николая и Александра Языковых,

относящихся к сентябрю — октябрю 1833 года, то убедился бы, что ни в одном из них и намека нет на званый обед в симбирском особняке Языковых или распитие шампанского у Аполлона Юрлова. А этих веселых застолий и быть не могло, хотя бы потому, что во время пребывания Пушкина в Симбирске Александр Языков был вдали от города: приехав в Симбирск в августе из уфимского "улуса" на съезд дворян для решения вопроса о памятнике Н. М. Карамзину, он затем с братом-поэтом отправился в фольклорную экспедицию в Сызранский уезд, где в селе Репьевке жила их сестра Прасковья с мужем П. А. Бестужевым.¹

Важнейшим подтверждением того, что в **сентябре 1833 года никто из Языковых вообще не обитал в городском доме**, является письмо Александра Михайловича из Языкова родным в Ундоры от 4 ноября: "К Екатериному дню (24 ноября, дню именин и сестры Екатерины. — Ж. Т.) собираемся к вам, поднимем и Старика (Петра Михайловича Языкова. — Ж. Т.); следовательно, прежде всего неловко будет уехать в Симбирск и заставлять нас прискакать в **пустой дом**; да теперь в городе никого еще нет и не с кем говорить..."² К этому можно добавить, что после кончины в 1831 году матери — хозяйки дома Екатерины Александровны Языковой — он все еще никому из наследников не принадлежал, а многие вещи, находившиеся здесь при матери (на сумму около двух тысяч рублей) забрали себе дочери³. Что касается 1833 года, то дом Языковых на Спасской пустовал по крайней мере до Екатеринина дня, то есть до начала зимы (это — 6 декабря по новому стилю), и не был готов не только для званых обедов, но даже и для обитания самих хозяев.

¹ ИРЛИ (Пушкинский Дом), № 1580, л. 36.

² Там же, л. 24. Выделено мной. — Ж. Т.

³ *Мартынов П. Л.* Материалы исторические... Т. IV. Архив А. П. Языкова. С-к, 1904, с. 521—522.

И что еще более удивительно, о чем свидетельствуют архивные документы, так это то, что сам штабс-капитан П. И. Юрлов ("участник" застолий, на рассказы которого ссылается сын-мемуарист), занимавший должность совестного судьи Сенгилеевского уезда, летом и осенью по обычаю находился не в Симбирске, а в своем сенгилеевском имении Спешневке.¹ И даже в августе 1833 года он не прибыл на дворянский съезд и свой взнос на памятник Н. М. Карамзину сделал только в 1835 году.²

Теперь — о дате 13 сентября как о дне званого обеда в доме Языковых. Она впервые была названа Н. А. Державиным в 1913 году, в расчете на то, что Пушкин окончательно расстался с Симбирском на следующий день. Но в 1930-х годах выяснилось, что поэт отправился в Оренбург 15 числа. Следовательно, для званого обеда более удобным было бы 14 сентября. Но помимо того факта, что и в этот день никого из Языковых в городе не было, следует внимательнее отнестись и к утверждению видного литературоведа Л. Б. Модзалевского относительно даты возвращения Пушкина из Сенгилея: "Пушкин возвратился в Симбирск, **конечно, не ранее 14-го**" (выделено мной. — Ж. Т.).³ И это утверждение закономерно. В самом деле, поэт отправился из Симбирска ночью на 13 сентября только потому, что спешил к конечной цели путешествия. Если бы он вернулся днем того же числа, как это думал Державин, то утром следующего же дня, уже по заволжскому пути, коляска Александра Сергеевича мчалась бы в направлении Оренбурга...

¹ Поливанов В. Н. Материалы к истории симбирского дворянства. С-к, 1909, с. 53.

² РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 84.

³ Пушкин. Письма, т. III, с. 636.

Жаль, конечно, что Модзалевский не познакомил читателей со своими выкладками, на основании которых было сделано заявление о возвращении Пушкина из Сенгилея в Симбирск, "конечно, не ранее 14-го". Для того, чтобы восполнить этот пробел, попытаемся представить, как же прошел у поэта день 13 сентября (когда ему, наверное, довелось поминать "чертову дюжину"...).

В письме к жене Александр Сергеевич сообщил, что из Симбирска он отбыл "ночью" 12 сентября. В таком случае можно считать **полночь** началом поездки. Дорога по правобережью Волги была более холмистой, нежели та, по которой Пушкин ехал из Казани в Симбирск, и, понятно, он продвигался здесь гораздо медленнее. Если в первом случае средняя скорость составляла верст восемь в час (днем — около одиннадцати, ночью — вдвое меньше), то от Симбирска до Сенгилея поездка проходила только ночью, когда лошади преодолевали в час четыре—пять верст. Можно только удивляться, как все-таки за ночь Пушкина довезли до Сенгилея, оставив позади около 60 верст. Дальше, как мы знаем, он не счел возможным ехать по правобережью и возвращается в Симбирск, чтобы оттуда следовать в Оренбург по степному правобережью. Поэт заснул, но не отъехал он и пяти верст — гора, на которую после долгих мытарств коляска взъехала только с помощью двадцати мужиков.

Эту драматическую эпопею Александр Сергеевич переживал утром 13 сентября. Сколько времени она длилась — неизвестно. Не счел нужным он рассказывать в письме к Наталье Николаевне и о том, как проходило дальше его возвращение и когда же он снова оказался в Симбирске. Но, очевидно, были еще какие-нибудь трудности в пути, если поэт признался жене: "Дорого бы дал я чтоб быть борзой собакой: уж этого зайца я бы отыскал". Поэтому Пушкин добрался до губернского центра в лучшем случае вечером, а более вероятно — ночью, уже 14 числа.

Важным доводом в пользу этого вывода являются письма поэта к жене во время путешествия: в каждом из них он указывал дату отъезда или приезда в то или иное место. Так, в письме от 8 сентября сказано, что он "в Казани с 5", а в письме из Языкова от 12 сентября — что в Симбирск прибыл "третьего дня". 19 сентября Александр Сергеевич уведомил жену, что в Оренбурге он "со вчерашнего дня" и из Болдина 2 октября тоже сообщает, что здесь он находится "со вчерашнего дня". Только в письме из Симбирска от **14 сентября** он заявляет: **"Опять я в Симбирске"**.¹ И эта фраза логически воспринимается как фиксация даты, когда Пушкин снова оказался в нашем городе.

СИМБИРСКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Итак, Пушкин снова, уже в третий раз за последние пять суток, стал гостем Загряжских. Конечно, хозяева постарались сделать все, чтобы развеять у поэта невеселые мысли, порожденные двумя неудачными поездками по Симбирскому и Сенгилеевскому уездам. Губернатор помог и навести справку об особенностях поездки по заволжскому пути. В знак своего уважения к дорогому гостю Загряжский на память о встрече подарил ему уникальную "Генеральную карту Екатеринославской губернии", на которой Александр Сергеевич сделал памятную надпись: "Карта, принадлежавшая императору Александру Павловичу. Получена в Симбирске от А. М. Загряжского 14 сент. 1833."

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 104.

Ульяновский ветеран краеведения К. А. Селиванов, размышляя над этим днем жизни Пушкина, в 1954 году высказал мысль: "Вечер 14 сентября поэт провел в доме Александра Михайловича Языкова. По воспоминаниям одного из участников вечера, Пушкин был в ударе и поражал всех присутствовавших своим остроумием". Как видим, Константин Андреевич тоже отдавал дань юрловским "воспоминаниям"... Думается, поэт-путешественник 14 сентября использовал для передышки перед последним этапом своей одиссеи и в этот вечер лег спать раньше обычного, чтобы с утра снова отправиться в путь. Л. Б. Модзалевский справедливо считает, что расставание Пушкина с Симбирском происходило "на рассвете"¹, чтобы как-то наверстать упущенное время.

Лучшим спуском к Волге являлся тогда Смоленский, начинавшийся за северной границей Венца, недалеко от красивого двухэтажного каменного особняка Карамзиных, развернутого к Волге главным фасадом с балконом и семью окнами на каждом этаже. В ненастную погоду сообщение по крутому и длинному склону Смоленской горы было вообще невозможно. Но и погожим днем 15 сентября Пушкин наверняка вздохнул с облегчением, когда добрался по идущей зигзагами между садами дороге до нижней набережной великой реки.

Покидая город, с которым волей судеб было связано столько поездок, Пушкин довольно хорошо узнал его, увидев со всех сторон горизонта: приехал он из Казани в Симбирск — с севера, на запад — уезжал в Языково, с юга — видел Симбирск при неудачной поездке до Сengiля и обратно, а теперь, находясь на паромном дощанике, он любовался живописным, покрытым садами, склоном высокого берега Волги — таким открывался перед поэтом вид на город с востока. Эту прощальную кар-

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 637.

тину он запечатлел в своей дорожной тетради: на двух развернутых страничках скупыми, но точными карандашными линиями обозначил Венец, три дома на краю его бровки — Карамзина и два соседних строения, извилистую ленту спуска, Смоленскую церковь, в стенах которой в 1670 году побывали повстанцы Степана Разина, а также несколько пристанских изб и амбаров. Внизу рисунка Александр Сергеевич сделал пояснительную надпись: "Смоленская гора. Церковь Смол. и дом Карамзина. 15 сент. Волга".¹

Этот рисунок был впервые опубликован в сборнике "Рукою Пушкина" в 1935 году и, понятно, привлек к себе внимание краеведов, породив две точки зрения относительно дома Карамзина. Согласно одной из них, старый деревянный особняк Карамзина, что стоял в начале улицы Гончарова (в районе кинотеатра "Рассвет". — Ж. Т.), "пришел в ветхость и был сломан" еще в начале XIX века. Вместо него старший брат историка — В. М. Карамзин построил "двухэтажное кирпичное здание, которое "сохранилось до настоящего времени (ныне ул. Рылеева, 33-а)".²

Авторы этой версии не обнародовали доводов в ее пользу, и можно только предположить, что появлению версии невольно способствовали поэты Пушкин и Ознобишин. Ведь Александр Сергеевич, набросав контуры трех домов на Венце, не отметил, какой же из них является "домом Карамзина". Дмитрий же Петрович, не ведая о существовании этого рисунка, при описании в 1863 году чудной панорамы, открывающейся взору у начала Смоленского спуска, лишь между прочим заметил: "С правой стороны виднеется г. Симбирск, начинаясь с дома нашего знаменитого историографа Н. М. Карамзи-

¹ Рукою Пушкина. М., 1935, с. 400—401.

² Край Ильича. Саратов, 1980, с. 102.

на, принадлежащего ныне Д. Н. Шидловскому; с другой, яблоневые сады, по горам раскинутые, тянутся далеко, сливаясь с горизонтом".¹ Это словесное изображение, по выражению Д. П. Ознобишина, "подола города", как нельзя лучше дополняет "Вид Симбирского Венца", сделанный знаменитым поэтом Василием Андреевичем Жуковским 24 июня 1837 года во время пребывания в нашем городе и, к счастью, сохранившийся в парижских делах симбирянина-декабриста Н. И. Тургенева.²

Ознакомление с архивными документами показало, что дом Шидловского был уничтожен во время пожара 1864 года и, если следовать Ознобишину, от бывшего дома Карамзиных (в котором во время Пушкина размещался вице-губернатор, а позднее — "рабоче-смирительный дом" и женская тюрьма) после пожара ничего не осталось.³

В действительности же дом Карамзина, который Пушкин обозначил правильно (!), располагался дальше от центра города, через владение от усадьбы Шидловского, и простоял в перестроенном виде до конца 1960-х годов, пока отцы города, не представлявшие себе исторической значимости старинного строения, не дали добро на его снос... Но эту оплошность можно и нужно исправить, так как сохранившиеся в северной столице детальные чертежи особняка Карамзина (составленные губернским зодчим М. М. Рушко), а также остатки фундамента здания дают возможность его воссоздания в первоначальном виде и дальнейшего использования как мемориального музея автора всемирно известной "Истории государства Российского".

¹ Симбирские губернские ведомости, 1863, 14 июля.

² Трофимов Ж. В. А. Жуковский в Симбирске // Ульяновская правда, 1998, 18 ноября.

³ Трофимов Ж. Симбирск и симбиряне, У-к, 1997, с. 133.

Что же касается старого деревянного особняка Карамзиных, стоявшего в начале центральной улицы, в районе кинотеатра "Рассвет", то он был построен старшим братом историка, Василием Михайловичем, в 1807 году, то есть после продажи им казне каменного дома на Венце, запечатленного Пушкиным на рисунке. К сожалению, и этот дом Карамзина не сохранился. А южная часть Симбирской горы, на которой он стоял, была тоже очень живописна, и вид отсюда открывался великолепный. Недаром историограф, узнав, что Василий Михайлович справил новоселье, и, горячо поздравляя его, с гордостью заметил: "Воображаю живо моего любезнейшего брата, сидящего под окном прекрасного домика и смотрящего на величественную Волгу, столь знакомую мне с детства! Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе".¹ Но с волжской переправы, на которой 15 сентября находился Пушкин, этот дом не был виден. Так что на рисунке поэта запечатлен старый каменный двухэтажный особняк Карамзиных, расположенный на северной оконечности Венца. Кстати, этот рисунок — единственный, сделанный Пушкиным в Поволжье.

Переправившись на левый берег Волги, Александр Сергеевич нанял вольного ямщика — они были в больших селениях и на своих лошадях везли путников даже быстрее, чем состоявшие на казенной службе. Объехав с севера Самару, Пушкин выбрался на оживленный оренбургский тракт и через трое с половиной суток, оставив позади 627 верст пути, вечером 18 сентября стал гостем оренбургского военного губернатора Василия Алексеевича Перовского, своего знакомого по Петербургу, с которым был даже на "ты".

Утром следующего дня, к радости поэта, за ним заехал Владимир Иванович Даль, знакомый ему по

¹ Атеней, 1858, № 22, с. 419.

Петербургу, автор талантливых "Русских сказок". Ему как чиновнику администрации было поручено губернатором сопровождать Пушкина в поездке к казакам на Яик. Сообщая жене, что пробудет у них (в Уральске. — Ж. Т.) дня три, Александр Сергеевич по-мужски сдержанно, но достаточно красноречиво признался: "...Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж — то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. — А уж чувствую, что дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю... Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и на станциях называет меня то графом, то генералом. Бесит меня да и только".¹

Это письмо-исповедь профессионального литератора и историка-энтузиаста имеет прямое отношение и к симбирским дням поэта: он и в нашем крае провел их по-деловому, в интересах творческой командировки, и нигде (в том числе и в Симбирске) не бывал на веселых застольях, кроме как в Уральске, где атаман и казаки дали Пушкину, по его словам, два обеда, подпили за его здоровье, угостили свежей икрой (при нем изготовленной) и "наперерыв давали все известия", в которых нуждался он как сочинитель.²

В первый же день пребывания в Оренбурге Александр Сергеевич принял решение, что в Болдино будет возвращаться через Саратов и Пензу. Ради чего Пушкин решался удлинить свое и без того большое путешествие? Нельзя исключить, что новый маршрут позволял полнее познакомиться с районом действия Емельяна Пуга-

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 105.

² Там же, с. 106.

чева, а заодно — навестить в Верхней Мазе поэта-партизана Дениса Давыдова, вместе с ним в Сызранском уезде "напасть" на Николая Языкова и уже потом, втроем, двинуться в языковское имение...

Как бы то ни было, а вечером 23 сентября, когда Александр Сергеевич прощался в Уральске с Владимиром Далем, пошел неожиданный мелкий, но настойчиво моросящий дождь. Сказочник Казак Луганский (так подписывал свои произведения В. Даль) напомнил о примете, говорящей, что дождь — к счастливой дороге. Но, к несчастью, дождь, по словам Пушкина, уже "через полчаса сделал дорогу непроходимой". А вскоре пришлось обновлять даже зимний путь: передвигаться "верст 50 на санях" (в коляске на полозьях).¹

Резкое ухудшение погоды внесло коррективы в ход путешествия: передвигаться по раскисшим дорогам, да еще по малонаселенной местности было почти невозможно и рискованно, и поэту первую же ночь пришлось провести на почтовой станции или постоялом дворе. И где-то на полпути к берегам Волги, скорее всего на узловой почтовой станции Овсяный Гай, когда стало очевидным, что поездка через Саратов—Пензу (удлинявшая путь верст на полтора, а следовательно, прибавлявшая добрых двое суток дороги) становится выше его сил, наш путник отказывается делать крюк и берет курс прямо на Сызрань—Симбирск.² Но и в этом случае добрался он до Симбирска (уже в четвертый раз за девятнадцать дней!) через пять суток. По случайному ли совпадению от Уральска до Симбирска путешествовал Пушкин в такие же осенние дни через 59 лет после того, как Емельяна Пугачева, плененного в Яицком

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 106.

² Смольников И. Путешествие Пушкина в Оренбургский край. М., 1991, с. 256.

городке (Уральске), где зарождалась крестьянская война, отряд под началом генерала-поручика Александра Суворова 1 октября 1774 года доставил в Симбирск? Но и это еще не все: если ямщик в Симбирске довез Пушкина до губернской почтовой конторы, а она была отделена от резиденции А. М. Загряжского всего лишь участком мужской гимназии, то поэт оказался рядом с домом, в подвале которого содержался в заточении Пугачев...

И. Смольников, автор книги "Путешествие Пушкина в Оренбургский край", вышедшей в Москве в 1991 году, считает, что Александр Сергеевич приехал в Симбирск "на шестой день" и, узнав, что "все три брата Языковых у себя в имении, не задерживаясь в городе, к вечеру прибыл к ним". Другими словами, автор полагает, что поэт въехал в Симбирск утром 29 сентября и за светлое время успел добраться до Языкова. Не исключено, конечно, что он приехал днем раньше, поздним вечером, а рано утром двинулся по Московскому тракту в знакомое уже поместье "родни по вдохновенью".

Никто и никогда уже не сможет точно установить, как это было в действительности, ибо относительно возвратного путешествия Пушкин сообщил жене только о смене 23 сентября теплой и сухой погоды на осеннее ненастье и не единым словом не обмолвился ни о городах, которые встречались на дороге от Уральска до Языкова, ни о погоде последней недели сентября: не в его натуре было красочно живописать неприятности и невзгоды, выпадавшие на его долю. Недаром в письме к жене от 21 октября из Болдина он, бегло упомянув о случаях сбоев в творческой работе, повторил мысль: "взялся за гуж, не скажу, что не дюж".¹ И только в письме от 6 ноября, тоже из Болдина, Александр Сергее-

¹ Пушкин. Письма, Т. III, с. 109.

вич, осерчав на наивные сообщения Натальи Николаевны о своем влиянии в свете на мужские сердца, напишет: "Женка, женка! Я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши... — для чего? — Для тебя, женка... Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc. etc."¹

Вернемся к пятнице 29 сентября, когда поэт, преодолев на своей коляске 65-верстный путь от Симбирска до Языкова, въехал в ворота знакомого парадного двора ухоженной усадьбы. Надо ли говорить, с каким облегчением усталый и продрогший путник оказался в светлом и уютном господском особняке и с какой радостью обменивался дружескими объятиями с Николаем Михайловичем и его замечательными братьями.

В насколько теплой атмосфере проходила встреча, свидетельствуют строки из письма Пушкина к жене в Петербург, которое он отправит спустя несколько дней из своего Болдина: "Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал, застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело и отправился сюда".² С таким же удовлетворением сообщал и Александр Языков своим сестрам о пребывании в их имении именитого поэта: "...В обществе он очень забавен, и время с ним провели весело..."³ И понятно, так как компания собралась молодая и задорная: самому старшему ее участнику — Петру Михайловичу было 35 лет, среднему из братьев Языковых — Александру, как и его тезке Пушкину, — 34, а Николаю Михайловичу — только 30. Александр Сергеевич был удовлетворен тем, что отказался от первоначального плана возвращения через Саратов и Пензу, благодаря чему

¹ Пушкин. Письма, Т. III, с. 112.

² Там же, с. 106.

³ Литературное наследство. Т. 58. М., 1952, с. 112.

быстрее встретился с Николаем Михайловичем, да еще и его братьями, далеко не ординарными личностями. В свою очередь Николай Языков не мог не оценить того желания Пушкина повидаться с ним, благодаря которому, преодолевая тяготы многих верст пути, тот дважды заезжал в Языково. Доволен он был и тем, что вслед за братом Александром и Петр стал добрым знакомым знаменитого поэта.

Все в доме Языковых благоприятствовало тому, чтобы желанный гость был вознагражден за трудности и лишения изнурительной поездки. Александр Сергеевич с признательностью оценил это и чувствовал себя легко и свободно в обществе достойных собеседников. Каждый из братьев был по-своему интересен, кристально честен, обаятелен, разносторонне образован, обладал способностью улавливать тонкий юмор рассказчика и не лезть в карман за острым словом. К тому же все трое были прекрасно информированы, из первых рук, о событиях общественной и литературной жизни обеих столиц, имели собственное мнение о достоинствах и недостатках известных деятелей.

Хозяев, конечно же, интересовали подробности необыкновенного путешествия в Оренбург и Уральск, результаты поисков документов о пугачевском восстании, а также фольклорные записи. А Николаю Михайловичу важно было узнать и об условиях жизни и творчества Владимира Даля, дружба с которым у него завязалась еще во время учения в Дерптском университете. Ведь в прошлом году за свои "Русские сказки" (одна из них была посвящена Н. М. Языкову) Даль чуть было не угодил под арест..¹ а в начале 1833 года Языков передал ему сборник своих "Стихотворений", но не получил еще подтверждения о получении.

¹ Прудоминский В. Даль. М., 1971, с. 69.

Кстати, во время поездки с Казаком Луганским в Бердскую слободу (в 7 верстах от Оренбурга) произошел курьезный случай, о котором Пушкин теперь мог рассказывать с улыбкой. Тамошняя 70-летняя казачка И. А. Бунтова с охотой поведала ему, что знала о Пугачеве и его окружении. В благодарность поэт вручил старушке червонец. Но кому-то из "благонамеренных" слобожан показалось все это подозрительным, и на другой день Бунтову отвезли в Оренбург да донесли начальству о "чужом господине", который якобы "подбивал под пугачевщину". Успокоение наступило лишь тогда, когда "охранителям порядка" разъяснили, что этому господину царем позволено расспрашивать о Пугачеве и поднятом им бунте.¹

Вполне возможно, что Александр Сергеевич поведал Языковым и о курьезном письме нижегородского губернатора М. П. Бутурлина оренбургскому губернатору В. А. Перовскому, в котором содержался совет быть осторожнее с Пушкиным, который не столько разъезжает "за документами о Пугачевском бунте", сколько тайно "собирает сведения о неисправностях".² Не этим ли трагикомическим эпизодом был навеян поэту сюжет (впоследствии рассказанный им Гоголю) о столичном чиновнике, которого в провинции приняли за ревизора?

Рассказывая о путешествии, поэт мог позабавить слушателей рассказом о проделках прибывшего с ним камердинера Гаврилы Шапошникова, который бесцеремонно распоряжался съестным из дорожного погребца, а на почтовых станциях называл своего барина графом или генералом, надеясь, что зритель поживее выделит ямщика и лошадей...

¹ Русский архив. СПб., 1902, кн. 8, с. 660.

² Там же, 1865, ст. 1213.

Из письма А. М. Языкова к петербургскому приятелю-литератору В. Д. Комовскому от 1 октября 1833 года известно, что гость рассказывал много и "литературных новостей". В частности, он прочел свою сказку "Гусар" — о походе "малороссийской ведьмы", написанную "весьма живо и занимательно". "Знаете ли вы, — продолжал А. Языков, — что Гоголь написал комедию "Чиновник"? Из нее Пушкин сказал нам несколько пассажей чрезвычайно острых и занимательных. Мы от него первые узнали, что он и Катенин (П. А. Катенин — известный поэт. — Ж. Т.) избраны членами Российской Академии (научного центра по изучению языка и литературы. — Ж. Т.) и что последнее производит там большой шум, оживляя сим сонных толмачей, иереев и моряков. Во второй раз дошло до того, что ему (Пушкину. — Ж. Т.) прочли параграф устава, которым велено выводить из заседания членов недостойно себя ведущих. Старики видят свою ошибку, но делать уже нечего, зло посреди них: вековое спокойствие нарушено навсегда или, по крайней мере, надолго".¹

Здесь речь идет о том, что в тогдашней Российской Академии, возглавляемой престарелым адмиралом А. С. Шишковым, основным было "вникание в корни слов" и переводы статей иностранных авторов против романтизма. Поэтому главными действующими лицами на заседаниях Академии выступали толмачи (переводчики) и иереи (священники, знатоки священного словаря). Пушкин и Катенин с первого же своего появления в Академии стремились влить в нее живую струю, чтобы "ободрить" российскую словесность. Их поведение, встревожившее рутинную обстановку Академии, и вызвало неудовольствие ее сановных членов.

Как семь лет назад в Тригорском и Михайловском, так и теперь в Языкове, друзья-поэты нашли время, что-

¹ Исторический вестник, 1883, № 12, с. 537.

бы в кабинете-библиотеке Николая Михайловича или во время прогулки по парку отвести душу в сокровенных беседах, обговорить чисто творческие проблемы, особенно о сотрудничестве в затеваемом Петром Вяземским новом альманахе, а также о сборнике народных песен, подготовляемом к печати Петром Киреевским.

Николай Языков, к сожалению, не оставил подробных описаний встречи с Пушкиным. Винить его за это нельзя, если учесть, что он в 1833 году уже страдал приступами тяжкого недуга. (Впрочем, и Евгений Баратынский, который в начале сентября виделся с Александром Сергеевичем в Казани, тоже не написал об этом подробно.) Но и то немногое, о чем Н. Языков сообщил 3 октября своим адресатам, которые могли прочесть между строк, содержит для нас трудноразрешимые загадки. Так, поведав профессору М. А. Максимовичу о том, что Пушкин, странствовавший на Яике, "собрал кое-что о Пугачеве", как бы между прочим добавил, что гость привез в Языково "очень приятное известие": в Казани "площцу называют немецкой вошью"¹. Неужели Николаю Михайловичу уж так сильно импонировало известие, что прародиной этого паразита является не Россия, а неметчина?

Что касается пушкинских изысканий, то, как это видно из письма Николая Михайловича от 3 октября профессору М. П. Погодину, он явно недооценил их глубины и значимости: "У нас был Пушкин — с Яика — собирал-де сказания о Пугачеве — много-де собрал, по его словам, разумеется. Заметно, что он вторгается в область Истории (для стихов бы туда-сюда). — Собирается собирать плоды с поля, на коем он ни зерна не посеял — писать историю Петра, Ек. I-ой и даже вплоть до Павла первого (между нами)".²

¹ Языков Н. М. Свободомыслящая лира, М., 1882, с. 229.

² Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 712.

Эта недооценка навеяна критическими отзывами близких Николаю Михайловичу людей — и самого М. Погодина, и В. Комовского, и своего брата Александра, которые, как и он, не были осведомлены о той большой работе по изучению литературы и архивных материалов, которую проделал Пушкин до поездки в Поволжье и Оренбургский край. На скептическом тоне письма сказывались и очередной приступ болезни, и хандра, которая напала на нашего поэта. Но эти сугубо личные высказывания Николая Языкова, никогда не предназначавшиеся для печати, литературовед А. Соймонов использовал для утверждения, что "сам тон письма **выдает** (?) неприязнь Языкова к Пушкину", и Александр Сергеевич, якобы, "должен был (?) почувствовать такое отношение".¹

Такой уничижительный вывод — досадное недоразумение, ибо тесная дружба между Пушкиным и Языковым, родившаяся в 1826 году за месяц общения в Тригорском и Михайловском и закрепленная обменом письмами и стихотворными посланиями, а также личными встречами в Москве и Петербурге, никогда не омрачалась "неприязнью" со стороны Николая Михайловича.

Коренную суть языковского отношения к Александру Сергеевичу характеризуют строки его послания "А. С. Пушкину" от августа 1826 года:

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!

Пушкин всегда помнил это признание и в добром отношении к нему, как Николая Михайловича, так и его братьев, убедился и теперь, в Языкове: хозяева с редкостным бескорыстием передали ему уникальные

¹ Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971, с. 135.

записи академика П. И. Рычкова об осаде пугачевцами Оренбурга. Но кроме этого крупного их вклада, отмеченного в "Истории Пугачева", автором ее были использованы устные рассказы Языковых, а также их фольклорные записи. Словом, в субботу 30 сентября 1833 года, когда Пушкин, по-братски распрощавшись с гостеприимными Языковыми, покинул их вотчину и отправился в свое Болдино (до которого через Ардатов и Абрамово оставалось всего лишь 164 версты), в душе у него остались самые теплые впечатления, нашедшие отражение и в письме к жене 2 октября, сразу же после окончания всего его 45-дневного путешествия. Из письма же Александра Языкова к своим сестрам видно нечто большее: **Пушкин "зимою обещал быть в Симбирске"!**¹

Да, девять дней, проведенные великим поэтом на симбирской земле, особенно время общения с Языковыми, оставили неизгладимый след в его душе и дали обильную пищу для раздумий при работе не только над "Историей Пугачева" и "Капитанской дочкой", но и некоторыми другими творениями. Но об этом разговор еще впереди.

"...ОСТАВЛЯЮ ТЕБЯ ДЛЯ ПУГАЧЕВА"

Этими полушутливыми словами заканчивается письмо Александра Сергеевича, написанное Наталье Николаевне 2 октября — на следующий же день после завершения последнего этапа путешествия из Языкова в Болдино, свое имение Арзамасского уезда

¹ Литературное наследство. Т. 58, с. 112 (Выделено мной. — Ж. Т.)

Нижегородской губернии. А сердце его замирало от нескончаемых дум о том, здоровы ли жена и дети, Маша и Саша, о которых он так соскучился, сумеет ли Наталья Николаевна при острой нехватке денег устроиться с жильем и справиться с другими неотложными расходами...

В воскресенье 8 октября почта, наконец, доставила поэту от жены два письма — первые, по его словам, "после симбирского". К счастью, все домашние оказались здоровы, а Павел Нащокин выручил, прислав столь нужные полторы тысячи рублей. Тем не менее Наталья Николаевна настаивала на скорейшем приезде мужа домой, прибегая даже к маленькой хитрости — намекам на то, что она пользуется успехом в обществе.

Александр Сергеевич и без того рвался к семье, но держал себя в руках и в ответном письме добродушно уговаривал: "Не стражай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась; я приеду к тебе, ничего не успев написать — и без денег сядем на мель. Ты лучше оставь уж меня в покое, а я буду работать и спешить. Вот уж неделю как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пугачеве, а стихи пока еще спят. Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых денег. Заплатим половину долгов и заживем припеваючи"¹.

Через три дня, не дожидаясь ответного письма, Пушкин обращается к жене с деловой просьбой: "...Съезди к Плетневу и попроси его, чтоб он к **моему приезду** велел переписать из "Собрания законов" (годы 1774, 1775 и 1773) все указы, относящиеся к Пугачеву... Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины. Надеюсь, что Смирдин (издатель и книгопродавец. — Ж. Т.) аккуратен. На днях пришлю ему

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 107.

стихов"¹. В подтверждение своего делового настроя Александр Сергеевич в письме к жене от 30 октября сообщает распорядок дня: "Просыпаюсь в 7 часов, пью кофей, и лежу до 3-х часов. Недавно расписался, и уже написал пропасть. В 3 часа сажусь верхом, в 5 в ванну и потом обедаю картофелем, да грешневой кашей. До 9 часов — читаю".²

То, что поэт нередко после завтрака работал лежа, — действительно было одной из его привычек. Что касается "пропасти" написанного, то, хотя она и уступала по объему созданному в первую болдинскую осень (1830 года), и нынешняя осень оказалась изумительно плодотворной. Наряду с "Историей Пугачева", в октябре 1833 года Александр Сергеевич работал над "Медным всадником", "Сказкой о рыбаке и рыбке", поэмой "Анджело", стихотворениями "Воевода" и "Будрыс и его сыновья", "Пиковой дамой" и "Сказкой о мертвой царевне и семи богатырях". Поразительно, но факт: ровно через месяц после прибытия в Болдино, 2 ноября, он завершил работу над "Историей Пугачева"³.

Представим, хотя бы в общих чертах, что было сделано Пушкиным за эти недели при окончательной отделке рукописи монографии о Пугачеве. За это время он обработал свои краткие "пугачевские" записи, которые набрасывал в дорожной тетради, беседуя со старожилами казачьих поселений Оренбуржья, а также после встречи с братьями Языковыми в их симбирском имении, и ввел наиболее колоритные эпизоды в основной текст "Истории Пугачева"; с учетом полученной от Языковых рукописи П. И. Рычкова "Описание шестимесячной осады Оренбурга" перерабатывал конспект этих же мемуаров, составленный им в Петербурге по экземпляру,

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 108.

² Там же, с. 110.

³ Там же, с. 648, 652.

взятому у библиофила Г. И. Спасского; пересмотрев состав документов и материалов, включавшихся во вторую часть "Истории Пугачева", оставил лишь те, которые имели шанс быть пропущенными цензурой; составил "Замечания о бунте", предназначенные только для сведения Николая I.

Заключительным аккордом этой напряженной работы стало новое предисловие к книге, в котором поэт назвал использованные им источники: "все, что было обнародовано правительством касательно Пугачева, и то, что показалось мне достоверным в иностранных писателях, говоривших о нем. Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых"¹.

Болдинской осенью 1833 года завершилась, по существу, двухлетняя работа над "Историей Пугачева". Пушкин весьма взыскательно подходил к оценке своего труда: "Будущий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд — конечно, несовершенный, но добросовестный. Историческая страница, на которой встречаются имена Екатерины, Румянцева, двух Паниных, Суворова, Бибикова, Михельсона, Вольтера и Державина, не должна быть затеряна для потомства"².

Без преувеличения можно сказать, что после утомительнейшего путешествия Пушкин достиг очередной болдинской осенью феноменального результата, что говорит о завидном физическом и духовном здоровье 34-летнего поэта, его удивительной целеустремленности, собранности и редкостной трудоспособности, не говоря уже о таланте. Примечательно в связи с этим донесение уездного исправника от 11 ноября 1833 года нижегородскому губернатору М. П. Бутурлину относительно

¹ Пушкин А. С. ПСС, т. VIII, с. 109.

² Там же.

образа жизни Пушкина в Болдине: "Во время проживания его, как известно мне, занимался единственно только одним сочинением, ни к кому из соседей не ездил и к себе никого не принимал"¹.

Наконец во второй половине ноября Пушкин отправляется к семье в Петербург, сделав по пути кратковременную остановку в Москве. Все путешествие в Поволжье и на Урал с пребыванием в Болдине заняло у поэта около трех с половиной месяцев. Дома среди массы нахлынувших дел одним из главных стала подготовка к печати "Истории Пугачева".

Продолжая усилия по пополнению приложений к будущей книге, Александр Сергеевич обращается к нашему земляку, маститому баснописцу Ивану Ивановичу Дмитриеву за разрешением поместить воспоминания его как очевидца казни Пугачева в Москве рядом с неизвестными письмами Екатерины II, А. И. Бибикова, И. И. Панина, Г. Р. Державина, П. А. Румянцева и других знаменитых деятелей.²

И только 6 декабря 1833 года поэт наконец-то решил сообщить шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, что вместо некогда задуманного исторического романа времен Пугачева он, после того как "нашел множество материалов... оставил вымысел и написал "Историю Пугачевщины". "Не знаю, — заключил он свое письмо, — можно ли мне будет ее напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для Его Величества, особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных"³.

Насколько основательными были опасения Александра Сергеевича в отношении издания своих творений,

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 655.

² Там же, с. 114.

³ Там же, с. 115.

видно из его письма в Москву к верному другу Павлу Нащокину, относящегося к середине того же декабря: "Здесь имел я неприятности денежные; я договорился было со Смирдиным, и принужден был уничтожить договор, потому что "Медного всадника" цензура не пропустила. Это мне убыток. Если не пропустят "Историю Пугач.", то мне придется ехать в деревню. Все это очень неприятно. На деньги твои однако я надеюсь; думаю весною приступить к полному собранию моих сочинений"¹.

Замечу, что поэту вообще не удастся издать полное собрание своих произведений. Что касается "Медного всадника", то при жизни Пушкина будет напечатан только отрывок, а целиком поэма (с пропусками и переделками В. А. Жуковского) появится в "Современнике" уже после смерти поэта. Но судьба "Истории Пугачева", которая по указанию Николая I получила название "История Пугачевского бунта", сложилась сравнительно благополучно: в конце февраля 1834 года Пушкин получил разрешение на издание "Истории", указание печатать ее в одной из типографий М. М. Сперанского и даже ссуду в 20 тысяч рублей².

По своему опыту Александр Сергеевич знал, что раньше осени книга в свет не выйдет, и продолжал еще работать над рукописью. Так, получив в апреле 1834 года из Твери от И. И. Лажечникова вариант рукописи академика П. И. Рычкова об осаде Оренбурга, поэт письмом благодарит известного романиста и сообщает, что в присланном им труде он "нашел некоторые любопытные прибавления", которыми непременно воспользуется³. Из письма от 1 мая в Москву к Д. Н. Бантыш-Каменскому видно, что Пушкин с нетерпением ждал обещанную

¹ Пушкин. Письма. Т. III, с. 117.

² Там же, с. 667.

³ Пушкин А. С. ПСС, т. X, с. 367.

"биографию Пугачева" и охотно отдал бы свой труд на рассмотрение столь знающего историка, но время уже не позволяет¹. Когда же в начале июня от Бантыш-Каменского прибыли бумаги, "касающиеся Пугачева", поэт с благодарностью сообщает ему: "Несмотря на то, что я имел уже в руках множество драгоценных материалов, я тут нашел неизвестные, любопытные подробности, которыми непременно воспользуюсь"².

Старался помочь Александру Сергеевичу и Денис Давыдов, который из своей Верхней Мазы просил Александра Языкова сообщить Пушкину (через петербургского приятеля В. Д. Комовского), что бузулукский помещик И. Г. Пыхачев обладает "любопытнейшими материалами" о Пугачеве³. Но воспользоваться этой рекомендацией было уже поздно: в первых числах июля начался типографский набор "Истории Пугачева". Кроме того поэт в это время переживал один из самых драматических периодов в своей жизни, начавшийся в канун 1834 года, когда Николай I, говоря словами самого Пушкина, "упек" его под старость лет в камер-пажи.

Ю. Лотман писал в связи с этим "пожалованием": "Пушкин оказался прикованным к Петербургу и двору... Пушкину предстояло постоянно выслушивать замечания о нарушении им придворного ритуала". Неудивительно, что поэт, встретив царя на балу, не поблагодарил за приближение ко двору, а завел разговор о Пугачеве и говорил с ним не как придворный, а как поэт и историк⁴.

Свое недовольство навязанными ему придворными обязанностями Александр Сергеевич выразил жене,

¹ Пушкин А. С. ПСС, т. X, с. 374.

² Там же, с. 380.

³ Исторический вестник, 1883, № 12, с. 539.

⁴ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1982, с. 212.

уехавшей с детьми к своим родным в Полотняный завод Калужской губернии. Письмо было вскрыто и через Бенкендорфа попало к Николаю I. Пушкин узнал об этом от В. А. Жуковского и, возмущенный случившимся, пишет Наталье Николаевне 8 июня 1834 года: "Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутлом ниже (даже. — Ж. Т.) у господ бога"¹.

Оскорбленное чувство собственного достоинства руководило поэтом, когда он 25 июня обратился к Бенкендорфу с подчеркнуто сухим письмом на французском языке: "Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу и покорнейше прошу ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение. В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать Его Величество, не было взято обратно"².

Но вскоре, под сильнейшим давлением Жуковского, считавшего, что отставка повлечет и такую меру со стороны царя, как запрет на вход в архивы, Александр Сергеевич вынужден был просить Бенкендорфа не давать хода своему прошению...

Между тем, благодаря Михаилу Лукьяновичу Яковлеву, лицейскому другу поэта, в подведомственной ему типографии набор "Истории Пугачева" шел полным ходом, и уже к середине августа автор смог завершить чтение корректур, а ко дню именин Натальи Николаевны примчаться в Полотняный завод. Побыв около двух недель с семьей, Пушкин едет назад в Петербург. Во время его короткой остановки в Москве произошла

¹ Пушкин А. С. ПСС, т. X, с. 381.

² Там же, с. 674.

неожиданная и радостная встреча с Александром Михайловичем Языковым, прибывшим из Симбирска за покупками в связи с предстоящей женитьбой на землячке Наталье Александровне Наумовой. Тезка усиленно приглашал Пушкина быть у него на свадьбе, но тот очень спешил в Болдино, где накопилось немало хозяйственных дел, и в свою очередь приглашал Языкова заглянуть к нему в деревню, к тому времени и выяснится, сможет ли сам приехать в Симбирск.

Как видно из письма к жене от 20 сентября, поэт с нетерпением ожидал Александра Языкова в Болдине, и тот 26 числа заехал к нему. Свидание продолжалось недолго, но Пушкину очень хотелось познакомить гостя со своими новинками, и, по словам последнего, он ему показал "Историю Пугачева" (она недурна, кажется), несколько сказок в стихах, вроде Ершова, и "Историю рода Пушкиных". Просматривая корректуру "Истории Пугачева", Александр Михайлович сразу же с удовлетворением подметил, что "почти вся 2-я часть" будущей книги состоит из представленных ими, Языковыми, материалов.¹

Пока гость был занят чтением, хозяин, стоя у конторки, сочинял письмо Николаю Языкову. Вот оно: "Я был обрадован в моем уединении приездом Александра Михайловича, который, к сожалению, пробыл у меня несколько часов. Блазнит он меня предложением ехать с ним в село Языково, быть свидетелем его свадьбы, обещаясь употребить меня с пользою — но мне невозможно — жена и дети...

Разговаривая о различных предметах, мы решили, что весьма не худо было бы мне приняться за альманах или паче за журнал, я и не прочь, но для того должен я быть уверен в Вашем содействии. Как думаете, сударь?

¹ Исторический вестник, 1883, № 12, с. 539.

Сами видите: шелкоперы нас одолевают. Пора, ей-ей пора дать им порядочный отпор. На днях отправляюсь в Петербург. Если Вам будет досуг написать мне две строчки, адресуйте их на Дворцовую набережную, в дом Баташева — у Прачечного моста. Александр Михайлович изволит спешить — и я кончаю письмо мое, поручая себя Вашей благосклонности.

26 сент.

Ваш богомолец

С. Болдино.

А. Пушкин.

Искреннее мое почтение и мой поклон Петру Александровичу".¹ В конце письма, конечно же, — описка. Беседуя с Александром Языковым, имя которого "вертелось на языке", Пушкин вместо "Михайловичу" в спешке ошибочно начертал "Александровичу".

Это послание выражало самые дружеские чувства ко всем братьям Языковым, и, если бы не неотложные семейные дела и необходимость присутствия в Петербурге, где вот-вот должно было закончиться изготовление трехтысячного тиража "Истории Пугачева", Александр Сергеевич вряд ли устоял бы от соблазна снова побывать на симбирской земле.

Примечательна и деловая часть письма, являющаяся своего рода продолжением разговоров с Николаем Михайловичем о необходимости создания своего альманаха или журнала, которые происходили в 1831—1832 годах в Москве, а потом и в Языкове. Ведь успех нового печатного органа, способного дать отпор булгариным и иным "шелкоперам" (реакционным журналистам, не гнушавшимся строчить доносы на неугодных им литераторов в "3-е отделение"), Пушкин связывал с непременным участием Николая Михайловича. В этом находит подтверждение, высказанное Александром Сергеевичем ровно десять лет назад в стихотворном посла-

¹ Пушкин А. С. ПСС, т. X, с. 401.

нии "К Языкову" клятвенное заверение в своей искренней близости к нему — "родне по вдохновенью".

Обстановка требовала скорейшего возвращения в Петербург, и, пробыв на сей раз в Болдине всего лишь около месяца, Александр Сергеевич возвращается домой. Пристально наблюдая за печатанием тиража "Истории Пугачева", он составляет сборник избранных (уже публиковавшихся ранее) стихотворений, который готов был издать книгопродавец А. Ф. Смирдин. Но поскольку и такой сборник должен был получить добро в ведомстве Бенкендорфа, Пушкин дождался дня, когда тираж "Истории" был полностью отпечатан. И 23 ноября 1834 года он обращается к Бенкендорфу с письмом, в котором сообщает, что был бы счастлив "представить первый экземпляр книги государю императору, присокупив к ней некоторые замечания", которых не решился напечатать, но которые "могут быть любопытны для Его Величества". Заодно поэт напомнил шефу жандармов о сборнике избранных своих стихотворений, представленных "по предписанному порядку" в его ведомство.¹ А 17 декабря Пушкин вынужден был вновь обратиться к Бенкендорфу: "Граф, я в отчаянии от необходимости вновь докучать вашему сиятельству, но г. Сперанский только что сообщил мне, что так как история Пугачевского бунта отпечатана в его отделении по повелению его величества государя императора, то ему невозможно выдать издание (без высочайшего на то соизволения). Умоляю ваше сиятельство извинить меня и устранить это затруднение".²

В самом конце года "История Пугачевского бунта" вышла в свет. Однако автор не считал законченным свой главный исторический труд и, высылая Бенкендорфу

¹ Пушкин А. С. ПСС, т. X, с. 403.

² Там же, с. 677.

обещанные "замечания", предназначенные для Николая I, попросил о "высочайшем дозволении прочесть пугачевское дело, находящееся в архиве": "В свободное время я мог бы из оногo составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мере для полноты моего труда, без того не совершенного, и для **успокоения исторической моей совести**"¹. Да, далеко не каждый честный профессор-историк обладал такой высочайшей пробы "исторической совестью", чтобы готов был тратить свободное время для архивных выписок без надежды на их публикацию, а только для полноты уже напечатанного произведения.

ПРЕДАННОСТЬ СЕРДЦЕМ И ПАМЯТЬЮ

Еще до сдачи рукописи книги "История Пугачева" в типографию Александр Сергеевич отправил в Париж копию портрета Емельяна Ивановича, написанного с натуры в Симбирске. Однако тираж гравюры с этого портрета, изготовленной французским мастером, поступил из Парижа к Пушкину лишь в конце марта 1835 года. Этим объясняется задержка с рассылкой авторских экземпляров книги уважаемым знакомым.

И. И. Дмитриев, получив этот "новый плод" творчества Александра Сергеевича 10 апреля, сердечно поблагодарил его за "приятный гостинец", но не скрыл при этом, что в Москве его сочинение вызвало раз-

¹ Пушкин А. С. ПСС, т. X, с. 407. Выделено мной. — Ж. Т.

личные толки. Одни дивились тому, как посмел Пушкин "напоминать о том, что некогда велено было предать забвению", а другие — "большая часть лживых романтиков" — желали, чтоб "История" и "в расположении, и в слоге изуродована была всеми припасами смиридинской школы и чтобы была гораздо погрузнее. Но, полно, — заключил Дмитриев, — ныне настает время не желчи, а ликования"¹.

В ответном письме от 26 апреля Пушкин тепло поблагодарил маститого литератора "за ласковое слово", за одобрение своего "исторического отрывка" и счел нужным добавить, что его "побранивают, и поделом", ибо писал для себя, "не думая, чтоб мог напечатать, и старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных". "Читатели, — продолжал он, — любят анекдоты, черты местности и пр.; а я все это отбросил в примечания"². В дневнике же Александр Сергеевич с горечью констатировал: "В публике очень бранят моего "Пугачева", а что хуже... Уваров (министр народного просвещения. — Ж. Т.) большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении"³.

Неудивительно, что автор анонимной рецензии (впоследствии Пушкин узнает, что это был военный историк-дилетант В. Б. Броневский), появившейся в январском номере за 1835 год булгаринского "Сына Отечества", изрек, что "История Пугачевского бунта" написана "вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистью Байрона", и будущий русский историк исправит пушкинские "поэтические вымыслы, незначащие недосмотры" и даст сему "мертвому материалу жизнь новую и блистательную".

¹ Переписка А. С. Пушкина в 2-х томах. Т. 2. М., 1982, с. 303.

² Там же, с. 304.

³ Там же, с. 305.

Забегая вперед, отмечу, что Александр Сергеевич в июльской книжке "Современника" за 1836 год сделает обстоятельный разбор этой рецензии. Признав, что автор-историк справедливо указал "на одну ошибку и на три опечатки" в "Истории Пугачевского бунта", Пушкин отметит, что в целом он оказался "малосведущим в этом предмете".¹ Что касается своей двухлетней работы над 168 страницами этой "Истории", Пушкин имел все основания заявить о добросовестности, с какой он шел, по существу, пионером в разработке избранной темы: "Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов in folio (фолиантов. — Ж. Т.) разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою"².

На реплику генерала — будто бы "История Пугачевского бунта" не открыла ничего нового — Пушкин ограничился ответом, что "вся эта эпоха была худо известна", а в "Приложениях", составляющих 2 часть, впервые обнародованы такие исторические документы, как указы и письма Екатерины II, летопись Рычкова, а также письма Панина, Румянцева, Бибикова, Державина и других видных деятелей.

К сожалению, даже Александр Михайлович Языков, который после первого чтения "Истории Пугачева", 26 сентября 1834 года в Болдине, подчеркнул в письме в Петербург к В. Д. Комовскому, что она "недурна кажется", а при втором чтении, после выхода в свет пушкинской книги, в письме от 15 января 1835 года к тому же Ко-

¹ Пушкин А. С. ПСС, т. VIII, с. 263.

² Там же, с. 275.

мовскому отозвался уже неодобрительно: "Она написана весьма небрежно и поверхностно; заметно, что у него было слишком мало материалов и что он историк не дальний". А через два месяца строгий критик из Языкова добавил: "Пугачев Пушкина, кажется, написан для того, чтобы скорее продать заглавие"¹.

Невозможно однозначно объяснить причину появления столь едких высказываний Александра Михайловича, но не последнюю роль сыграл именно Комовский (служивший в канцелярии министра народного просвещения С. С. Уварова), а также присущий переписке между приятелями сатирический настрой при оценке явлений литературной жизни обеих столиц. Относительно упрека А. М. Языкова (обладателя богатого имения) в адрес поэта-историка за стремление поскорее издать "Пугачева" следует заметить, что он выглядел уже устарелым. Пушкин даже гордился тем, что содержал семью за счет своих литературных гонораров. Кстати, 14 февраля того же года Александр Сергеевич в письме к И. И. Дмитриеву в связи с подобными упреками в свой адрес заявил: "Что касается до выгод денежных, то позвольте заметить, что Карамзин первый у нас показал пример больших оборотов в торговле литературной"².

Естественно, что критические высказывания Александра Языкова относительно конкретного исторического труда Пушкина, попавшие в сугубо личные письма к приятелю Комовскому, отнюдь не свидетельствуют о похолодании дружеских отношений между Николаем Языковым и его "родней по вдохновенью". Они оба (после неудачной попытки Александра Сергеевича издавать "Современный летописец") публикуют в 1835 году свои творения в журнале "Московский наблюдатель",

¹ Исторический вестник, 1883, № 12, с. 539.

² Переписка А. С. Пушкина. Т. 2, с. 300.

а в следующем году Языков, тесно сблизившийся с Денисом Давыдовым во время лечения своих обострившихся недугов у пензенского гомеопата А. Петерсона, твердо поддержал усилия первого поэта страны издавать свой журнал "Современник". "Я был у Языкова, — с удовлетворением сообщал Пушкину Давыдов 6 апреля 1836 года, — он готов и поступает под знамена твои... Считай на меня — я под твоим начальством лихо служить буду"¹.

Искренне желая успеха "Современнику", который должен был стать главной трибуной в полемике с дельцами "промышленной журналистики", Николай Языков вместе с тем в письме к Алексею Вульфу по-дружески высказывал беспокойство по поводу возможностей Пушкина издавать и редактировать журнал: "Как-то он сладит с трудом, требующим постоянного сидения за мелочами?"²

Александр Сергеевич получал от Д. Давыдова и А. Вульфа весточки о борьбе Николая Языкова со своими недугами и искренне радовался его поэтическим новинкам, особенно великолепному посланию "Денису Васильевичу Давыдову", которое, по свидетельству Н. В. Гоголя, вызвало "слезы на лице Пушкина"... К этому памятного 1835 году относится афористичное высказывание Александра Сергеевича: "Я полагаюсь на Николая Языкова, как на скалу"³.

Особо доверительное отношение Пушкина к поэту-симбирянину ярко проявилось 14 апреля 1836 года, когда Александр Сергеевич, только что похоронив свою мать, Надежду Осиповну, в Святогорском монастыре, накануне отъезда из Михайловского в Петербург

¹ Переписка А. С. Пушкина, Т. 2, с. 473.

² Русская старина, 1903, № 3, с. 488.

³ Разговоры Пушкина. М., 1991, с. 87.

обращается с письмами к М. П. Погодину и Н. М. Языкову. Первое из них — короткое, сугубо деловое, связанное с выходом в свет первой книжки "Современника". И только одна фраза, объясняющая "печальное обстоятельство-во", вследствие которого он оказался в Михайловском, имела личностный характер.

Второе же письмо, как это подчеркивал в свое время П. В. Анненков, "особенно любопытно"¹. Можно сказать, что оно является как бы ключевым для понимания характера отношений между Александром Сергеевичем и поэтом-волжанином. Вот его текст:

"Отгадайте, откуда пишу к Вам, мой любезный Николай Михайлович? из той стороны

— где вольные живали etc²,

где ровно тому десять лет пировали мы втроем — Вы, Вульф и я; где звучали Ваши стихи, и бокалы с Емкой (жженкой из рома и вина. — Ж. Т.), где теперь вспоминаем мы Вас — и старину. Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны, некогда полувоздушной девы, ныне дебелией жены, в пятый раз уже брюхатой, и у которой я в гостях. Поклон Вам ото всего и ото всех Вам преданных сердцем и памятью!

Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый агроном, тверской Ловлас — по-прежнему милый, но уже перешагнувший за тридцатый год. Пребывание мое во Пскове не так шумно и весело ныне, как во время моего заточения, во дни, как царствовал Александр; но оно так живо мне Вас напомнило, что я не мог не написать Вам несколько слов в ожидании, что и Вы откликнетесь. Вы получите мой "Современник"; же-

¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина, с. 369.

² Пушкин цитирует поэму Языкова "Тригорское".

лаю, чтоб он заслужил Ваше одобрение. Из статей критических моя одна: о Кониском. Будьте моим сотрудником непременно. Ваши стихи: вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили "Современника". Опрысните его Вашими кипучими каплями. Послание к Давыдову — прелесть! Наш боец чернокудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после Ваших стихов опять его вымыл — и прав. Это знак благоговения к поэзии. Прощайте — пишите мне, да кстати уж напишите и к Вяземскому ответ на его послание, напечатанное в "Новоселье" (помнится) и о котором Вы и слова ему не молвили. Будьте здоровы и пишите. То есть: **Живи и жить давай другим**¹.

14 апр.

Весь Ваш А. П.

Пришлите мне, ради бога, **стих об Алексее божием человеке** и еще какую-нибудь легенду. **Нужно**"².

Как и прежде, в этом письме дается чрезвычайно высокая оценка языковским стихам, начиная с тех, что звучали на холмах Михайловского и под сенями Тригорского незабываемым летом 1826 года, и кончая прелестным посланием к Денису Давыдову 1835 года. Поражает и глубина проявления чисто человеческих чувств Пушкина к Языкову. В эти печальные для него дни (будто предчувствуя близость собственной кончины, Александр Сергеевич после погребения тела своей матушки назначил себе место подле дорогой могилы и сделал тут же взнос в казну Святогорского монастыря), когда собственная душа была преисполнена болью и воспоминаниями, жаждала тепла и дружеского участия, Пушкин обратился с письмом-исповедью не к кому-нибудь из своих ближайших друзей, а именно к Языкову. Это ли

¹ Цитата из стихотворения Г. Р. Державина "На рождение царицы Гремиславы..."

² Пушкин А. С. ПСС, т. 10, с. 446—447.

не яркое свидетельство того, что нерушимые духовные нити связывали первого поэта России с далеким сибирским собратом, которому он навсегда остался "преданным сердцем и памятью". И только бережным отношением к здоровью Николая Михайловича можно объяснить умолчание Пушкиным о своем великом горе.

Письмо со Псковщины в Языково пришло накануне дня именин Николая Михайловича (9 мая) и явилось драгоценным подарком. Из писем своей младшей сестры Екатерины, только что помолвленной в Москве с поэтом А. С. Хомяковым, Языкову стало известно, что в эти майские дни она встречала в первопрестольной у Д. Н. Свербеева Пушкина, который ей "ужасно понравился" и "решительно" очаровал ее. "Жаль, — сообщала она 19 мая, — что он дня через три едет, но, впрочем, он обещает возвратиться к моей свадьбе и будет очень мил, если сдержит слово. Он любит вас и батюшку (так называла она старшего брата Петра. — Ж. Т.) ужасно; весь вечер почти говорил об вас и непременно обещал напоить вас пьяным на свадьбе"¹.

Все эти добрые вести ободряюще действовали на Николая Михайловича, и он всерьез подумывает о поездке в Москву и активном участии на стороне пушкинского "Современника" в полемике с сенковскими и булгариными. "Сердечно радуюсь, — писал он М. Погодину, — что в нашей литературе разгорается война — война кровавая, как пишет ко мне брат (Александр. — Ж. Т.). Это оживит нашу братию и покончит гибельный застой многих знаменитостей пера:

То мир, какой-то странный был,
Без неба, света и светил!"²

¹ Искусство. М., 1928, кн. 1—2, с. 158.

² Языков Н. М. Сочинения. Л., 1982, с. 358.

Николай Михайлович был очень тронут сердечным письмом Пушкина и без промедления откликнулся ответным. "Спасибо Вам, что Вы обо мне вспомнили в Тригорском... тогда я был легок!.. — с грустью и благодарностью писал он. — Ваш "Современник" цветет и красуется: жаль только, что выходит редко; лучше бы книжки поменьше, да чаще. Я пришлю Вам стихов. — Что делать мне с "Жар-птицей"? Я вижу, что этот род не может иметь у нас полного развития; я хотел только попробовать себя: теперь примусь за большее.

Я собираюсь в Белокаменную, на свадьбу сестры, — повезу туда и всю "Птицу". — Мне пишут, что Вы опять будете в Москве — дай бог мне с Вами съехаться. "Наблюдатель" выходит все плоше и плоше — жаль мне, что я увязал в него стихи мои: его никто не читает. Ответ на послание князя Вяземского будет скоро — виноват я, грешный, перед ним, но ведь я был немощен и хил — поправлюсь и исправлюсь.

Июня 1 дня, 1836.

Ваш Н. Языков.

Легенду об Алексее божием человеке я послал к брату для передачи Вам: это не то, ее должно взять у Петра Киреевского, сличенную со многими списками, и потом уже..."¹

Каждая строка этого письма, хотя и написана серьезно больным человеком, дышит теплом и глубоким уважением к Александру Сергеевичу, искренним желанием, чтобы его "Современник" и далее процветал, стремлением сотрудничать с Пушкиным и страстной надеждой увидеться с ним в Москве.

Языковский совет относительно стихов об "Алексее божием человеке" Александр Сергеевич, видимо, использует в своем "Путешествии из Москвы в Петербург" (в главе "Слепой"), где упоминает об этих стихах и, ссы-

¹ Переписка А. С. Пушкина. Т. 2, с. 201.

лаясь на Радищева, пишет: "Лучше было бы, если Радищев, кстати о старом и всем известном "Стихе", поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько..."¹

А свидание поэтов в Москве, увы, так и не состоялось: рождение дочери Натальи и редакторские дела по изданию "Современника" вынудили Пушкина безвыездно находиться в Петербурге и отказаться даже от поездки на осень в Михайловское. Тем не менее и в такое хлопотное время Александр Сергеевич все-таки завершил работу над рукописью повести "Капитанская дочка". Материалы для этого лучшего произведения в прозе, которое В. Г. Белинский называл даже "чудом совершенства", Пушкин, как мы знаем, собирал во время длительной поездки в 1833 году по различным городам и весям Поволжья и Южного Урала.

Как и следовало ожидать, девятидневное пребывание поэта в Симбирском крае не могло не отразиться и на содержании "Капитанской дочки". Достаточно сказать, что Петр Гринев — главное действующее лицо повести и якобы автор записок, обнародованных "издателем", то есть Пушкиным, был помещиком **Симбирского** края. Публикуя в "Современнике" повесть "Капитанская дочка", Александр Сергеевич сказал и о том, что потомки Петра Гринева, мол, и ныне "благоденствуют в Симбирской губернии", а один из внуков, узнав, что он, Пушкин, занят трудом, относящимся ко временам, "описанным его дедом", и доставил ему записки деда.

У Николая Михайловича же, вопреки его надеждам, состояние здоровья вновь ухудшилось. И. В. Киреевский полагал, что он недостаточно серьезно относится к ле-

¹ Пушкин А. С. ПСС, т. 16, с. 360.

чению, и в письме от 4 июня 1836 года дружески укорял его: "...в болезни твоей виноват сам ты, или, лучше сказать, твое пристрастие к гомеопатии. Подумай сам: если она истинна, то отчего в два года не мог ею вылечиться? И охота тебе пробовать на своем теле какую бы то ни было систему, тогда как нет сомнения, что месяц лечения у хорошего медика мог бы тебя привести в прежнее здоровое положение..."¹

Увы, болезнь оказалась неизлечимой, и только благодаря мужеству Николая Михайловича даже близкие друзья не ведали, как быстро тает его некогда богатырское здоровье. Можно только поражаться упорству, с каким он продолжал работать над драматической сказкой "Жар-птица", отрывок из которой он обещал Пушкину для журнала. Где-то в июле во втором томе "Современника" появились первые семь сцен под заглавием "Драматическая сказка об Иване Царевиче, Жар-птице и Сером волке". Еще три сцены "Жар-птицы" выйдут в пятом томе, но уже... после гибели издателя "Современника".

"НАШ СЛАВНЫЙ ПУШКИН УБИТ..."

Не прошло и двух недель с того дня, как тяжело больной Николай Михайлович Языков, прибывший в Симбирск из Москвы в сопровождении брата Александра и его жены Натальи Александровны, обосновался в отчем доме на Спасской, и грянула весть о трагической гибели Александра Сергеевича Пушкина. Од-

¹ Полн. собр. соч. И. В. Киреевского, 1861, с. 87.

ним из первых некоторые подробности об этой невосполнимой для России потере сообщил Языковым поэт-партизан Денис Давыдов.

"Знаете ли нашу общую горесть? — писал он 3 февраля 1837 года из Москвы. — Пушкин, наш славный Пушкин убит на дуэли! Он приревновал жену свою — и, как все уверяют, напрасно, она даже не кокетствовала, а какой-то Дантес, кавалергардский офицер (и побочный сын голландского короля) давно искал уже всеми средствами компрометировать ее в обществе. Пушкин закипел, как Отелло, вызвал Дантеса на дуэль, — ранил его сильно, но сам пал. Пуля вошла в брюхо и остановилась в кишках; он умер через три часа по получении раны (в действительности Пушкин жил около двух суток. — Ж. Т.). Я так расстроен этим известием, — заключил свое сообщение Денис Васильевич, — что нет сил писать Вам более... Вчера были у нас Хомяков с Екатериной Михайловной"¹.

Поэт-философ Алексей Степанович Хомяков и его супруга Екатерина Михайловна (урожденная Языкова) долго не решались сами сообщить о гибели Пушкина непосредственно Николаю Михайловичу. В письме же к сестре Прасковье Е. М. Хомякова, выражая свою скорбь, рассказывала, что ее муж Алексей Степанович, узнав о случившейся в Петербурге трагедии, даже занемог. "Кто не любит Пушкина? — вопрошала она в письме от 6 февраля. — Он умер 29 января, на другой день после дуэли. Целый день, до самой его смерти, все толпился народ у его дома, улица была полна экипажей, все приехали узнавать о его здоровье... Боюсь, что Весселя (прозвище Н. М. Языкова. — Ж. Т.) это известие встревожит слишком сильно... Пусть напишет на его смерть

¹ Русская старина, 1884, № 7, с. 148.

такие же грустные стихи, как на смерть Дельвига... Грустно смотреть на "Современник". Его уже не будет, как нет Пушкина"¹.

Николай Михайлович очень тяжело переживал эту потерю. Перед его затуманенным взором бесконечно оживали незабываемые картины прекрасных мгновений общения с великим Пушкиным в Тригорском и Михайловском, Москве и Языкове... Но он нашел в эти скорбные дни в себе силы и волю извещать о случившемся близких и знакомых, запрашивать новые подробности от столичных друзей о подоплеке рокового поединка, последних днях жизни Александра Сергеевича, похоронах и откликах на случившееся в обеих столицах.

Так, в письме от 18 февраля он пишет сестре Прасковье в сызранскую Репьевку: "И здесь наделала много шуму смерть Пушкина, столь жалко погибшего от руки немчуры. Собираются, и еще собираются служить по нем панихиду и сделать поминки. Петр Александрович (Бестужев, муж Прасковьи. — Ж. Т.) привезет тебе подробное описание этой ужасной истории, сочиненное на месте А. И. Тургеневым. И горько, и досадно, и жаль!"²

Симбирянин Александр Иванович Тургенев, которому довелось на правах старого и близкого друга почти двое суток находиться у постели смертельно раненого Александра Сергеевича, а затем, по распоряжению Николая I, сопровождать прах поэта в Святогорский монастырь на Псковщине, конечно же, был самым авторитетным источником сведений о разыгравшейся трагедии. Копии писем Александр Тургенев послал приятелю — московскому почт-директору А. Я. Булгакову, а тот распространял среди родных и близких знакомых. Одновременно, благодаря Тургеневу, копии писем шли

¹ Искусство. 1928. Кн. 1—2, с. 162.

² Исторический вестник, 1883, № 12, с. 540.

в Симбирск родственникам — ветерану Отечественной войны 1812 года И. С. Аржевитинову и молодому чиновнику А. Н. Татаринову.

Последний был приятелем Н. М. Языкова по Дерптскому университету. В хороших отношениях Языковы находились и с И. С. Аржевитиновым. От этих знакомых они и получали копии писем А. И. Тургенева, письма Пушкина, посланного старику Геккерну накануне дуэли с его приемным сыном (носившим ранее фамилию Дантес), экземпляр литературных прибавлений к газете "Русский инвалид" с некрологом, написанным литератором В. Ф. Одоевским и начинающимся словами: "Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, в цвете лет, в середине своего великого поприща!" По распоряжению А. И. Тургенева в Симбирск были высланы копии писем покойного поэта в Москву и письма князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову.

Важным поставщиком информации для Языковых являлся их преданный знакомый В. Д. Комовский, имевший широкие связи как в литературных, так и в придворных кругах. По просьбе Александра Михайловича он прислал в марте несколько скопированных материалов, считая, что они "важны в деле". Это еще одно письмо П. А. Вяземского, журналы врачей В. И. Даля и И. Т. Спасского о последних днях жизни Пушкина вместе с последним письмом поэта к Геккерну.

Выражая общий для братьев интерес к тому, что именно из неопубликованного оказалось в наследстве Пушкина, Александр Михайлович спрашивал у В. Д. Комовского: "Много ли нового нашли в его бумагах? Тургенев пишет о каком-то "Медном рыцаре", который-де лучше всего прежнего, о переводе "Дон Жуана" и проч. Нащокин говорил о поэме "Русалка". Правда ли? Вам должно быть все известно. Странно, что в объявле-

нии (в "Современнике". — Ж. Т.) об издании его сочинений не сказано, осталось ли что ненапечатанное или нет"¹.

Благодаря А. И. Тургеневу уже в феврале поступило в Симбирск нашумевшее в Петербурге стихотворение "Смерть поэта" М. Ю. Лермонтова, стоившее талантливому поэту-поручику ареста, а затем и высылки на Кавказ. Языковы, кроме этих стихов, имели еще стихи близкого к А. И. Тургеневу поэта Б. М. Федорова и в письме к Комовскому выразили желание пополнить и всеми другими откликами свое собрание². Тот сделал все, что мог, и уже 13 апреля Александр Михайлович, выражая мнение родных, с удовлетворением заявил Комовскому, приславшему новые данные о дуэли и гибели великого поэта: "Вы совершенно дополнили наши сведения о смерти Пушкина. Теперь мы имеем все, что иметь можно, все подробности и наблюдения. Есть ли у вас письма А. И. Тургенева? Я могу вам прислать с них список"³.

Это языковское собрание всего о случившейся в Петербурге трагедии, "что иметь можно", достойно пополнял список письма Дениса Давыдова от 6 марта князю П. А. Вяземскому, в котором говорилось: "Пройдя сквозь весь пыл наполеоновских и других войн, многим подобного рода смертям я был и виновником и свидетелем, но ни одна не потрясла душу мою, подобно смерти Пушкина. Грустно, что рано, но если уже умирать, то умирать так должно, а не так, как умрут те из знакомых нам с тобою литераторов, которые теперь втихомолку служат молебны и благодарят судьбу за счастливейшее для них происшествие. Как Пушкин-то и гением, и чувствами, и жизнью, и смертью парит над нами!"⁴

¹ Исторический вестник, 1883, № 12, с. 541.

² Литературное наследство, т. 58, с. 486.

³ Исторический вестник, 1883, № 12, с. 541.

⁴ Старина и новизна, кн. 22, с. 68.

20 апреля в Симбирск поступили "Сенатские ведомости" от 10 числа с решением военного суда над поручиком Егором де Геккерном (Дантесом). Он был признан виновным в противозаконном вызове камер-юнкера Александра Пушкина "на дуэль и нанесении ему на оной смертельной раны, к чему было поводом то, что Пушкин, раздраженный поступками Геккерна, клонившимися к нарушению семейственного спокойствия и дерзким обращением с женой его, написал отцу его... барону Геккерну письмо с оскорбительными для чести их обоих выражениями". Решением суда поручик лишился чинов, российского дворянства, и после утверждения приговора царем был выслан за границу империи.

Располагая разнообразными материалами, Языковы полагали, что одним из важных выводов из истории гибели Пушкина является "громкое изъявление привязанности к нему публики. Это совершенно небывалое явление, — заявил Александр Михайлович в письме к Комовскому. — Теперь ясно, что и у нас литературный талант есть власть"¹.

Что касается конкретных причин, то Языковым ближе всего была точка зрения их шурина А. С. Хомякова, высказанная им в письме к Николаю Михайловичу: "Причины к дуэли порядочной не было, и вызов Пушкина показывает, что его бедное сердце давно измучилось и что ему хотелось рискнуть жизнью, чтобы разом от нее отделаться или ее возобновить. Его Петербург замучил всякими мерзостями; сам же он себя чувствовал униженным и не имел ни довольно силы духа, чтобы вырваться из унижения, ни довольно подлости, чтобы с ним помириться. Жена вероятно причина дуэли; впрочем вела себя всегда хорошо"².

¹ Исторический вестник, 1883, № 12, с. 541.

² Последний год жизни Пушкина. М., 1990, с. 632.

Александр Михайлович в письме к Комовскому высказался еще лаконичнее и категоричнее: "Мне кажется, что эту историю всех лучше объясняют слова Пушкина, приведенные Далем: "Мне здесь не житье". Геккерн и все прочее только придирки, только удобный случай отделаться от жизни... Из Москвы пишут, будто Мицкевич вызвал на дуэль Дантеса".¹ (Вскоре станет известно, что этот слух не подтвердился.)

Николай Михайлович считал, что Александру Сергеевичу давно надо было бы удалиться из шумного Петербурга, от суеты и интриг высшего света, в Михайловское или Болдино, чтобы целиком отдаться во власть таланта и вдохновения. Размышляя же над мотивами, вынудившими собрата-поэта искать смерти, он не был удовлетворен ни одной из версий. И чем глубже вникал в подробности дела, тем больше появлялось новых недоуменных вопросов. Мучаясь сомнениями, он возобновил переписку с Алексеем Вульфом. 12 июля 1837 года он писал из Языкова на Псковщину этому давнему другу: "Где ты находишься? Там, где мы некогда гуляли вместе с нашим **бессмертным Пушкиным**? Горько и досадно, что он погиб так безвременно и от руки какого-то прищлеца! История причин дуэли его чрезвычайно темна и, вероятно, останется таковою на веки веков. И как мало отделанного нашлось в его бумагах. Его губил и погубил большой свет — в котором не житье поэтам! Поклонись за меня его праху, когда будешь в Святогорском монастыре"².

Ответа Вульфа мы не знаем, но, судя по следующему письму Языкова, датированному 22 октября, видно, что тот внес сумятицу: "Ты смотришь на причины дуэли

¹ Исторический вестник, 1883, № 12, с. 541.

² Русская старина, 1903, № 3, с. 489. (Выделено мной. — Ж. Т.).

Пушкина не так, как их нам показывают. В распространении слухов об этой кровавой трагедии вмешалось так много относительного и духа партий, что нашему брату, удаленному от большого света и неопытному в распутывании столичных сплетней — вовсе ничего разобрать нельзя. От тебя надеюсь узнать правду и истину... Нет ли у тебя стихов из "Медного всадника", которые не напечатаны?"¹

Вскоре после отправления этого письма поэт сильно простудился и, выражаясь его словами, пролежал "на одре болезни" до мая 1838 года. Когда стало чуть легче, его перевезли из Языкова в Москву, а оттуда, в сопровождении Петра Киреевского, на целебные воды в Германию. Вместо предполагавшихся нескольких месяцев пребывания за границей затянулось для Николая Михайловича на пять долгих и мучительных лет... В библиотечке, которую Языков возил с собой, были и пушкинские сочинения. Неизвестное для себя он нашел в книжках "Современника" за 1838 год. Отзыв поэта был суров: "Стихи в нем почти все (именно все, кроме Пушкина и Ростопчиной) дрянь и прах!"²

Размышляя в 1844 году о горестной судьбе талантов в России (ведь за Пушкиным ушли из жизни в расцвете творческих сил Д. Давыдов, М. Лермонтов, Е. Баратынский), Николай Михайлович в письме к брату Александру заметил: "Все они губятся как-то не в свое время, до времени и бог знает как!" И с каким возмущением он реагировал на рассказ своего друга-художника А. Д. Хрипкова, года три назад ездившего поклониться могиле Пушкина в Святогорский монастырь: никто там не смог

¹ Русская старина, 1903, № 3, с. 490.

² Языков Н. М. Сочинения. Л., 1982, с. 364.

даже "сказать наверное, где она". Сообщая об этом чудовищном забвении родным в Симбирск, он саркастически заметил: "Каково?"¹

Вскоре после возвращения Языкова из-за границы в Москву, одним из первых нанес ему визит старый добрый знакомый, друг Пушкина, Павел Воинович Нащокин. У него Николай Михайлович бывал вместе с Александром Сергеевичем еще в начале 1830-х годов, когда они все трое были холостяками. Трудно сказать, что именно Павел Воинович рассказывал Языкову в доверительной обстановке о последних годах жизни Пушкина и о встречах с его вдовой. Но один сюжет из их бесед можно назвать определенно: о личных вещах Александра Сергеевича, которые Наталья Николаевна и В. А. Жуковский подарили на память Нащокину. Среди них были красный в зеленую клетку архалук (короткий кафтан), который великий поэт надел в день роковой дуэли, его серебряные часы и бумажник². Кроме того, у Павла Воиновича хранилось несколько книг Пушкина и посмертная маска поэта, снятая академиком Самуилом Гальбергом (творцом памятника Н. М. Карамзину в Симбирске).

Академик М. П. Погодин заинтересовался этими реликвиями и попросил передать их ему на хранение. Однако Нащокин предпочел сделать это лишь через Языкова, который 27 октября 1844 года и уведомил историка-академика: "Нащокин прислал ко мне ящик с вещами покойного Пушкина, прося меня переслать ящик к тебе, но тогда только, когда ты возвратишь ко мне его рукопись: "Записки Безнина!"³

¹ Языков Н. М. Свободомыслящая лира, с. 284.

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974, с. 442.

³ Языков Н. М. Свободомыслящая лира, с. 296.

Наладилась связь у Николая Михайловича и со своим приятелем по Дерптскому университету Алексеем Николаевичем Вульфом (ныне отставным штаб-ротмистром, помещиком Псковской губернии), который летом 1826 года привез его, по просьбе своих родных и Пушкина, в Тригорское. В одном из писем к Алексею Вульфу поэт подтвердил, что помнит "все, что во время оно было в незабвенном Тригорском", и попросил: "Засвидетельствуй мою искреннюю благодарность всем, помнящим меня в Тригорском, за несказанную их приязнь ко мне многогрешному. На днях посылаю тебе подобающее число экземпляров моих новых стихотворений"¹.

Один из этих томиков предназначался сестре Вульфа — Евпраксии Николаевне (ныне — баронессе Вревской). Та поблагодарила за подарок и, воспользовавшись удобным случаем, прислала в Москву свой девичий альбом, чтобы Языков, забывший вписать памятным летом обещанные ей стихи, теперь исправил оплошность. Непросто было поэту перенестись в благословенно счастливую пору их юности, но он честно исполнил свой долг и зимой 1845 года отправил Вульфам альбом со своим новым посланием по почте.

По каким-то обстоятельствам до Псковщины оно не дошло, и Николай Михайлович 22 апреля 1846 года с огорчением пишет Алексею Вульфу: "Жаль мне, что моя посылочка, может быть, пропадет без вести, особенно жаль потому, что альбом, в котором заключаются стихи Пушкина, есть драгоценность, и он должен быть сохранен как памятник того золотого времени, когда у русских девиц были альбомы. Теперь время другое — прозаическое, пошлое..."²

¹ Русская старина, 1903, № 3, с. 493.

² Там же, с. 495.

Как видим, Николай Михайлович прежде всего беспокоится о сохранности заветного альбома как хранилища пушкинских творений. К счастью, московский почтамт все-таки нашел где-то драгоценное отправление, и 17 мая Языков извещает Алексея Вульфа, что снова высылает альбом его сестры.

Стихотворное послание "К баронессе Е. Н. Вревской" — безусловно творческая удача Языкова. Лаколично, но сочными, яркими красками он воссоздал картину тех золотых "шести недель", когда вместе с поэтом-изгнанником гостил в Тригорском. С теплыми чувствами и искренней благодарностью припоминает Николай Михайлович радушное гостеприимство семьи Вульфов:

Когда прекрасно, достохвально
Вы угощали нас, двоих
Певцов, — и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...
Другой был я, его послушник,
Его избранник, и подручник,
И собутыльник молодой.
Как хорошо тогда мы жили!

.....
.....
С тех пор прошли уж многие лета,
И гонит вашего поэта
Бесчеловечная судьба...
Но вас я помню постоянно,
Но вы блещите бестуманно
В счастливой памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней...¹

¹ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы, с. 364, 365.

Отправляя Алексею Вульффу 17 мая 1846 года альбом с этим посланием к его сестре, Языков вновь вспомнил далекое-близкое, связанное с незабвенным Александром Пушкиным: "Да, мой любезнейший Алексей Николаевич! Ровно двадцать лет прошло уже с того времени, как мы отправлялись с Дерпта в Тригорское: много с тех пор воды утекло, много нет, многих нет! Мы постарели! Но честь и слава нам, что мы не изменили ни самим себе, ни друг другу!

Вези мои поклоны и почтения в Тригорское, всем и каждому, кто меня помнит, и всем местам, кои я помню о сию пору и никогда не забуду!"¹

Это клятвенное заверение останется нерушимым: поэт навсегда сохранит память о счастливых мгновениях, которые подарила ему судьба во время пребывания в Тригорском и Михайловском. Вместе с тем, чем дальше уходила в прошлое кровавая трагедия, унесшая в небытие величайшего поэта России, тем полнее и глубже становилось понимание Языковым его выдающейся роли в развитии отечественной словесности и культуры, а также непреходящей ценности его творческого наследия. Языковские выражения "бессмертный Пушкин" или "опальный пророк свободы", появившиеся в переписке с Вульфами, — не дань все возрастающей популярности старшего собрата по Парнасу, а глубоко осознанная и искренняя оценка его "послушника, избранника и подручника". Обозначенная им так самокритично дистанция между "самим Пушкиным" и собою — чистосердечный поступок, органично вошедший в завершающую страницу многолетних непростых, но истинно дружеских отношений между "жрецами единых муз".

В ходе дальнейшей переписки Языков с Вульфом договорились, что Алексей Николаевич зимой приедет в

¹ Русская старина, 1903, № 3, с. 496.

Москву и навестит Николая Михайловича. Можно не сомневаться, что эта встреча вдохновила бы поэта на создание новых стихов, воспевающих Пушкина, незабываемые им Михайловское и Тригорское и их обитателей.

Увы, этому уже не суждено было сбыться. Николай Михайлович в начале зимы сильно простудился. Моментально вспыхнувшая нервная горячка закончилась трагически: 26 декабря 1846 года надорванное многолетними страданиями сердце его остановилось... На 44-м году, до обидного рано, оборвалась жизнь и этого замечательного поэта.

В ВЕНЕЦ "ПОЭТА-ЧАРОДЕЯ"

(Писатели-симбиряне о Пушкине и его творениях)

В предыдущих главах приводились наиболее существенные сведения о том, как Николай Языков, Денис Давыдов, другие просвещенные симбиряне горестно переживали гибель "солнца русской поэзии", а также о жадных поисках симбирянами (главным образом через своего земляка А. И. Тургенева) документов и материалов о случившейся в Петербурге трагедии. Письма Н. М. Языкова к А. Н. Вульффу и послания к его сестре Е. Н. Вревской убедительно свидетельствуют, что Николай Михайлович до последних месяцев своей жизни высоко ценил "бессмертного Пушкина", "опального пророка свободы" и способствовал прославлению его имени и творческого наследия.

Весомую лепту в это благородное дело внесли и другие литераторы нашего края. Дмитрий Петрович Озно-

бишин свое преклонение перед Пушкиным и Лермонтовым, "светлой мысли исполинами", выразил в стихотворении "Две могилы", написанном в ноябре 1841 года, но увидевшем свет (из-за строгости цензуры) только в 1972-м. И какой болью за трудную судьбу Александра Сергеевича пронизаны такие строки:

Полн тревоги, чувств, сомнений,
Был один — властитель дум;
Он в порыве вдохновений
Дивной силой песнопений
Волновал невольно ум.
Лишь рукой ударил в струны —
Русь откликнулась им.
И во гроб сошел он юный,
Как певец непобедим.
Сколько славы схоронил он!
Сколько ждать он мог венков!
И Россию как любил он!
Как громил клеветников!¹

Это благоговейное чувство к Пушкину и его творениям Ознобишин сохранил на всю жизнь. Наглядным проявлением этого стало послание "Наталье Александровне Дубельт, урожденной Пушкиной", написанное Дмитрием Петровичем в Петербурге 25 февраля 1867 года, в котором он от души поведаль:

Гляжу с восхищеньем на дочь я Поэта,
Чьи песни в России так сладко звучат.²

Поистине бесценный вклад в пушкиниану внес наш земляк-литератор Павел Васильевич Анненков, издавший в 1854—1857 годах семитомное собрание сочинений Пушкина и положивший тем самым, по словам акаде-

¹ Ознобишин Д. П. Стихотворения. М., 1992, с. 190.

² Там же, с. 242.

мика Л. Н. Майкова, "прекрасное начало научному истолкованию художественной деятельности великого поэта. Фундаментальные анненковские "Материалы для биографии Пушкина", биографическое повествование "Пушкин в Александровскую эпоху" (1874 г.), а также статьи "Общественные идеалы А. С. Пушкина", "Любопытная тяжба" и "Объяснение к изданию сочинений Пушкина 1855 года" являются до сих пор настольными пособиями каждого ученого-пушкиниста. И мы, безусловно, гордимся, что многие из них создавались первым ученым-пушкинистом России в его родовом симбирском имении Чирикове (ныне Цильнинского района). Естественно, что произведения П. В. Анненкова пользовались особым успехом у читателей Карамзинской библиотеки, которую он иногда посещал во время своих приездов в Симбирск.

Нескрываемая земляческая гордость за пушкиноведческую деятельность П. В. Анненкова заметна в письме И. А. Гончарова от 27 декабря 1853 года с борта фрегата "Паллада", стоявшего на рейде у берегов Китая, к своим петербургским знакомым Е. А. и М. А. Языковым: "Павлу Васильевичу кланяйтесь, так он издает Пушкина! Как я рад, я, жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича. Он с детства был моим идолом, и только он один".¹

Через шесть лет в "Автобиографии", написанной для "Русского художественного листка", И. А. Гончаров (рассказывая о себе в третьем лице), коснувшись круга чтения во время учения в Московском университете, подчеркнул: "Живее и глубже всех поэтов поражен был Гончаров поэзией Пушкина в самую свежую и блистательную пору силы и развития великого поэта и в поклонении своем остался верен ему навсегда..."²

¹ Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. М., 1980, с. 216.

² Там же, с. 241.

Во второй "Автобиографии", написанной для "Сборника исторических и статистических материалов Симбирской губернии" 1868 года, Иван Александрович, говоря о своей студенческой поре, вновь выделил "живое непосредственное влияние на общество Карамзина и Пушкина, бывшего тогда в зените своей славы", которое испытали он и его товарищи¹. И на склоне своей жизни, когда его самого называли великим писателем, Иван Александрович по-прежнему считал Пушкина "могучим "пионером слова", "мировым светилом, "отцом русского искусства", создателем той школы, в которой он был учеником. А припоминая гибель Александра Сергеевича, Гончаров трогательно признался академику А. Ф. Кони: "Я плакал горько и неутешно, как плачут по получении известия о смерти любимой женщины... Нет, это неверно, — по смерти матери, да, матери"².

Как это ни парадоксально, но поэт-сатирик Дмитрий Дмитриевич Минаев, без устали бичевавший жрецов "чистой поэзии", подобно своему земляку И. А. Гончарову, без устали преклонялся перед поэтическим гением Пушкина. Более того, когда по почину критика Ксенофонта Полевого началась кампания по развенчиванию Пушкина, Минаев энергично высмеивал эти попытки и вел острую полемику с самим Дмитрием Писаревым. Зато с удовлетворением пропагандировал новые издания творений Пушкина и критические статьи Белинского о его творчестве. Вот характерный для Минаева отклик в январском номере столичного журнала "Светоч" за 1860 год: "Самая приятная и самая отрадная новость, которую мы слышали и которая должна порадовать большинство людей в России, есть та, что уже разрешено поставить памятник нашему дорогому поэту

¹ Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. М., 1980, с. 244.

² Русская старина, 1899, № 5, с. 265—266.

А. С. Пушкину. Памятник этот, говорят, будет поставлен в саду бывшего Александровского лицея в Царском Селе, где прошла юность и пропеты первые песни Александра Сергеевича".

Дмитрий Дмитриевич Минаев, можно сказать, досконально знал пушкинское наследие и мастерски использовал те или иные образы из его произведений. Широкую известность получила в 1865 году минаевская сатирическая поэма-пародия "Евгений Онегин нашего времени", в которой Дмитрий Дмитриевич язвительно и очень удачно отреагировал на критическую статью Дмитрия Писарева "Пушкин и Белинский". Н. А. Некрасов в своей рецензии на минаевскую поэму назвал ее "одной из самых остроумных его пародий". Для несведующих Дмитрий Дмитриевич в предисловии к отдельному изданию "Евгения Онегина нашего времени" пояснил, что он пародирует не пушкинского, а того "Онегина", которого сочиняли журнальные критики и навязывали ему свои псевдорадикальные идеи. "Они забывали, — подчеркивал Минаев, — что Пушкин жил в другую эпоху, и его герой, как дитя своего времени, не может быть героем времени Базаровых..."

Дмитрий Дмитриевич был убежден в тщетности попыток новейших критиков столкнуть "гордый пьедестал Пушкина":

И лавр не сдвинулся с чела,
И слава та же, что была.¹

Радость Минаева по поводу известия о скором сооружении памятника Пушкину оказалась преждевременной: всенародная подписка растянулась на долгие годы. Сдвиг произошел в 1870 году, когда общественность настояла, чтобы памятник Александру Сергеевичу был установлен не в Царском Селе, а в Москве, где

¹ Минаев Д. Д. Избранное. Л., 1986, с. 259.

родился поэт, но понадобилось еще десятилетие, пока 6 июня 1880 года состоялось торжественное открытие памятника Пушкину по модели А. М. Опекушина.

Чуть ли не вся насущная умственная "соль" русской земли — созвездие знаменитостей науки, литературы и искусства откликнулась на сооружение величественного и изящного памятника великому поэту. И среди них видное место заняли наши земляки.

Устроители Пушкинского праздника избрали председателем торжественного обеда И. А. Гончарова, но он в письме к поэту Я. П. Полонскому (опубликованном 25 мая 1880 года в газете "Страна") с огорчением сообщил, что из-за простуды отказывается от этой чести. "Не случись этой невзгоды со мной, я счел бы святою своею обязанностью, без всяких напоминаний, у подножия памятника, в Москве, вместе с другими писателями поклонится памяти нашего общего великого образца и учителя в искусстве и моего особенно."¹

По семейным обстоятельствам не смог прибыть из Симбирска в Москву и поэт-симбирянин Дмитрий Николаевич Садовников, для которого Пушкин с детства был "неисчерпаемым источником наслаждения." Но он сделал все, что мог, и написал стихотворение "На открытие памятника Пушкину", которое было зачитано 6 июня в зале Московского Дворянского собрания (ныне Колонном зале Дома Союзов) и, по словам поэта Я. П. Полонского, "произвело впечатление, а чтец был осыпан рукоплесканиями битком набитой громадной залы". Особенно тепло приняли слушатели такие строки из стихотворения Садовникова, обращенные к Пушкину:

Но мы любили спорною любовью, —
Давно ль у нас топтали твой венок?
Но ты простишь минутному злословью.
Прекрасного созданием высок —

¹ Гончаров И. А. Собр. соч., т. 8, с. 470.

Простишь ты нам, что речь, тебе родная,
Вплела шипы в лавровый твой венец...
Теперь мы все сошлись на праздник Мая —
Твой первый день приветствовать, певец,
И в честь тебя, поэта-чародея,
Певца святой любви и красоты,
Весна, как встарь, кидает, не жалея,
К твоим ногам душистые цветы!¹

В числе почетных гостей в зале Дворянского собрания находился писатель И. С. Аксаков, который при открытии памятника Пушкину привел в своей речи стихи поэта-симбирянина Николая Языкова, написанные в 1845 году на открытие памятника Н. М. Карамзину в Симбирске:

Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенный
На поле книжного труда,
Венчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войне,
Стоят торжественно, перед лицом народа
Уже на ровной вышине!²

На всех торжествах, связанных с открытием памятника в Москве, в качестве "депутата провинциальных театров" России присутствовал уроженец Симбирска, выдающийся актер, рассказчик и писатель Василий Николаевич Андреев-Бурлак. Не без его влияния за руководимым им в белокаменной театром уже в сезоне 1880 года закрепилось название "Театр близ памятника Пушкину" или "Пушкинский театр". По инициативе главного режиссера Андреева-Бурлака в этом театре 19 ок-

¹ Трофимов Ж. "Прекрасного созданием высок..." // Ульяновская правда, 1997, 7 июня.

² Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988, с. 363.

тября того же года были поставлены сцены из пушкинских произведений "Каменный гость" и "Барышня-крестьянка", сбор от которых пошел в пользу "капитала имени Пушкина при Литературном фонде".

А из журнальных публикаций, приуроченных к открытию памятника поэту в Москве, внимание общественности привлекла статья опять-таки нашего земляка — П. В. Анненкова, напечатанная в "Вестнике Европы" и посвященная общественным идеалам А. С. Пушкина.

"Он всегда останется тем, — писал Анненков, — кем был при жизни — представителем типа гуманного развития и свою эпоху, примером человека, который, при всех обстоятельствах, сохранял живое гражданское чувство, и всю жизнь обнаруживал неустанную энергию в проповеди справедливых, честных отношений между людьми, за что и подвергался часто обвинению в беспокойном либерализме, — который, наконец, всею душою постоянно желал для своей родины умножения прав и свободы..."¹

Не прошло и двух недель с того дня, как Дмитрий Садовников познакомился в Симбирске с этой статьей Павла Васильевича, как в городе на Волге появился сам ее автор, направлявшийся в родовое имение Чириково Симбирского уезда. На Новом Венце или в Карамзинской общественной библиотеке произошла встреча между 33-летним поэтом-фольклористом и первым пушкинистом, начавшим публицистическую деятельность еще до появления на свет Садовникова. Из писем Дмитрия Николаевича в Петербург к Я. П. Полонскому, датированных июнем 1880 года, видно, что П. В. Анненков с уважением относился к даровитому поэту и тот по его просьбе взялся помочь своими советами начинающей поэтессе Е. В. Языковой. Анненкову "очень понравились" только что сочиненные Са-

¹ Вестник Европы, 1880, № 6, с. 637.

довниковым три песни о Степане Разине. Дмитрий Николаевич в письме к Полонскому с досадой сказал и о том, "как жаль, что песни о Стеньке, набросанные Пушкиным...пропали в III отделении"¹.

Через два года, тоже летом, в Симбирске произойдет новая встреча между Анненковым и Садовниковым. К сожалению, сообщив об этом Полонскому, поэт не привел подробностей бесед с Павлом Васильевичем. Но несомненно, что встречи со знаменитым издателем сочинений Пушкина и его первым биографом оказали определенное влияние на то, что именно с 1882 года Д. Н. Садовников станет одним из активных членов Пушкинского кружка в Петербурге.

Краткий обзор высказываний литераторов-симбирян о своем великом собрате по Парнасу уместно завершить характеристикой произведений, созданных Пушкиным по результатам поездки 1883 года по Поволжью и Уралу, данной прозаиком и поэтом графом Владимиром Александровичем Соллогубом:

"Есть произведение Пушкина, мало оцененное, мало замеченное, а в котором, однако, он выразил свои художественные убеждения. Это история Пугачевского бунта. В руках Пушкина, с одной стороны, были сухие документы, тема готовая. С другой стороны, его воображению не могли не улыбаться картины удалой разбойничьей жизни, русского прежнего быта, волжского раздолья, степной природы. Тут поэту дидактическому и лирическому был неисчерпаемый источник для описаний, для порывов. Но Пушкин превозмог самого себя. Он не позволил себе отступить от связи исторических событий, не проронил лишнего слова, — спокойно распределил в должной соразмерности все части своего рассказа, утвердил свой слог достоинством, спокойствием

¹ Пушкинский Дом (ИРЛИ), ф. 7, № 87, л. 13.

Пушкин Александр
Сергеевич

Языков
Николай Михайлович

Языков
Петр Михайлович

Языков
Александр Михайлович

Карамзин Николай
Михайлович

Дмитриев
Иван Иванович

Тургенев
Александр Иванович

Тургенев
Николай Иванович

Давыдов
Денис Васильевич

Григорович
Дмитрий Васильевич

Анненков
Павел Васильевич

Одоевский
Владимир Федорович

А. М. Загряжский
с семьей

Загряжская
Елизавета Александровна

Пушкин
Лев Сергеевич

Ознобишин
Дмитрий Петрович

Гончаров
Иван Александрович

Минаев
Дмитрий Дмитриевич

Садовников
Дмитрий Николаевич

Дом губернатора, в котором останавливался
А. С. Пушкин

Спасский женский монастырь

Общий вид города с ярмарочной площади

Большая Саратовская улица

Спасская улица. Справа — дом Языковых

Спасская ул.

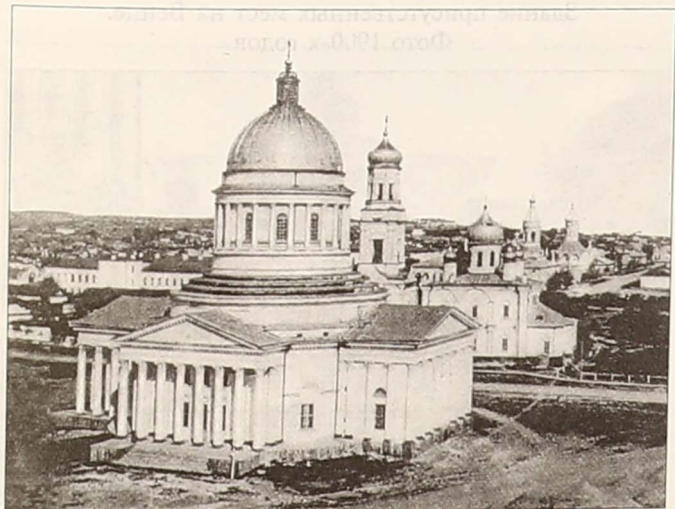
г. Симбирскъ.

Спасская улица. Справа — дом Языковых

Симбирск. — Simbirsk. № 8.
Комисариатская улица.

Комисариатская улица. Фото 1890-х годов

Кафедральные соборы Симбирска. Фото XIX века

Симбирск.

Назначейство.

Здание присутственных мест на Венце.
Фото 1900-х годов

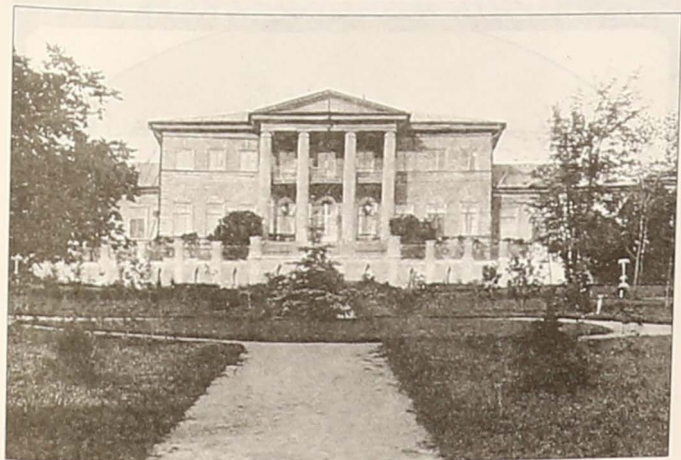

Симбирск. Дом Пустынникова. Фото 1900-х годов

Симбирск — Simbirsk № 1.
Московская улица.

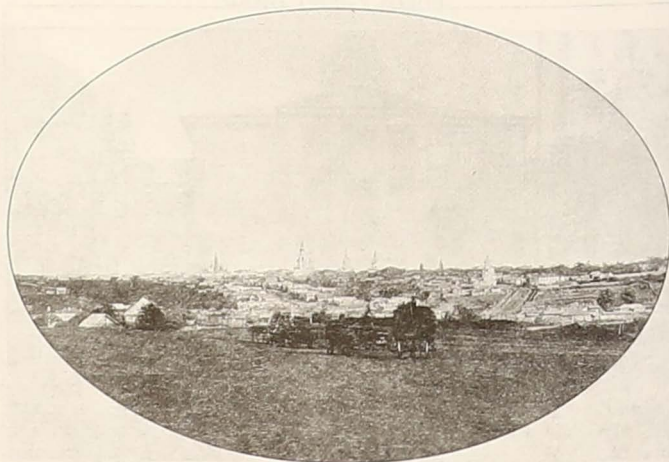
Московская улица. Фото 1900-х годов

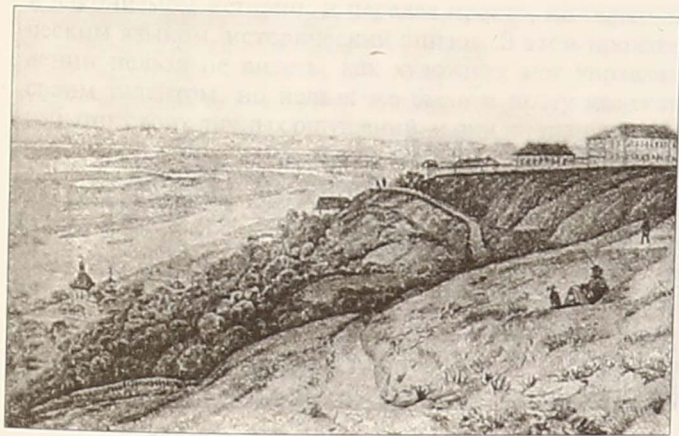
Господский дом в селе Языково

Дом Гончарова

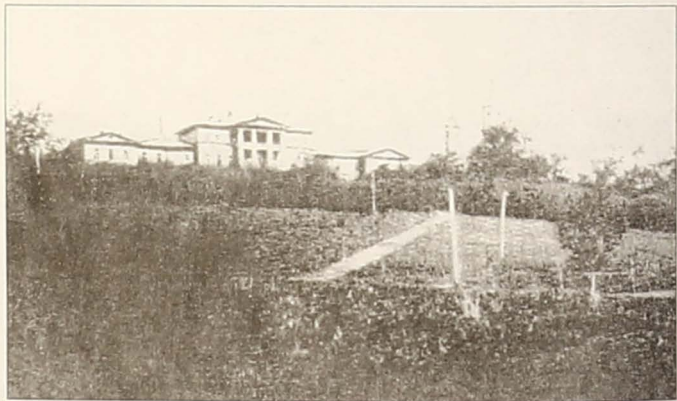
Вид Симбирска из Засвияжья

Симбирский Венец. Рис. В. А. Жуковского. 1837 г.

Дом Карамзина. Рис. А. С. Пушкина. 1833 г.

Село Языково. Фото 1890-х годов

Симбирскъ. Мужской монастырь.

Мужской Покровский монастырь. Фото 1890-х годов

и лаконизмом истории, и передал просто, но гармоническим языком, исторический эпизод. В этом произведении нельзя не видеть, как художник мог управлять своим талантом, но нельзя же было и поэту удержать избыток своих личных ощущений, и они вылились в "Капитанской дочке", они придали ей цвет, верность, прелесть, законченность, до которой Пушкин еще никогда не возвышался в цельности своих произведений. "Капитанская дочка" была, так сказать, наградой за Пугачевский бунт. Она служит доказательством, что в делах искусства всякое усилие таланта, всякое критическое самообуздывание приносит свое плодотворное последствие и дает дальнейшим попыткам новые силы, новую твердость".¹

¹ *Соллогуб В. А.* Опыты критических оценок. Пушкин в его сочинениях. // Беседы в Обществе любителей российской словесности при Московском университете, вып. 1. М., 1867, отд. 2, с. 4.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) — писатель, активный деятель позднего славянофильства — 126.

Александр I Павлович (1777—1825) — император России с 1801 г. — 45, 73.

Александр II Николаевич (1818—1881) — император России с 1855 г. — 25, 43.

Андреев-Бурлак Василий Николаевич (1843—1889) — актер и писатель, создатель Пушкинского театра в Москве — 126.

Анненков Павел Васильевич (1812—1887) — прозаик, критик, первый ученый-пушкинист и издатель собрания сочинений А. С. Пушкина — 7, 8, 16, 17, 62, 103, 120, 122, 127, 128.

Аполлон — бог света по греческой мифологии. Аполлон Бельведерский — статуя, найденная в 1495 г., ныне хранящаяся в Ватикане — 68.

Аржевитинов Иван Семенович (1792—1848) — двоюродный брат А. И. Тургенева, инвалид Отечественной войны 1812 года — 11, 39, 68, 111.

Арина Родионовна — см. **Яковлева**.

Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1778—1850) — историк, литератор. В 1834—1835 гг. в связи с работой над "Историей Пугачева" с ним переписывался А. С. Пушкин. — 92, 93.

Баратаев (Бараташвили) Михаил Петрович (1784—1856) — симбирский губернский предводитель дворянства, поэт, ученый-нумизмат — 52.

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844) — известный поэт, близкий знакомый А. А. Дельвига, А. С. Пушкина, Н. М. Языкова — 21, 68, 85, 115.

Бартенев Петр Иванович (1829—1912) — историк и археограф, основатель и редактор журнала "Русский архив" — 4.

Баюшев Василий Иванович (1818—1885) — князь, симбирский помещик, автор статей о Д. И. Минаеве, Д. П. Ознобишине, И. И. Пушкиреве, М. П. Баратаеве. В своих воспоминаниях упоминает о приезде А. С. Пушкина в Симбирск — 9, 12.

Бенардаки Дмитрий Егорович (1799—1870) — герой борьбы греков против османского ига, поручик российской армии, предприниматель-миллионер, создатель судостроительного завода в Сормово, прототип Костанжогло в "Мертвых душах" Н. В. Гоголя. — 37, 51.

Бенземан Иван Адольфович (1815—1860) — академик архитектуры, автор проекта здания Дворянского собрания в Симбирске — 45.

Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844) — граф, шеф жандармов и начальник III отделения — 10, 15, 17, 91, 94, 97.

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — великий критик — 107, 123, 124.

Бестужев Григорий Александрович (1780—1850) — генерал-майор, симбирский губернский предводитель дворянства (1835—1840) — 11.

Бибииков Александр Ильич (1729—1774) — генерал-аншеф, командующий войсками, подавившими Пугачевское восстание — 90, 91, 100.

Блохинцев Александр Николаевич (1912—1994) — участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., краевед, автор статей об А. С. Пушкине, один из организаторов дней поэзии в с. Языково — 24, 60.

Броневский Владимир Богданович (1784—1835) — генерал-майор, военный историк, автор рецензии на пушкинскую "Историю Пугачева" (1835) — 99.

Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863) — московский почтовый директор (1832—1856), у которого 27 августа 1833 г. в Москве А. С. Пушкин получил подорожную для поездки в Поволжье и на Урал — 19, 110, 111.

Бунтова Ирина Афанасьевна (1760—1848) — оренбургская казачка, свидетельница Пугачевского восстания, собеседница А. С. Пушкина 19 сентября 1833 года в Бердской станице — 83.

Бутурлин Михаил Петрович (1786—1860) — нижегородский губернатор (1831—1843), генерал-майор. 2 сент. 1833 г. он с женой Анной Петровной принимал у себя А. С. Пушкина — 20, 21, 83, 90.

Вересаев Викентий Викентьевич (1867—1945) — врач, известный писатель, автор документального сборника "Пушкин в жизни" — 32.

Виельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856) — граф, камергер, музыкант-дилетант, хозяин музыкального салона в Петербурге — 18.

Волконская (урожденная Раевская) Мария Николаевна (1805—1863) — жена декабриста С. Г. Волконского — 57.

Вревская (урожденная Вульф) Евпраксия Николаевна (1809—1883) — баронесса, дочь П. А. Осиповой, жена поручика Б. А. Вревского — 103, 117, 118, 120.

Второв Иван Алексеевич (1772—1844) — поэт, мемуарист. 9 сентября 1833 г. встречался с А. С. Пушкиным в доме симбирского губернатора А. М. Загряжского — 24, 34.

Второв Николай Иванович (1818—1865) — историк, краевед, этнограф, журналист — 24, 67.

Вульф Алексей Николаевич (1805—1881) — сын П. А. Осиповой, выпускник Дерптского университета, приятель А. С. Пушкина и Н. М. Языкова — 53, 102, 103, 114, 117, 118, 119, 120.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, журналист и литературный критик, деятельный сотрудник "Литературной газеты" и "Современника" времени А. С. Пушкина — 104, 111, 112.

Гальберг Самуил Иванович (1787—1839) — проф. скульптуры Академии художеств, автор памятника Н. М. Карамзину в Симбирске, посмертной маски и бюста А. С. Пушкина — 116.

Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт и мыслитель — 50.

Годунов Борис Федорович (1551—1605) — в 1598 году был избран Земским Собором России на царство и правил до своей смерти (13 апр. 1605 г.) — 13, 15.

Гончаров Иван Александрович (1812—1891) — писатель — 24, 27, 30, 32, 41, 48, 75, 122, 123.

Гриценко Николай Петрович (1912—1980) — историк-краевед, автор статьи "Работа А. С. Пушкина над "Историей Пугачева" (1949) — 26.

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — поэт, герой Отечественной войны 1812 года — 23, 79, 83, 93, 102, 104, 109, 112, 115.

Даль (псевдоним — Казак Луганский) Владимир Иванович (1801—1872) — литератор, этнограф, лингвист, автор "Толкового словаря живого великорусского языка" — 77, 78, 79, 82, 83, 111, 114.

Дантес (Геккери) Жорж Карл (1812—1895) — барон, поручик, виновник гибели А. С. Пушкина — 109, 113, 114.

Державин Николай Александрович (1888—1928) — краевед, автор статей о литераторах Симбирска и здешнем театре — 11, 19.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — уроженец Симбирского края, поэт, баснописец; оказывал помощь А. С. Пушкину при работе над "Историей Пугачева" — 8, 15, 22, 44, 91, 98, 99, 100.

Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — племянник И. И. Дмитриева, поэт и литературный критик — 46.

Дурасов Николай Алексеевич (1740—1810) — богатый симбирский помещик, владелец "дома Пустынникова" и действовавшего там крепостного театра — 44.

Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — императрица России — 44, 100.

Ермолов Александр Федорович (1743—1819) — симбирский губернский предводитель дворянства, дед Н. М. Языкова — 46, 90, 91.

Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — генерал от инфантерии, главноуправляющий Грузией (1816—1827), родственник поэта Н. М. Языкова — 47, 51.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт, переводчик — 10, 25, 43, 92, 94, 116.

Загоскин Николай Павлович (1851—1912) — профессор истории Казанского университета, издатель "Волжского вестника", автор очерка "А. С. Пушкин в Казани" — 66, 68.

Загряжский Александр Михайлович (1796—1883) — симбирский губернатор (1831—1835), дальний родственник жены А. С. Пушкина — 12, 22, 23, 28—35, 43, 49, 54, 63, 73, 80.

Загряжская Каролина Осиповна — жена А. М. Загряжского — 31, 32, 35, 63.

Загряжская Елизавета Александровна (1822 —?) — дочь А. М. Загряжского, жена Л. С. Пушкина — 31, 32.

Зерцалов Алексей Николаевич (1839—1897) — автор "Материалов по истории Симбирского края XVII и XVIII вв." и "Материалов для истории Симбирска и уезда" — 14.

Ивашев Василий Петрович (1797—1840) — декабрист — 23, 33, 56, 57.

Ивашев Петр Никифорович (1767—1838) — генерал-майор, сподвижник Суворова — 23, 33, 48, 56, 57.

Ивашева (урожденная Толстая) Вера Александровна (1780—1837) — жена П. Н. Ивашева — 57.

Ивашева (урожденная Ледантю) Камилла Петровна (1808—1839) — жена В. П. Ивашева — 57, 58.

Калашников Гаврила Михайлович (1814 — после 1838) — сын управителя болдинского имения Пушкиных, камердинер А. С. Пушкина во время его путешествия по Поволжью и Уралу — 19, 50, 83.

Карамзин Василий Михайлович (1750-е гг. — 1828) — старший брат Н. М. Карамзина, симбирский помещик, чиновник и общественный деятель — 12, 16, 75, 77.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — писатель и историк — 8, 15, 22, 32, 36, 39, 55, 75, 42, 44, 47, 55, 58, 70, 71, 75, 77, 116, 126.

Катенин Павел Александрович (1792—1852) — полковник, поэт, критик, драматург, театрал — 84.

Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — фольклорист, археограф, публицист — 19, 85, 106, 107, 115.

Комовский Василий Дмитриевич (1803—1851) — историк и переводчик; в 1838—1850 гг. — директор канцелярии министра народного просвещения — 84, 86, 93, 100, 101, 111, 113, 114.

Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — судебный деятель и писатель, сотрудник журнала "Вестник Европы", близкий друг И. А. Гончарова — 123.

Коринфский Михаил Петрович (1788—1851) — академик архитектуры, автор проекта Троицкого собора в память Отечественной войны 1812 г. и других сооружений в Симбирске — 43.

Короткова (урожденная Габленц) Констанция Ивановна (1820—1900) — подруга дочери губернатора Лизы Загряжской, автор воспоминаний о пребывании А. С. Пушкина в Симбирске — 31, 32.

Кравкова Варвара Ивановна (1810 — ?) — дочь отставного офицера, которой П. Д. Сеченов (отчим князя В. Ф. Одоевского) помог бежать из дома в Симбирский женский монастырь. А. С. Пушкин во время пребывания в Симбирске интересовался делом "скромной отшельницы" — 34, 49, 50.

Крылов Александр Алексеевич (1785—1841) — полковник, герой Бородинского сражения 1812 года, симбирский чиновник и помещик — 40.

Крылов Алексей Николаевич (1863—1945) — академик, Герой Социалистического Труда — 40.

Крылов Николай Александрович (1831—1907) — мировой посредник Симбирской губернии, публицист — 40.

Лабзин Александр Федорович (1766—1825) — вице-президент Академии художеств, масон, умер в 1825 году в Симбирске, где отбывал ссылку — 40, 46.

Лейбгольд Павел Петрович (?—?) — участник боев под Бородином, врачебный инспектор симбирского губернского правления — 40.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — великий поэт — 8, 39, 112, 115.

Лизогуб Иван Иванович (1800-е — ?) — губернский архитектор, автор проекта Гостиного двора в Симбирске, других сооружений — 33.

Лотман Юрий Михайлович (1922—1993) — литературовед, автор книг "А. С. Пушкин" и "Роман А. С. Пушкина "Евгений Онегин" — 16, 93.

Майков Леонид Николаевич (1839—1900) — историк литературы, фольклорист, академик — 122.

Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — историк, фольклорист, сотрудник "Литературной газеты" А. С. Пушкина — 85.

Маркс Карл (1818—1883) — основоположник научного социализма — 27.

Мартынов Павел Любимович (1847—1921) — юрист, член Симбирской губернской ученой архивной комиссии, автор книг "Город Симбирск за 250 лет его существования", "Селения Симбирского уезда" и др. — 9, 11.

Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1899) — поэт-сатирик, переводчик и драматург, сотрудник многих демократических изданий — 123, 124.

Михельсон Иван Иванович (1740—1807) — полковник, отличившийся в подавлении Пугачевского восстания — 90.

Модзалевский Лев Борисович (1902—1948) — сын Б. Л. Модзалевского, автор книг и статей об А. С. Пушкине — 71, 72, 74.

Мойер Иван Филиппович (1786—1858) — профессор медицины Дерптского университета — 7.

Мордвинов Александр Николаевич (1792—1869) — управляющий III отделением императорской канцелярии, помощник А. Х. Бенкендорфа — 17, 18.

Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874) — поэт, писатель — 69.

Мятлев Иван Петрович (1796—1844) — камергер, поэт — 22.

Нащокин Павел Воинович (1801—1854) — отставной поручик, московский приятель А. С. Пушкина — 19, 61, 62, 88, 92, 116.

Николай I Павлович (1796—1855) — император России — 10, 15, 17, 18, 29, 44, 92, 93, 94.

Одоевский Владимир Федорович (1808—1869) — писатель-романтик, критик, композитор-дилетант — 4, 34, 35, 50, 111.

Ознобишин Дмитрий Петрович (1804—1877) — поэт, переводчик, этнограф, издатель — 3, 10, 22, 39, 75, 120.

Орлов Владимир Григорьевич (1743—1831) — граф, приволжский помещик, сопровождал Екатерину II в путешествии по Волге в 1767 — 53.

Панин Петр Иванович (1721—1789) — граф, сенатор, генерал-аншеф, командующий войсками, подавившими Пугачевское восстание — 44, 90, 91, 100.

Перовский Василий Алексеевич (1795—1857) — участник битвы под Бородином 1812 года, оренбургский губернатор, генерал-адъютант — 20, 21, 77.

Перцов Эраст Петрович (1804—1873) — литератор, публицист, петербургский знакомый А. С. Пушкина — 67, 68.

Петр I Алексеевич (1672—1725) — первый император Всероссийский — 16, 85.

Петр III Федорович (1728—1762) — император, муж будущей Екатерины II — 16.

Плетнев Петр Александрович (1790—1865) — профессор и ректор Петербургского университета (1840—1861), академик, литературный критик, издатель "Современника", друг А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя — 61, 88.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, профессор истории Московского университета; в 1827—1830 гг. — издатель "Московского вестника"; в 1841—1856 гг. — "Москвитянина"; с 1841 г. — академик — 85, 86, 103, 105.

Поливанов Владимир Николаевич (1848—1915) — археолог, председатель Симбирской губернской ученой архивной комиссии — 7, 9, 59.

Поливанов Николай Иванович (1814—1874) — полковник, друг М. Ю. Лермонтова — 8, 11.

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — поэт, друг И. С. Тургенева, Д. Н. Садовникова — 125, 127, 128.

Пустынников (он же — Мясников-Пустынников) Иван Семенович (1710—1780) — симбирский купец, уральский горнозаводчик — 44, 45.

Пушкарёв Иван Ильич (1808—1848) — историк, автор "Историко-географического описания городов Симбирской губернии" (1837) — 41, 46.

Пушкин Александр Александрович (1833—?) — старший сын поэта — 62.

Пушкин Гаврила Григорьевич (?—1638) — стольник, воевода, предок А. С. Пушкина — 14.

Пушкин Григорий Гаврилович (?—1632) — нижегородский наместник, предок А. С. Пушкина — 14.

Пушкин Иван Никитич (?—?) — алатырский воевода в 1638—1639 годах, предок А. С. Пушкина — 14.

Пушкин Лев Сергеевич (1805—1852) — младший брат поэта — 15, 32, 62.

Пушкина Надежда Осиповна (1775—1836) — мать поэта — 102.

Пушкин Михаил Федорович (?—?) — симбирский стольник 1685 года, предок А. С. Пушкина — 14.

Пушкина Мария Александровна (1832—1919) — старшая дочь поэта — 20, 88.

Пушкина Наталья Александровна (1836—1913) — младшая дочь поэта — 5, 107, 120, 121.

Пушкина Наталья Николаевна (1812—1863) — жена поэта — 5, 12, 18—22, 24, 27, 28, 30, 61, 65, 72, 78, 81, 87, 88, 89, 94, 95.

Пыхачев Иван Григорьевич (?—?) — помещик Бузулукского уезда, обладатель документов о Пугачевском восстании, знакомый Д. В. Давыдова — 93.

Пугачев Емельян Иванович (1740—1775) — вождь Крестьянского восстания 1773—1775 годов — 3, 15, 17, 20, 26, 43, 45, 57, 79, 87—93, 96—100.

Разин Степан Тимофеевич (1630—1671) — донской казак, предводитель Крестьянской войны 1670—1671 годов — 7, 15, 42, 75, 128.

Румянцев Петр Александрович (1725—1796) — граф, генерал-фельдмаршал — 90, 91, 100.

Рушко Михаил Матвеевич (1760—1840) — губернский архитектор, строитель здания присутственных мест на Венце в Симбирске (ныне — сельхозакадемии) — 76.

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт, издатель альманаха "Полярная звезда", декабрист — 75.

Рычков Петр Иванович (1712—1777) — экономист, историк, естествоиспытатель, автор книг "История Оренбургская по

учреждение Оренбургской губернии", "Опыт Казанской истории древних и средних времен", "Введение к Астраханской топографии" — 50, 57, 87, 89, 92, 100.

Садовников Дмитрий Николаевич (1847—1883) — поэт, этнограф, литературный критик — 6, 7, 125, 127, 128.

Свербеев Дмитрий Николаевич (1799—1874) — дипломат, переводчик, мемуарист, родственник поэта Н. М. Языкова — 39, 54, 105.

Селиванов Константин Алексеевич (1896—1974) — заслуженный учитель России, автор книг по литературному краеведению — 24, 26, 74.

Сеченов Петр Дмитриевич (1780-е гг. — 1840-е гг.) — отставной подпоручик, саранский полицмейстер, отчим В. Ф. Одоевского — 5, 34, 35.

Смольников Игорь Федорович (род. в 1930 г.) — писатель, литературовед, автор книги "Путешествие Пушкина в Оренбургский край" — 80.

Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — библиофил, приятель А. С. Пушкина — 18.

Соймонов Алексей Дмитриевич (?—?) — советский литературовед, фольклорист — 86.

Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882) — писатель, чиновник министерства внутренних дел, автор "Воспоминаний" — 10.

Спасский Григорий Иванович (1783—1864) — историк; в 1833 году предоставил А. С. Пушкину рукопись П. И. Рычкова, касающуюся времен Пугачева — 90.

Спасский Иван Тимофеевич (1795—1861) — доктор медицины, домашний врач Пушкиных, автор записки "Последние дни А. С. Пушкина" — 90, 111.

Стогов Эраст Иванович (1795—1880) — симбирский штаб-офицер, автор "Записок", где освещается жизнь Симбирска 1830-х годов — 29.

Столыпин Александр Алексеевич (1774—1846) — адъютант А. В. Суворова, попечитель Симбирской мужской гимназии — 11, 39.

Суперанский Михаил Федорович (1864—1930) — чиновник, автор исследования о жизни и творчестве И. А. Гончарова — 9, 10, 11.

Суворов Александр Васильевич (1729—1800) — полководец — 39, 90.

Славянский Юрий Лавретьевич — автор книги "Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал", вышедшей в Казани в 1980 году — 26.

Татаринов Александр Николаевич (1810—1861) — товарищ Н. М. Языкова по Дерптскому университету, либеральный деятель реформы 1861 года, родственник семьи Тургеневых — 111.

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — общественный деятель, археограф и литератор — 4, 8, 15, 36, 110, 112, 120.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — великий писатель — 5, 6.

Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — декабрист, историк — 76.

Уваров Сергей Сергеевич (1786—1855) — министр народного просвещения — 99, 101.

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич (1870—1924) — первый председатель правительства Советской России — 45.

Федоров Борис Михайлович (1798—1875) — прозаик и стихотворец, петербургский знакомый А. С. Пушкина — 112.

Фукс Александра Андреевна (1805—1853) — казанская поэтесса, писательница, знакомая А. С. Пушкина — 67, 68.

Фукс Карл Федорович (1776—1846) — профессор медицинского факультета Казанского университета, натуралист, этнограф, знакомый А. С. Пушкина — 67, 68.

Хованский Юрий Сергеевич (1806—1868) — князь, симбирский помещик, муж сестры декабриста В. П. Ивашева Екатерины Ивашевой — 33.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, публицист и философ-славянофил — 105, 109, 113.

Хомякова (урожденная Языкова) Екатерина Михайловна (1817—1862) — жена А. С. Хомякова, московская знакомая А. С. Пушкина — 105, 109.

Хрипков Александр Дмитриевич (1800-е гг. — ?) — дерптский приятель Н. М. Языкова, художник — 115.

Цявловский Мстислав Александрович (1883—1947) — литературовед, автор работ о жизни и творчестве А. С. Пушкина — 24.

Шидловский Дмитрий Николаевич (1810-е гг. — ?) — помещик, владелец дома на Старом Венце в Симбирске — 76.

Шелудяк Федор (?—?) — предводитель отряда разинцев, штурмовавших в 1671 году Симбирск — 42.

Шишков Александр Семенович (1754—1841) — адмирал, писатель, президент Российской академии — 84.

Шувалов Н. А. (?) (1750 — после 1833) — согласно преданию, был фореитором у Е. Пугачева — 32.

Юрлов Александр Иванович (1793—1885) — поручик, участник Отечественной войны 1812 года, симбирский помещик — 11, 68, 69.

Юрлов Аполлон Иванович (1800—?) — подпоручик, владелец дома в Симбирске — 11, 12, 70.

Юрлов Владимир Петрович (1830—1903) — поручик, краевед, журналист — 10, 11, 12, 66, 68, 69.

Языков Александр Михайлович (1799—1874) — брат поэта, общественный деятель Симбирска, знакомый А. С. Пушкина — 7, 33, 56, 68, 74, 81, 82, 86, 87, 93, 95, 96, 100, 101, 105, 107, 112, 113, 114.

Языков Михаил Петрович (1767—1819) — отец поэта Н. М. Языкова — 59.

Языков Николай Михайлович (1803—1846) — выдающийся поэт-лирик, "родня по вдохновенью" А. С. Пушкина — 6—9, 13, 15, 19, 22, 33, 36, 39, 46, 47, 50, 51, 53, 54, 56, 63, 68, 81, 82, 85, 86, 87, 95, 96, 101, 102, 103, 105, 106, 108, 109, 113—120, 126.

Языков Петр Михайлович (1798—1851) — брат поэта, геолог, этнограф, член комитета по сооружению памятника Н. М. Карамзину в Симбирске и созданию общественной библиотеки имени Карамзина; знакомый А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя — 9, 12, 33, 54, 55, 56, 58—61, 63, 70, 82, 87, 96, 105.

Языкова (урожденная Ивашева) Елизавета Петровна (1805—1848) — жена П. М. Языкова — 56.

Языкова Прасковья Михайловна (1807—1850) — сестра поэта; вместе с мужем П. А. Бестужевым участвовала в сборе фольклора — 70, 110.

Яковлева Арина Родионовна (1758—1828) — крепостная крестьянка, няня А. С. Пушкина — 14, 54.

СОДЕРЖАНИЕ

Симбирские дни Пушкина. Мифы и реальность	3
От Петербурга до Симбирска	13
День первый	23
Симбирск 1833 года	36
Первая поездка в Языково	50
Проверяя дряхлеющую память	64
Симбирское притяжение	73
“... Оставляю тебя для Пугачева”	87
Преданность сердцем и памятью	98
“Наш славный Пушкин убит...”	108
В венец “поэта-чародея”	120
Указатель имен	130

**Трофимов
Жорес Александрович**

СИМБИРСКИЕ ДНИ ПУШКИНА

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор *Павлова Н. Ф.*
Корректоры: *Антипова Е. А., Гранитова Н. В.,
Пятигорец О. В.*

Лицензия ЛР № 040806 от 24 марта 1997 г.

Сдано в набор 4.11.99 г. Подписано в печать 27.12.99 г.
Формат 70x100 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура Тип-Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 6,12.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3110.

ГУП «Облтипография «Печатный двор»
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27

np. 2010 15 =
np 2019

KP

